

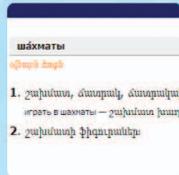
armenia.ru

Armenia.ru - портал для тех кто интересуется Арменией

BaRaRaN – это первый армянский онлайн словарь. Удобный интерфейс, несколько направлений перевода, большое количество слов.

bararan.armenia.ru

«Армянский салон» принимает ценителей армянской культуры и тех, кто желает с ней ознакомиться.

arvest.armenia.ru

Онлайн радио Armenia.ru - интернет-радио, на котором звучит армянская музыка. Полный спектр богатой армянской музыки – от поп- рок- и джаза до народной и классической.

radio.armenia.ru

«Смотри на Armenia.ru» - это армянский видеохостинг, который день ото дня наполняется самым разным видео.

tes.armenia.ru

Библия — собрание священных текстов христиан, состоящее из Ветхого и Нового Завета. Переводы Библии на русский, армянский и английский языки, а так же грабар.

bible.armenia.ru

«Новости на Armenia.ru» - всегда в курсе последних событий.

news.armenia.ru

Слово языка их есть грех уст их, да уловятся они в гордости своей за клятву и ложь, которую произносят. Псалом 58:13

www.artsakh.info

Посвящается памяти жертв геноцида армян. Энциклопедия, документы, книги, фотографии, новости о проблеме.

genocide.ru

Все лучшее впереди!

Координатор проекта
Армен ХЕЧОЯН

Координационный совет:
Вадим АВАНЕСОВ
Артем ЗЕНЯН
Рубен ЗЕНЯН

Учредитель ООО «АНИВ-М»
Россия, 119048, г.Москва,
ул.Усачева, д.10

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны
культурного наследия.
Свидетельство ПИ №ФС77-31782
от 23.04.2008

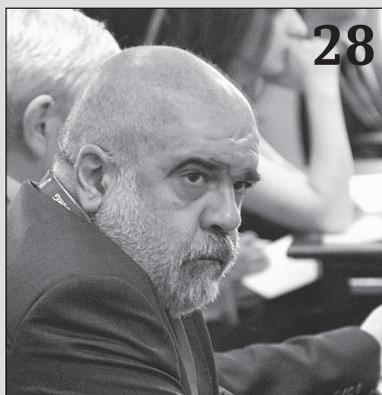
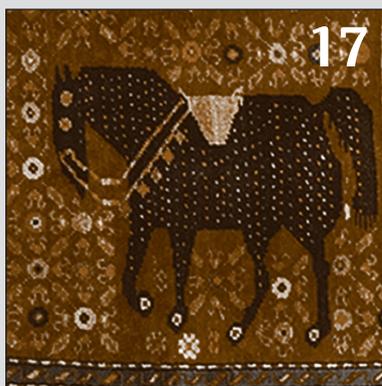
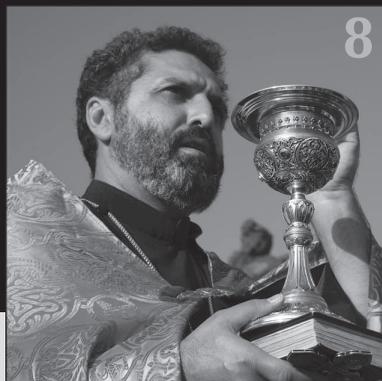
www.aniv.ru
e-mail: Aniv2005@yandex.ru

по вопросам подписки
в странах ЕС
e-mail: info@ethnoprincipe.net
Представитель журнала
в Украине Самвел АЗИЗЯН
e-mail: aniv-ukraina@mail.ru
tel.+380 99 70718 68

Подписано в печать 27.07.2012г.
Отпечатано в типографии
ИП «Альтиора – Живые краски»
Адрес: 220072, г. Минск,
ул. Сурганова, д. 11
Заказ №
Тираж 2000 экземпляров

При верстке журнала
был использован шрифт
«AMG Anahit Semi Serif»
<http://anahit.armenia.ru>
предоставленный
ООО «Аракс Медиа Групп»
<http://arax.ru>

Перепечатка или иное
воспроизведение любой части журнала
допускается только с письменного
разрешения редакции.
Точка зрения авторов статей
не всегда совпадает с мнением редакции.

Главный редактор
Карен АГЕКЯН

Заместитель
главного редактора
Рачья АРЗУМАНЯН

Дизайн и верстка
Наталия ОВОД

Корректор
Валентина МИКУТИНА

АНИВ № 3 (42) 2012

«МЫ ПОКА ЕЩЕ НИ О ЧЕМ НЕ
ДОГОВОРИЛИСЬ»
беседа с отцом Месропом АРАМЯНОМ
(Ереван, РА)

2

Рачья АРЗУМАНЯН (Степанакерт, НКР)
АНОМИЯ

9

Лилия АВАНЕСЯН (Ереван, РА)
СВЯЗЬ ИЗОБРАЖЕНИЙ
АРМЯНСКИХ КОВРОВ
С ПОГРЕБАЛЬНЫМ ОБРЯДОМ

12

ПОТЯНУТЬ ЗА НИТЬ
интервью с Лилией АВАНЕСЯН

24

«ЭТОТ БОРЩ ВАРИТСЯ ЗДЕСЬ»
интервью с Александром
ИСКАНДАРЯНОМ (Ереван, РА)

28

Армен ХЕЧОЯН (Минск, Беларусь)
ПО СЛЕДАМ СВ. АУРЕЛИУСА

38

ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ
СВ. АУРЕЛИУСА
рассказывает Клаус Петер
ХАРТМАНН (Хирсау, Германия)

47

Теодор КЛЮППЕЛЬ (Хирсау, Германия)
СВЯТОЙ АУРЕЛИУС В ХИРСАУ

50

Карен АГЕКЯН
ЭТНИЧЕСКАЯ НАЦИЯ:
ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ
(продолжение)

73

К Арапату

Мы пока еще ни о чем не договорились

беседы с отцом Месропом АРАМЯНОМ

Беседа первая

Карен Агемян: Моральное ядро в обществе – как оно формируется, в чем его значение?

Отец Месроп Арамян: Однозначной технологии нет. На протяжении веков в жизни народа накапливается некий совместный моральный капитал, и у каждого народа должно быть сообщество – носитель этих ценностей, которое передает их от поколения к поколению. В истории любого народа были институты и сообщества, которые передавали таким образом ценности, мудрость, национальный духовный капитал. Если таких сообществ нет, их нужно срочно создавать – объединять людей вокруг этих идей, сеять семена в обществе. Такие люди и группы людей должны играть важную роль в жизни народа. В идеале

носителем духовных ценностей и передающим звеном должна быть политическая элита народа.

Очень важно, чтобы авторитет был не личностным, а идейным, чтобы носителем его было сообщество. Тогда мы сможем передавать ценности демократическим путем.

К. А.: В нашем, армянском, случае эти ценности и смыслы сформированы, существуют?

О. М. А.: По сути дела это все есть. Эти духовные ценности есть и в Библии, и в нашей армянской духовной традиции. Однако не надо забывать, что при всех особенностях большинство наших национальных ценностей – общечеловеческие. Это, по сути, – кристаллизация духовных идеалов и высоких стремлений в виде определенных моральных принципов.

Самое главное для сообщества как носителя авторитета – чтобы каждый его член внутренне безупречно хранил верность этим принципам. Речь даже не просто о ценностях, но о добродетелях – ты должен сам совершать то, что считаешь ценным, это очень важно. Иначе ничего не получится, не удастся внедрить эти ценности в поколение.

Армен Хечоян: Когда именно у нас существовало такое общество?

О. М. А.: Могу привести ранние примеры. Возьмем «Нарек». В предисловии Св. Григор Нарекаци пишет, что написал книгу по просьбе многих братьев-пустыльников, отшельников. Читая это предисловие, ты понимаешь, что было очень много людей, искавших истину, был некий сильный

вектор стремления. Они обращались к Св. Григору, понимая, что он, как гениальный человек, мог бы воплотить все их стремления и чаяния. Представьте тысячи таких людей — это уже создает некоторое духовное качество, некий духовный вектор в народе. И они все внутренне нечто усиленно ищут. Ищут истину... Очень важно, чтобы в народе имел место поиск истины. Если мы не знаем, что такое истина, если мы не ищем ее, тогда непонятно, что вообще мы можем передать следующим поколениям.

Такие ищущие люди обратились к Григору Нарекаци, и в результате была написана эта книга. Конечно, книга сама по себе гениальна, но это отзвук внутреннего духовного состояния народа, отзвук поисков ищущих людей, которые тянут за собой всю остальную массу.

Что касается более поздних времен — XIX, XX веков, надо понять ту эпоху. Почти пятьсот лет мы жили под игом — духовное самосознание, духовная культура постепенно разрушались. Высокие духовные идеалы не были доминирующими идеями для армян, и такие ищущие люди не задавали тон, не формировали вектор стремления народа. В эти времена глубоко ищущих людей заменяет так называемая интеллигенция. Она более ментальна и вследствие этого более подвержена уклонениям и искушениям. А искушений тогда было очень много не только в армянской среде, но и во всем мире: революционные, ложно-националистические идеи, множество различных «измов». Особенно для армянской интеллигенции все это было очень характерно. С одной стороны, они должны были стать некой совестью и руководящей силой, с другой — они очень часто попадали в хорошо подготовленные ловушки. У них был некоторый авторитет, но сказать, что у армян в начале XX века были руководящая сила и руководящая элита, я не могу. В отсутствие такой силы как раз и заключается тогдашняя трагедия армянского народа. Церковь тогда не играла масштабной, в этом

смысле, роли. Дух святости, мудрости, внутреннего подвига, накопленный к X веку в монастырях, очень искажился к XIX веку. Мы очень многое потеряли. Читаешь, например, воспоминания Андраника и видишь, в каком падшем состоянии был народ в духовном, патриотическом отношении.

К. А.: Была ли альтернатива такому облику интеллигенции и ее доминированию в то время? Все-таки начало XX века существенно отличалось от X века. Можно ли было в то время решать какие-то задачи в социально-политической сфере, опираясь на авторитет того рода, который был у Св. Григора Нарекаци?

Насколько реально сегодня выступать с призывом читать и осмысливать Нарекаци? Или нужно как-то переводить его в формат нынешнего дня — и эту функцию как раз выполняют посвященные Нарекаци фильмы, документальный и художественный, два кинематографических проекта, которыми вы сейчас непосредственно занимаетесь?

О. М. А.: Конечно, можно обращаться к Нарекаци и в оригинале, потому что он создал свою книгу именно для этого — для поисков Бога, истины. И этот высокий идеал поисков — определяющий фактор в жизни народа. Если они прекращаются, это парализует народ изнутри.

Если же обращаться не к оригиналу, встает задача перевода, всегдашняя задача перевода на язык своего времени, потому что меняются восприятие, культура, технологии и т.д. То есть мы должны все время с таким же духом создавать новое или по крайней мере приобщать людей к их духовным истокам, высоким идеалам и т.д. Каждое время нуждается в переводе некоторых истин, чтобы они были понятны людям. Уже не говоря о том, что часто мы нуждаемся в переводе в буквальном смысле слова — с древних языков на современные.

Кино — это характерный пример. Если сейчас язык кино дей-

ствует сильнее других, надо создавать фильмы и некоторые важные вещи передавать людям именно таким образом. Можно привести пример фильма «От Арарата до Сиона». Уже два года этот фильм совершает удивительные вещи, и не только в армянской среде.

Что этот фильм дал армянскому народу? Восстановление собственного достоинства. Смотришь и понимаешь, кто ты, какое у тебя наследие. Понимаешь, что ты очень богатый человек, тебе не надо заниматься попрошайничеством.

В этом направлении надо работать. Смотрите, как другие народы используют язык кино для пропаганды своих национальных идей. Есть и другие способы, другие языки и технологии. Отставать нельзя — надо их максимально использовать для передачи глубоких смыслов и ценностей.

К. А.: Можно ли непосредственно конвертировать эти ценности на политическом поле? Или они важны для формирования позиции моральной силы, с которой уже можно работать на политическом поле?

О. М. А.: Можно и напрямую перенести их на политическое поле. Говоря о ценностях, мы, по сути, говорим об очень простых вещах. Не лгать. Нужны ли такие принципы в политике? Конечно, нужны. Мы очень часто лжем, очень часто неискренни. Из-за этого возникает недоверие, в том числе недоверие к собственному будущему. Только тот политик, который не лжет, может достичь взаимопонимания со своим народом. Мы говорим о внутренних канонах — может быть, это десять заповедей. Должно быть что-то, что мы свято чтим. И мы должны договориться об этом, принять это. Чтобы достичь общенациональной договоренности, для начала должна собраться хотя бы группа из десяти человек и договориться жить таким образом. Вы видели, чтобы в последнее время в армянской среде кто-то делал нечто подобное? А раньше такие очаги существовали. В монастыре есть некий внутренний устав, люди договари-

ваются жить именно так. Появление такого очага – это генерация ценностей, которые распространяются за пределы первоначальной группы. Пока у нас не появятся группы с внутренним моральным кодексом, все, что они говорят, по сути не очень важно. Это слова. Очень легко произносить слова. Нужна договоренность. Можно договориться внутри группы всего-навсего об одном – например, не клеветать. Только на одном этом уже можно создавать сообщество.

К. А.: Кроме моральной практической позиции, есть еще вопрос понимания реальности или заблуждения. Есть ли у нас основания считать идеологов армянского национально-освободительного движения морально ущербными людьми? Но в большинстве своем в соответствии с духом своего времени они активно исповедовали антиклерикализм. Что, к примеру, пишет Раффи о тех армянских святых местах в Иерусалиме, о тех армянских паломниках, которым посвящен фильм «От Арарата до Сиона»? Он считает, что паломничество в Иерусалим, материальные вклады в Святом городе отнимают у армянской нации те силы и те ресурсы, которые важно было бы использовать на родной земле.

О. М. А.: Я не хочу комментировать слова Раффи, известного своей антицерковностью. Это характерно для армянской литературы XIX–XX веков. Я бы назвал это бездуховностью. Нашу литературу нельзя сравнить, к примеру, с русской литературой того же времени. У нас не появились свои Достоевские, Толстые, Гоголи. Вопросы есть и по глубине, и по качеству. Поэтому тут пахнет страшнейшим провинциализмом, и антицерковность Раффи идет от провинциальности его мышления. Как можно ставить вопрос «зачем», когда армянский народ веками совершал эту историческую миссию? Точно так же сегодня некоторые люди говорят: зачем строить храмы, надо эти деньги раздать нищим. То, что надо

помогать неимущим, само собой ясно. Но нужно строить храмы, где мы будем вместе собираться, которые будут символизировать наше почитание Бога. Что такое народ без общего духа? Я не говорю о том, насколько поучительны такие герои Раффи, как Самвел, противопоставление любви к родителям и любви к родине. Это страшная, антибиблейская вещь. Родина начинается с родителей. В Библии написано о почитании родителей, а не родины, потому что реальное почитание родины начинается с родителей, их убийство – тягчайший грех против Бога.

К. А.: Это и есть вопрос о заблуждении. Выходит, можно не клеветать, не лгать, но вести по ложному пути.

О. М. А.: Человек должен хотя бы признать свои заблуждения, в противном случае у других остается впечатление, что он знает важную истину. Это создает у народа иллюзию, что у него есть духовные руководители, которые воплощают его совесть, ум. Надо честно признаваться в своем неведении.

Если внимательно почитать Евангелие, вы увидите, что мы каждый день нарушаем заповеди. И это все разрушает человека. Например, не клеветать очень сложно, это почти состояние святости. Если человек попробует один день так прожить, он поймет смысл моих слов. Мы, священники, каждый день с этим сталкиваемся, потому что люди приходят к нам исповедоваться. Мы знаем, как сложно и трудно от этого избавляться. Поэтому если ты не воплотил в своей жизни самые простые вещи и создаешь вокруг себя иллюзию умного и нравственного человека и если ты добавок талантлив, ты губишь многих людей. Поэтому я и предлагаю быть честными, договориться о простых вещах. Возникают многие союзы, движения – национально-патриотические и прочие. Пойдите и спросите их: вы сами между собой договорились о чем-то?

К. А.: Многие люди считают, что на этих полях – полити-

ческом, экономическом, социальном, идеологическом – необходим прежде всего прагматизм при соблюдении базовых моральных норм. Именно прагматизм должен стоять во главе угла, иначе сообщество останется маргинальной величиной и не сумеет добиться результата, реализовать свои благие намерения.

О. М. А.: Это глубоко ложный подход, он противоречит высоким духовным идеалам. Сильные люди так не поступают, а именно такие люди определяют вектор развития истории. Я не хочу сказать, что мудрость ничего общего не имеет с прагматизмом, однако не согласен с тем, что прагматизм должен стоять во главе угла. С таким расчетливым подходом ты должен сделать многие принципиальные уступки. Порой люди с такой моралью совершают очень большое зло. Даже большее, чем откровенно аморальные личности.

А. Х.: Мы говорили о том, что интеллигенция подвержена различным отклонениям. Наверное, потому, что у них нет прививки от «инфекции». Должна ли быть в обществе какая-то «вакцина», с помощью которой оно могло бы сохранить здоровье?

О. М. А.: Все основные институты воспитания человека, преобразования его жизни должны этим заниматься – в первую очередь школа и Церковь. Можно сделать эту прививку. Это очень долгосрочный образовательный процесс. Надо воспитывать, внедрять в поколение ценности, чтобы обеспечить нормальный результат. Не стоит ожидать, что все люди будут сразу меняться, но через образование можно достичь результата. С детских лет наряду с другими прививками должна быть и такая прививка.

К. А.: Авторитет связан с широким признанием. Кто сейчас занимает позицию морального авторитета, чтобы общество могло согласиться с этими людьми по поводу истины и пойти либо за неформаль-

ной группой, либо за какой-то структурой или организацией?

О. М. А.: Сейчас в Армянском мире нет авторитетов, и это хорошо. Во-первых, нет личностных авторитетов. Я считаю, что неправильно превращать кого-то в идола. Есть возможность создавать авторитетные сообщества – такие как «Айб» или «Вэм». Это примеры объединения людей вокруг важных идей – людей, готовых жертвовать временем, средствами, душевными силами, чтобы обеспечить лучшее будущее для армянского народа. Они стараются жить в соответствии с этими идеями и моральными принципами.

Объединились очень интересные и яркие люди. Изначально они, конечно, не претендовали на какие-то лавры, но такого рода сообщества могут сильно повлиять на всю атмосферу страны. Я всегда говорил и говорю, что в настоящий момент не вижу решения на политическом поле. Создание партий, движений – это не наш путь, это нам навязывается. Думаю, что технологии объединения армян должны быть немного другими. Армяне, с одной стороны, очень прагматичный народ, они хорошо считают деньги. С другой стороны, они – глубоко духовный народ, несмотря на внешнюю приземленность. Если в чем-то нет большой морали и духовности, ты не сможешь убедить их объединиться вокруг этого.

Этот народ взял одну книгу, «Нарек», и вот уже тысячу лет связывает с ней свою идентичность. Странное взаимоотношение книги и народа.

К. А.: До конца, возможно, не понимая...

О. М. А.: Интуитивно чувствуя глубину и желая связать себя с этой глубиной. Народ не связывает свою идентичность с какими-то политическими силами, макро-структурами. Сейчас мы делаем документальный фильм именно об этом. Мы хотим создать мозаику армянского портрета и показать, что армянские судьбы в различных уголках мира имеют вну-

треннюю экзистенциальную связь через эту книгу. Она – ключ к разгадке армянской тайны, этого иррационального феномена, который невозможно окончательно рационализировать. Поэтому, наверное, мы смогли так долго существовать без государства. Если бы кто-то мог разгадать «код» армян, нас давно бы уничтожили.

А. Х.: Объединить двадцать или тридцать человек проще. Должны быть какие-то идеи, импульсы, понятные большинству, чтобы вокруг них могло объединиться большинство – и не только те, кто живет в Армении. Эти иррациональные струны очень важны.

К. А.: Допустим, проект «Айб» объединяет людей определенного социального положения. Нужны идеи, способные объединить и мобилизовать, например, автослесаря, медсестру.

О. М. А.: Сейчас через образование в поле притяжения «Айб»-а оказываются самые разные люди. Есть в христианстве «золотые правила». Одно из таких правил: хочешь изменить мир – меняйся сам. Люди увидят этот свет и сами захотят измениться. А когда такое правило оказывается внутренним кодексом сообщества, эффект во много раз сильнее.

А. Х.: Должны быть идеи для всей нации, способные быть мощным импульсом. Достаточно ли для нации одной образовательной идеи?

О. М. А.: Можно говорить об образовании как способе достижения цели. Цель мы должны еще сформулировать – чего мы хотим? И договориться вокруг этого. Если мы говорим о недостатке импульсов, о необходимости света, мы должны сказать, что является этим светом. Экономическое развитие можно оценить как такой импульс?

К. А.: Мы говорили о том, что в примерах из неармянского опыта есть хорошие и плохие стороны. Нужно усваивать хо-

рошее, избегать плохого. Приведите такие положительные примеры, чтобы наши рассуждения не выглядели утопичными – будто бы речь идет о чем-то таком, что в мировой практике еще никогда и нигде не реализовалось. Где за пределами Армении можно найти те позитивные элементы, на которые мы могли бы взглянуть как на составляющие морального ядра и соответствующей атмосферы в обществе?

О. М. А.: Можно брать пример с Японии, Германии, Соединенных Штатов, Южной Кореи. Если исследовать такие примеры, вы увидите, что там возникали сильные ядра и вокруг них образовывались мощные движения. В мире очень много таких примеров. Фактически за всеми великими достижениями, которые сейчас есть, в том числе вариантами «экономического чуда», стоят некоторые очень сильные моральные принципы и духовные идеалы. Было проведено целое исследование для ответа на вопрос о том, что является определяющим фактором успешных бизнесов в мире. Интересная закономерность – погибли все бизнесы, которые родились для того, чтобы зарабатывать деньги. Самые успешные оказались те, которые родились с целью создать что-то хорошее для людей, где были мотивация, теплота, бережное отношение к человеку. Представьте себе, как из этих простых вещей возникают великие дела.

Отношение к человеку очень важно. Иногда мы произносим помпезные речи о нашей древней культуре, нашем наследии. Но забываем о бережном отношении к человеку. Культура выявляется именно в этих простых человеческих взаимоотношениях. Наверное, худший пример – Россия. Отношение к человеку не менялось еще со времен Ивана Грозного: человеческая жизнь и тогда ничего не стоила, и теперь не стоит. К сожалению, эти импульсы приходят и к нам: мы начинаем так же высокомерно относиться к людям. Посмотрите, как японцы относятся друг к другу. Посмотрите на их

дух, даже на этот простой поклон друг другу – очень серьезный показатель. Посмотрите на культуру общения людей в Германии. Культура – это не количество написанных книг. Наша культура – не Матенадаран. Мы отмечаем юбилей армянского книгопечатания, но перестали читать книги. Поэтому гордиться тем, что было у наших отцов, не стоит – важно, что мы имеем сейчас и кто мы сейчас.

Если есть бережное отношение друг к другу, значит, в наших делах есть элемент любви. А любовь – это высшая библейская заповедь, любовь – это Бог.

В Америке уважение к человеку огромно. Потому что основоположники Соединенных Штатов четко договорились насчет принципов, и до сих пор там чтят эти принципы, зафиксированные в Конституции. Сейчас я задаю вопрос: о чем мы договорились в Армении? Не договорившись, мы жалуемся. Сначала надо принять правила игры, и потом, если кто-то их нарушает, обратиться к этим правилам. И если договоренность есть, поверьте, человеку будет стыдно ее нарушать. В Ереване за несколько дней водители молча договорились пристегивать ремни безопасности и уступать дорогу пешеходам.

У меня есть некоторые знания о своем народе. Еще раз повторю: я считаю армян очень законопослушными людьми. Им просто надо дать шанс. Хороший пример тоже заразителен, потому что люди видят, что так удобнее жить.

К. А.: Какую роль во всем этом должна сегодня играть Церковь?

О. М. А.: Большую. И она играет ее. Что такое Церковь? Это не иерархия, это община верующих. Есть люди, священники, у которых особое служение. Но это не господа, у них есть некоторая роль в этом великом духовном сообществе.

Сейчас поразительное молодое поколение. Оно начитано, знает о своих традициях, участвует в богослужениях, воскресных литургиях, причащается. По воскресеньям во время литургии все церкви пе-

реполнены. Есть и очень интересное молодое поколение священников – очень ярких личностей. Они имеют дар слова, вокруг них собираются люди. Я могу сказать, что в Армении есть некоторое духовное движение, и это качественно новый уровень по сравнению с последними десятилетиями советского времени.

К. А.: И раньше, и теперь многие видели в закрытости, в отгораживании от остального мира способ сохранить традиционные ценности. Церковь в этом смысле важна тем, что сочетает верность традициям и универсальность истины.

О. М. А.: Без открытости невозможно сохранить свою идентичность. Люди не инопланетяне, и когда мы говорим о ценностях, они на 90% общечеловеческие. И как

раз христианство как универсальная религия помогло многим народам раскрыть свой внутренний потенциал. Христианство воплощает общечеловеческий дух братства, и это очень важно, потому что жить без этого невозможно. С другой стороны, христианство дает каждому возможность самовыразиться и выполнить свою особую миссию. Не в том смысле, что кто-то выше других – каждому дано свое собственное служение в общем служении. Это именно служение, потому что есть Бог. Понятие народа не выше Бога. Эта взаимосвязь с Богом определяет миссию, которую мы должны в этом мире выполнить. И если человек думает о том, кому в этом мире верить, за кем следовать, надо следовать за теми, у кого есть этот внутренний моральный кодекс.

Некоторые говорят, что они атеисты, хотя я уверен, что сто-

Вид на озеро Ван из Ахтамара

процентных атеистов не бывает. Человек все равно внутренне ищет Бога, осознанно или неосознанно. Когда человек говорит, что он атеист, у меня возникает вопрос, насколько этот атеизм ему дорог, способен ли он отдать жизнь за свой атеизм. На такую жертву ни один из них не готов. А ведь за христианскую веру множество людей шли на мученическую смерть. Религия дает человеку такие важные истины, что он готов платить за них самую высокую цену.

А. Х.: В каком состоянии сегодня находится армянское монашество?

О. М. А.: Это очень болезненный вопрос. Это более катастрофично, чем какие-то экономические и политические вещи, о которых мы много говорим. Могут сказать, что есть осознание не-

обходимости существования монастырей. Монастыри — это легкие Церкви. Если их нет, она не может дышать. Без монастырей нельзя говорить о серьезной духовности. Нужны такие институты, где происходит генерация и накопление святости, где создаются «чистые зеркала». Это ведь не только для монахов, это для мирян, для мирских священников. Чтобы исповедоваться там, увидеть там себя в «чистом зеркале» и потом нести этот свет в мир. Самый важный сейчас шаг — создание монастырей. Желание есть, есть желающие. Нужно видеть их, призывать их, создавать условия, и они придут, а просто так ничего не получится. Все наследие, которое у нас есть — и Нарекаци, и Татеваци, — продукт монастырской жизни. Продукт духовного созерцания, отшельнической, тонкой жиз-

ни. Такие вещи не рождаются в мирской суете. Думаю, в ближайшем будущем Церковь предпримет по этому поводу конкретные шаги.

К. А.: Человеку часто непросто переступить барьер между верой и действием, знанием и действием...

О. М. А.: Все это есть в вере. Вера — это не пассивное, замкнутое в себе общение с Богом. Это ответственность перед своим окружением, своим сообществом. Христианская вера очень активна, она учит в том числе и гражданственности. Гражданственность — важная компонента веры, поскольку вера — это служение. Именно из христианства вышло западное гражданское сознание. Без чувства справедливости, чувства жертвенности, которые есть в христианстве, такое сознание невозможно.

Обо всем этом мы в наших церковных проповедях постоянно напоминаем. Ты не можешь быть хорошим христианином, если ты что-то не изменяешь вокруг. Почему в Армении сейчас существует «дикий» капитализм? Потому что человек считает свою жизнь своей собственностью — что хочу, то и сделаю с ней. Это самое опасное понимание с точки зрения христианства. Жизнь — это не твоя собственность. Автор этой жизни — Бог, и она должна быть устремлена к Богу. Твоя жизнь — шанс для твоего личного спасения и спасения людей, которые окружают тебя. Очищение общества возможно именно с помощью таких основополагающих христианских идей.

Сейчас у нас свое государство. Перед тем как создать это государство, мы не успели ни о чем договориться. Нет договора, понимаете. Вот в чем вопрос. Просто в один день мы стали независимыми. С чего начать? Представители элиты должны договориться между собой. Должны существовать очень сильные, динамичные группы, которые внутри себя способны договориться о соблюдении некоторых ценностей, свято их чтить и распространять вокруг себя. Тогда у нас что-то получится.

Благословение на высоте 3200 м

А. Х.: *В то же время в протестантских странах Западной Европы во множестве закрываются церкви – фактически из-за сокращения верующих, паствы.*

О. М. А.: Говоря о западном гражданском обществе, не нужно идеализировать современный Запад. Там есть много неприемлемого, а нас буквально вынуждают это копировать. Надо быть очень осторожными. Под предлогом демократии явно пропагандируется грех. Это ложное понимание свободы.

А. Х.: *Не назрели ли в связи с новой реальностью XXI века какие-то изменения, реформы в Церкви? Конечно, Церковь – очень консервативный институт...*

О. М. А.: Церковь должна в первую очередь чтить традиции. Ты должен иметь возможность прийти в какое-то место и понять, что здесь совершается то, что совершалось тысячелетиями. Это очень важно. Какие-то изменения неизбежно происходят, например, сегодня священнослужители проповедуют по радио, по телевидению. Но это не те изменения, которые можно назвать реформами. Ты просто приспособливаешь новые

технологии к тому, что делаешь. А суть того, что ты делаешь, не меняется. Трагедия человека остается той же самой и в первом, и в десятом, и в двадцать первом веке. Поэтому книга Нарекаци сейчас так же актуальна, как и при его жизни.

По поводу реформ могу вспомнить Евангелие. Когда задали вопрос Христу о разрешении на развод, Он сказал, что это неправильно. Тогда Его спросили, почему тогда Моисей дал такой закон. «Из-за вашего жестокосердия», – ответил Христос. Этим он хотел сказать, что есть закон Божественный, есть человеческий. И чем больше мы будем освобождаться от человеческого закона, тем лучше. Это и есть ответ на Ваш вопрос.

В Церкви существуют Божественные устои, но есть много вещей, которые накапливаются на протяжении веков, как человеческие традиции. Они не имеют особого значения. Поэтому если что-то из этих человеческих традиций стоит изменить ради миссии Церкви, это нужно делать, а не говорить, что у нас все божественно и совершенно.

Мы в целом часто говорим о своем наследии. Понимаем ли мы, что у нас есть и наследие греха, а

не только наследие добродетели? Из поколения в поколение люди передают грех, портят новые поколения.

К. А.: *Часто не слышен голос Церкви, когда необходимо осудить злоупотребления власти с высоты признанного морального авторитета, относящегося не к личности того или иного иерарха, а к тысячелетнему институту Церкви.*

О. М. А.: Это вопрос не ко мне. За себя могу сказать, что при необходимости писал статьи, критиковал и т.д. Я не могу предать основополагающие для себя принципы. И вообще эти все объятия с государством не очень хороши, Церковь должна сохранять дистанцию. Конечно, в некоторых сферах очень важно сплочение сил – это образование, оборона и т.д. С другой стороны, Церковь не должна превращаться в инструмент. Все плохое будет автоматически ассоциироваться и с Церковью, а это уронит ее авторитет, она будет восприниматься как некое религиозное министерство в государстве, в то время как Церковь – Божественное присутствие в человеческой жизни. ☸

Продолжение следует

Аномия

Рачья
АРЗУМАНЯН

I.

Актуальные для общества темы могут оцениваться по вневременной шкале, как это свойственно тому же творчеству. Общественные проблемы могут рассматриваться и сквозь призму политического времени. В этом случае определяющими становятся непосредственные связи между событиями, а жизнь личности и народа постигается и интерпретируется как мгновение, которое проживается сегодня и сейчас. Тексты, стремящиеся схватить мгновение, умирают «естественной смертью» через несколько часов или дней, становясь частью истории вместе с самим событием. Поток времени несет народ дальше, и все, что осталось в прошлом, имеет другую цену и измеряется уже в рамках исторического времени.

Пронизывающие жизнь народа потоки времени многообразны, и можно говорить о цивилизационном, политическом и прочих временах. Можно выявлять и изучать структуру и свойства того или иного армянского времени, рассуждая о временных циклах, спиралах или стрелах. Однако существует и единое время, связывающее в многоцветную ткань отдельные времена. Попытки окинуть взглядом или ухватить за край ткань времени требуют целостного или холистического взгляда на общество и мир. Восприятие микро- и макрокосмоса как некоей цельности является редкостью не только для Ашхара, но и для современности как таковой, продолжающей дробиться на сотни осколков нового и непрерывно меняющегося глобального мира.

Целостный взгляд формируется вокруг ряда фундаментальных принципов и некоторой общей рамки-фрейма, внутри и на основе которого рассматриваются общество и окружающий его мир. Можно говорить о различных фреймах общества – социально-экономическом, политическом, однако, как и в случае со временем, они становятся возможными в рамках общего фрейма, охватывающего все армянское бытие. Формирование фрейма делает, с одной стороны, возможным, а с другой – необходимым проведение границ, позволяющих различать явления. Фрейм также включает в себя метрику и шкалу ценностей, на основе которых «измеряются» и оцениваются протекающие в обществе процессы.

Задавание общего времени и фрейма позволяет обществу выстраивать и выявлять иерархии духовных, общественных и прочих ценностей, позволяющих оценить значимость тех или иных событий. Очевидно, что у каждой цивилизации, у каждого народа и отдельной личности свой фрейм и свои иерархии ценностей, на основе которых описываются и интерпретируются прошлое и настоящее, тем самым готовя почву для проектирования будущего. Размывание или даже распад фрейма приводит к тому, что «распадается связь времен», становятся невозможными различение границ, оценка событий и процессов. Общество оказыва-

ется не в состоянии воспринимать, интерпретировать и осмыслять мир и свое место в нем.

Способность войти в резонанс с народным и мировым временем, ощутить «ход времени», которое может застыть на века или рвануться в туманное будущее в сумасшедшем галопе, сметая на своем пути цивилизации и народы, является предметом рефлексии духовной и творческой элиты народа, например, отшельников, поэтов, философов. На них же ложится бремя создания и поддержания фрейма, позволяющего различать границы и сохранять меру вещей. Невидимая для неподготовленного взора духовная и интеллектуальная деятельность пронизывает все аспекты народного бытия, как солнечный свет или воздух присутствуют во всех проявлениях жизни. Общество не задумывается о критической важности такой работы, пока оно здорово и есть подвижники, выполняющие ее.

II.

Существует тяжелая форма социальной болезни – аномия, когда общество теряет способность различать границы и поддерживать иерархию ценностей. Наступает хорошо известная «разруха в умах», следствием которой становится «потерянность» как народа в целом, так и отдельной личности. Общество оказывается дезориентированным, причем благодаря не отсутствию необходимой информации и пр., а невозможности различения между допустимым и недопустимым, возвышенным и инфернальным.

Следствием аномии становится нарастание хаоса в жизни народа, который медленно, но верно разъедает общественные устои. На первый взгляд в обществе присутствуют необходимые государственные, социально-экономические и прочие структуры, но им «не хватает воздуха», и выстроенные институты теряют смысл и предназначение. Когда отсутствие нормы становится нормой, не различаются границы, нет нарушивших и преступивших, нет преступников. Неспособность отличить моральное от аморального, нравственное от безнравственного ведет общество к неизбежному разложению и смерти – коллапсу, вне зависимости от кажущейся эффективности и надежности его институтов.

К сожалению, в армянском обществе можно заметить множество симптомов наступающей аномии. Выявление симптомов болезни, конечно же, – важная и нужная работа, однако позволим себе упомянуть только несколько знаковых событий. В частности, отказ в последние дни своей работы уходящего парламента Республики Армения включить в повестку дня вопрос о признании и осуждении факта геноцида понтийских греков, ассирийцев и других коренных народов Османской империи. Событие широко освещалось в армянской прессе.

Рассматривая аргументы «за» и «против» включения вопроса в повестку дня парламента, стороны за-

были, что, помимо оценок, исходящих из логики партийной борьбы, политической целесообразности и пр., существует и другая, глубинная, логика, опирающаяся на аксиомы народного бытия. Одной из таких аксиом для Ашхара стал Мец Егерн. Все вибрации армянской жизни так или иначе резонируют с темой геноцида, апеллируют к жертве, которая была принесена в те страшные дни. В череде времен мы как-то перестали отдавать себе отчет, что в основе народной жизни лежит жертва, которая может быть не только героической и добровольной, как служение своему народу азатамартиков на полях сражений, но и мученической, как это имело место во время Мец Егерна, в Сумгаите, Баку, Мараге.

Тема Мец Егерна, будучи аксиомой Ашхара, должна диктовать наше отношение к геноцидальным актам. Мы, как народ, не имеем права обсуждать проблему геноцида других народов, но только признавать. Или молчать. Народ, который не в состоянии различать нравственный закон внутри себя, лишается возможности апеллировать к нему в своих коммуникациях с внешним миром. Если армянская власть «размышляет» и «взвешивает» проблему геноцида, то у нас нет никакого морального права оскорбляться поведением, например, государства Израиль и других стран, которые выстраивают свое отношение к Мец Егерну исходя из политической целесообразности. Поведение армянской власти в вопросе геноцида понтийских греков, ассирийцев и других народов оказывается, возможно, политически целесообразным и одновременно категорически неприемлемым.

Непонимание армянской государственностью всей важности проблемы геноцидального поведения для той же западной политики и стратегии в XXI веке приводит к тому, что Армения не только растрчивает очевидное преимущество на международной арене по данному вопросу, но и умудряется оказаться в ловушке. Можно вспомнить пропагандируемую Турцией тему «взаимного уничтожения» армянского и турецкого населения в Османской империи или ходжалинскую трагедию, которая преподносится Азербайджаном на международной арене как геноцид, осуществленный армянской стороной.

Другим ярким примером может служить посещение армянскими парламентариями весной 2012 года Баку, где проходила сессия Парламентской ассамблеи «Евронест», целью которой провозглашается содействие политическому объединению и экономической интеграции Европейского союза и государств постсоветского пространства. Выступая на форуме Президент Азербайджана публично назвал армян «фашистами и головорезами». Армянская сторона не преминула заявить об ударе по политическому имиджу Азербайджана. Однако мимо армянского общественного сознания прошел тот факт, что удар наносится не только и не столько на политической арене, сколько по устоям армянского бытия, когда народ, переживший Мец Егерн, обвиняется в геноцидальных действиях.

Мероприятие кануло в Лету, чернила под заявлением международных инстанций, которое слегка пожурило азербайджанскую сторону за несдержанность,

высохли. Бумага благополучно сдана в архив, и если ее кто-то и вспомнит, то только исследователи политической истории. В памяти народов останутся поступок и поведение азербайджанского президента, его стремление недвусмысленно указать армянской стороне место, которое она должна занимать в мире по мнению Азербайджана. И надо признать, что азербайджанский президент выглядит в несравненно более выигрышном свете, нежели армянская сторона. Ильхам Алиев показал принципиальность и волю к достижению политической победы, ради которой он готов переходить и переходит границы, в том числе и проведенные на международной арене.

Такая политика понимается и принимается на международной арене гораздо легче, нежели армянская, ориентированная на учет «мнения» геополитических центров силы. Способность переступать границы в риторике, дипломатии рано или поздно перерастает в готовность нарушить государственные границы армянских государств. Последние годы азербайджанская сторона целенаправленно испытывает на прочность линию противостояния двух народов, ведя снайперскую войну против армянских вооруженных сил и гражданского населения. Международная общественность высказывает «тревогу» по данному поводу, возлагая при этом вину на обе стороны. Параллельно региональные и геополитические центры силы, включая Россию, продолжают поставлять Азербайджану современные ударные системы вооружений, поощряя его продолжать выбранный курс.

Тем временем армянская политика и дипломатия на протяжении двух десятилетий озабочены больше своим «политкорректным» имиджем в чужих глазах. Ярким примером такого поведения может служить последнее обострение ситуации на армяно-азербайджанской границе, которое разворачивалось не только на линии противостояния в Арцахе, но и на севере Республики Армения. Во время кризиса армянская государственность тратила несравненно больше сил, чтобы «успокоить» армянское общество, не дать вырваться на международную арену справедливому возмущению Армянства. Хотя более логичным и эффективным было бы сфокусировать и довести до центров силы жесткое неприятие Ашхаром происходящего, ясно продемонстрировав готовность армянского народа сформировать адекватный отклик на навязываемую игру.

Парадокс и даже извращенность ситуации заключается в том, что в реальности армянские вооруженные силы давали достойный отпор Азербайджану. «Полевая почта» достаточно быстро доводила до ответственности, какие именно шаги были предприняты и насколько они оказались результативными. Однако они оставались непроявленными, а следовательно, отсутствующими на политической и дипломатической аренах. Боеспособность армянских вооруженных сил не становилась политическим фактором. Армянская политика и дипломатия предпочитали «стыдливо» замалчивать жесткость и эффективность, с которой в состоянии действовать вооруженные силы. Как следствие, события, которые должны были бы сплотить

Армянство, в лучшем случае не вызывали отклика, а в реальности наносили ущерб Ашхару. Вместо мобилизации Армянства невразумительная реакция армянского государства приводила к дезориентации и подозрениям в пораженчестве.

III.

Размывание внутренних духовных границ неизбежно приводит к размыванию границ внешних, государственных. Армянская власть так и не научилась видеть и различать грань между аксиомами народного бытия и политикой, политическим поведением. Как результат, она зачастую просто неосознанно переходит границы, которые должны быть незыблемыми, тем самым нанося удар по национальным устоям. Более того, армянская государственность не отвечает на удары противника по таким устоям, так как не в состоянии распознать их или не придает им должного значения.

Армянские политики и общественные деятели очень редко принимают решения с учетом оценок, которые будут даны внутри Армянства – единственная реальность, на которую они смогут опереться в условиях серьезного кризиса. Вместо завоевания доверия собственного народа армянская элита раз за разом, из года в год и из века в век пытается угадать и подстроиться под мнение и желания «сильных» мира сего. И главная причина отнюдь не расчетливость, а искреннее непонимание важности такого доверия.

Как следствие, расширяются и умножаются раздельные линии, которыми изрезана армянская жизнь. Линии разлома, разделяющие Армянство по географическим, социально-экономическим, политическим и культурным стратам, становятся все более и более непроходимыми. Уже сегодня сформировавшееся имущественное расслоение в армянских государствах стало практически непреодолимым, и 10% наиболее богатых граждан Армении не в состоянии уже понять оставшееся общество. Происходит объективная изоляция властной элиты от народа, которая концентрируется исключительно на задачах сохранения власти. Однако Армения не благополучная страна с устоявшимся политическим и государственным строем в центре Европы, а политическая реальность, находящаяся в эпицентре разворачивающегося геополитического противоборства. Чтобы суметь сохранить власть и страну, правящая элита будет вынуждена решать чрезвычайно сложные военно-политические задачи. Да, борьба за сохранение власти является неотъемлемой частью политической жизни, однако проблемы Армении и Армянства в XXI веке не могут быть сведены исключительно к проблеме власти.

Углубляются разрывы между различными локусами Ашхара, когда гражданин армянских государств уже с трудом понимает и не чувствует свою причастность к проблемам и чаяниям армянина Спюрка. Армянская власть и общество раз за разом бьют по самым большим проблемам Спюрка, через боль и напоминание о боли притягивая его к себе. Тот факт, что даже

исходя из соображений эффективности такая варварская эксплуатация армянского потенциала является более чем «нерентабельной», никого особо не волнует. Возможности Спюрка, его опыт и знания по большей части оказываются неиспользованными.

Любая государственность пожертвовала бы многим, чтобы обладать возможностями Армянства. Армянские общины предоставляют уникальные возможности для налаживания и поддержания коммуникаций между различными народами и цивилизациями, и Ашхар мог бы вернуть себе хотя бы часть своих функций, способствуя диалогу между представителями различных цивилизаций и народов. Здоровая государственность поддерживала бы такие общины, имеющие порой многовековую историю, направляя на поддержание Спюрка ресурсы и влияние государства. Однако в армянском случае наблюдается прямо противоположное, когда Спюрк вынужден направлять свои ресурсы на поддержание Армении. Причем в большинстве случаев государство и общество интересуются финансовыми средствами, другие формы концентрированной материальной мощи, но никак не общественный, политический или культурный потенциал Армянства. Армения оказывается в Зазеркалье, где функции и поведение акторов Ашхара вывернуты наизнанку.

Возможно, причина такого поведения в искаженном понимании сферы политического, правил игры на политической арене. Политика и политическая жизнь начинаются с акта различения нравственного и безнравственного, допустимого и недопустимого, позволяющего выявлять «своих» и «чужих», друзей и врагов. Только после такого различения народ получает возможность сформировать свое собственное политическое пространство, и такая работа, очевидно, проводится самостоятельно.

Каким образом протекает такая активность, Армянство может наблюдать на примере поведения Турции, которая всегда поддерживает Азербайджан или Северный Кипр на международной арене по принципиальным вопросам, демонстрируя порой на первый взгляд политически проигрышное поведение. Армянская сторона до сих пор не смогла понять, что такое поведение говорит миру о наличии у политического актора принципов и аксиом, которые не подлежат обсуждению. И в мире это вызывает уважение.

Пока что Армения демонстрирует прямо противоположное поведение, выражая готовность обсуждать все и вся, в том числе и темы, напрямую затрагивающие основы армянского бытия. Такое поведение, будучи удобным и комфортным для больших игроков на мировой арене, тем не менее, уважения не вызывает. Достойное поведение предполагает достоинство, умение различать стоящее от преходящего, способность адекватно оценивать стоимость слов и поступков. Возрождение достоинства армянской правящей элиты требует серьезных усилий по излечению армянского общества от поразившей его аномии – той легкости, с которой уже не только элита, но и общество порой преступают духовные пределы и нормы, связывающие его с прошлым и будущим. ☸

СВЯЗЬ ИЗОБРАЖЕНИЙ АРМЯНСКИХ КОВРОВ

1. Ковер XIX в. из Сисмана в память об умерших отроках Мкртчича

С ПОГРЕБАЛЬНЫМ ОБРЯДОМ

Лилия
АВАНЕСЯН

Одна из особенностей армянских ковров – связь изображений и орнаментов с культами, народными верованиями и ритуалами. Наш предмет исследования – ковры Сюника и Арцаха XIX-XX веков с изображениями, смысловое значение которых имеет отношение к погребальному обряду.

В похоронном обряде армян до наших дней сохранились пережитки древнего погребального обряда, которые восходят ко временам становления земледельческой культуры. С началом развития земледелия зародились особые представления о загробном мире, в котором человек продолжает свою уже неземную жизнь. Тогда же в изобразительном искусстве древних выработы-

вается система знаков, идеограмм, которые появляются на ритуальных предметах, используемых во время обрядов.

Исторические Арцах и Сюник – знаменитые центры ковроткачества не только Кавказа, но Передней и Малой Азии. Анализ смыслового значения некоторых изображений ковров Сюника и Арцаха благодаря древнейшим символам выявляет

связь этих изображений с древними ритуалами. Архаичные представления о рождении, жизни и смерти человека, а также культы, возникшие по этому поводу, особенно долго сохранялись в этих горных районах Армении. Именно эта особенность делает искусство ковроделия Сюник-Арцахского региона неповторимым и отличным от искусства ковроделия других регионов Востока.

Для исследования мы выбрали всего четыре ковра из большой группы ковров, разбросанных по всему миру, находящихся в музейных и частных коллекциях.

Один из них был выткан в сисианском селе Спандарян в XIX веке (174x70 см, шерсть, 25x30 узелков в 1 дм²) (фото 1). Вертикально по центру коврового поля расположены композиционно повторяющиеся фрагменты, на которых изображены восьмиугольные медальоны со ступенчатыми угловыми сторонами и крючками. В центре медальонов ромб с волютами, составляющими крылья креста. Внутри ромба – квадраты с точечным орнаментом, известным со времен культуры древних земледельцев Армении, Передней и Средней Азии и символизирующим засеянное поле.

Волюты, спирали, полуспираль в большом количестве встречаются на наскальных изображениях Армении и являются древнейшими символами движения солнца по кругу и небесному своду. Они с незапамятных времен изображались на различных предметах прикладного искусства и являются одним из характерных орнаментов армянских ковров. Спираль в виде перекатывающейся волны, как правило, украшает кайму коврового поля. Ветви, которые отходят от острых концов ромба и завершаются волютами, имеют идейную связь с плодоносящей землей и жизненной энергией солнца. Циклический жизненный круговорот природы, сопровождающийся постоянным ростом растительности, происходит под воздействием солнечной энергии – тепла и света. Таким образом, композиционно этот ор-

намент состоит из элементов, связанных с культами земли и солнца – главными культами наших предков, древних земледельцев. Ежедневное рождение солнца утром и ежегодное пробуждение земли весной лежат в основе представлений об уходе человека в потусторонний мир, возрождению души после смерти и вечной цикличности жизни. Не случайно появление спиралей в виде перекатывающейся волны на деревянной доске погребальной повозки II тысячелетия до н.э. из Лчашена. Примечательна схожесть орнамента на медальоне ковра из Сисиана с орнаментами на могильных камнях монастырских кладбищ, например, на могильном камне в притворе церкви Св. Гаяне (фото 2). Орнамент на упомянутом камне повторяет главный орнамент другого ковра, имеющего от-

ношение к погребальному обряду. Это орнамент знаменитого Пазырыкского ковра. Все эти примеры свидетельствуют о том, что описанный орнамент есть не что иное, как символ возрождения и ключ к пониманию древних представлений о смерти и вечности жизни.

Тот же символ можно встретить на подобных коврах из других регионов Армении, например, на коврах Бананца XIX-XX веков (село Бананц, известное по обработке металлов и изготовлению ковров, входило в состав уезда Гардман исторического Арцаха. В Бананце в 1202 году был выткан знаменитый средневековый ковер «Хоран» («Алтарь»), долгие годы хранящийся в Вене (фото 3). Памятная надпись исследуемого нами ковра из Бананца свидетельствует, что он выткан в память о Мариам (фото 4).

2. Могильный камень из притвора церкви Св. Гаяне с крестообразным орнаментом ►

Сисианский ковер украшает кайма, состоящая из одного широкого и двух узких поясов. На широком белом поясе – гирлянда из розеток (стилизованный цветок розы – один из символов солнца). Наверху в белой широкой горизонтальной полосе соткана памятная надпись: ԱՅՍ Խ (խալին կամ խալիչան) ՀԻՇԱՍԱԿ. ՅԱԿՕԲ ՀԱՐՈՒԹ ՄԿՐՏԻՉԵՆՅ ՉՎՕՐԴԻՔԸ – «Этот ковер в память отроков Мкртича (-) Якоба (.) Арута...». Буквы сильно искажены, что свидетельствует о том, что ткач данного ковра не владел техникой правильного писания. Армянское слово «սփորիք», вытканное в тексте, – форма древнеармянского языка, грабара, который до сих пор используется церковнослужителями во время службы, например, во время похоронной церемонии.

Увековечивание памяти умершего человека путем изготовления в его честь ковра – национальная традиция армян. Смерть человека и его уход в загробный мир по аналогии с движением солнца воспринимались как временное состояние. Ковер, имеющий какое-либо отношение к покойнику, становился, таким образом, предметом особой значимости и был украшен символами возрождения. Нужно отметить, что в армянских древних верованиях ковер как культовый предмет выполняет функцию переправы на тот свет. Еще в начале XX века в армянских селах покойника заворачивали в безворсовый ковер, клали на другой ковер или коврики, покрывали красивыми ковровыми покрывалами и так несли на кладбище. Хоронили его обернутым в безворсовый ковер. В наши дни гроб с телом покойника принято класть на стол, покрытый красивым ковром. А в августе 2008 года в Мартакерте мы стали свидетелями, как гроб с покойником уложили в машину на большой ворсовый ковер и направились на кладбище.

В древней Армении ковер также погребали. Так, в погребениях

▼ 3. Ковер 1202 г. из Бананца

◀ 4. Ковер конца XIX в. из села Бананц в память Мариам

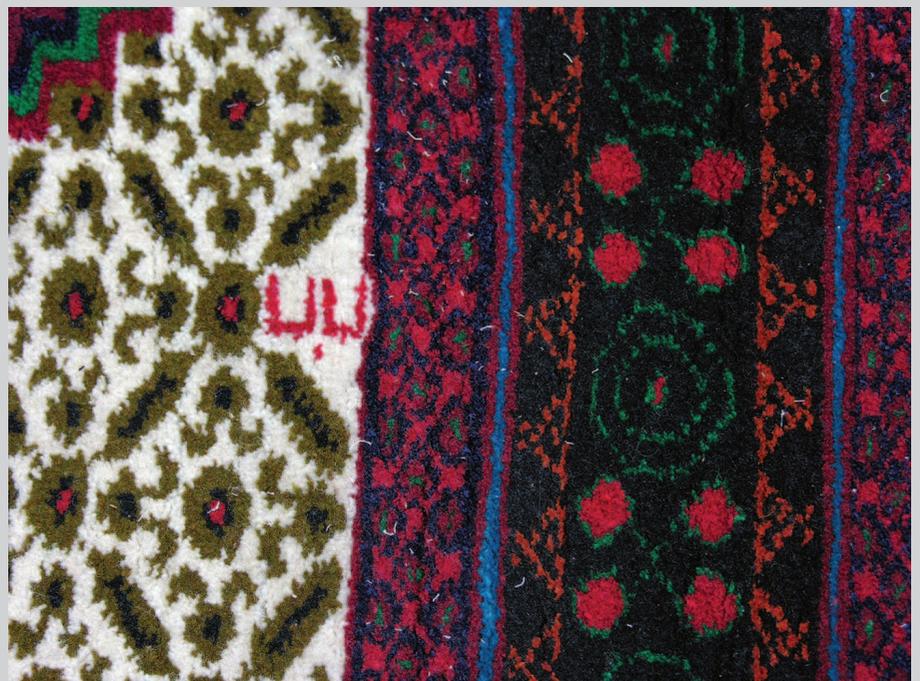
времен бронзового века в Артике, Навере, Лори Берде были найдены кусочки шерстяных тканей и отпечатки шерстяных ковров. А в армянских народных сказках, например, сказке «*Волшебный ковер*», ковер может пересекать пространства и переносить людей (Ե. Լալաեան, Նոր- Բայազէտի գավառ, Ազգագրական Հանդէս, Թիֆլիս, 1908, Գիրք XVII, էջ 116). В арцахской сказке «*Девушка-лягушка*» волшебный ковер достают из подземного царства (Կլեթրնուկ աղջիգը, Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, հ.5, Եր. 1966 , էջ 188-197).

Возвращаясь к надписям на коврах, отметим, что традиция отмечать имя или инициалы умершего жива по сей день. В иджеванском селе Саригюх ковродел Арус Казарян (род. в 1929 г.) в 1994 году в память о погибшем в азербайджанском плену сыне Самвеле выткала ковер, на котором имеются его инициалы (фото 6). По словам Арус Казарян, так посредством ковра она сохраняет связь с сыном.

Особого внимания заслуживает ковер, вытканый в Татеве в 1927 году (192x132 см, шерсть, 26x30 узелков в 1 дм²) (фото 5). На нем известная композиция сюник-арцахских ковров: повторяющиеся медальоны с солярным символом в центре и парными изображениями змей вокруг этого символа. Однако на татевском ковре композиция среднего медальона нарушена из-за нововведения. В центре медальона, как коллаж, помещен портрет В.И. Ленина на черном фоне с надписью «*тов. Ленин*» – «*րի. Լենին*». Над головой Ленина есть имя человека, кому посвятили ковер – «*Արտեմի*» – «*Артеми*». На самом верху справа имеется дата «*1927*». На каждой стороне от среднего медальона вытканы инициалы «*Ա*» (А) и «*Ի*» (И). Можно провести аналогию с ковром из Саригюха, на котором также выведены инициалы погибшего Самвела Казаряна.

Слева и справа от портрета вождя находятся изображения хвойного дерева с загнутыми в

- 5. Ковер 1927 г. из Татевы с изображением В. И. Ленина ◀
- 6. Фрагмент ковра 1994 г. из села Саригюх в память о погибшем Самвеле Казаряне ▶

7. Ковер „Хоран”, вытканый Анастасией Харазян в 1910-1912 гг. в селе Одзун

крюк кронами. Графически именно так часто изображались на средневековых памятниках кипарисы. Композиция с кипарисами и крестом в центре известна из восточнохристианской иконографии. Одна из красивых композиций с деревом жизни в центре и кипарисами по сторонам

от центра встречается на ковре «Хоран» («Алтарь») из Одзуна (фото 7), вытканном в 1910-1912 годах известной мастерицей Анастасией Харазян (род. в 1889 г. в Санаине, умерла в 1963 г. в Одзуне), чьи изделия отправлялись в Тифлис (Լ. Ավանետաճան, «Խորան» գորգի մի նմուշի

նմուշաւորութիւն, Հանդէս ամսօրեայ, Վիեննա 1999, 415).

Над каждым кипарисом татевского ковра выткано по одному кресту. Нужно заметить, что изображения маленьких равносторонних крестов расположены по всему рисунку ковра, в разных местах композиции. Многократное использование креста усиливает воздействие этого магического знака. Как отмечает Владимир Топоров, крестами обрамляли сакральное имя или имя, пользующееся особым почетом (В. Топоров. Крест. МНМ, М., 1992, т. 2, с. 13). Изображения крестов, деревьев, солярных знаков имеют особое функциональное значение: оберегают и защищают от зла. Возвращаясь к изображениям деревьев, которые имеют отношение к идеям смерти и возрождения, отметим, что в традиции армян до сих пор существует известный из древней индоевропейской традиции культ деревьев. Многие народы считали, что в деревьях живут духи предков (В. Топоров. Растения. МНМ, М., 1992, т. 2, с. 369). Объектами поклонения особенно становились вечнозеленые деревья – символы вечной свежести, обновления, а значит – возрождения. Армяне на кладбищах по сей день всегда сажают деревья. А в зависимости от климата, но независимо от места проживания на кладбищах армян всегда есть вечнозеленые кипарисы. Так, армянское кладбище в Баку выделялось своими пышными кипарисами.

Как мы отметили, портрет вождя революции, который к тому времени уже был мертв, помещен в центре медальона, где, как принято, находится знак и символ солнца. Отсюда следует, что даже в новую эпоху воинствующего атеизма древние представления и верования армян остаются неизменными. Культ солнца продолжает оставаться главным, приобретая новые формы выражения. Обожествление реального человека, например, Ленина, идеи которого пропагандировались как единственно верные и справедливые, не раз встречается в исторической практике людей. Образы Ленина и Сталина обожествлялись в первую очередь самими партийцами.

8. Ковер начала XX века из Арцаха с изображением покойника и памятной надписью «Скорбящий отец Аветикянц»

Этим лидерам, особенно Ленину, приписывались бессмертие, вечная жизнь. Эпитет «живее всех живых», фраза «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» свидетельствуют о мифологизации образа Ленина. Их называли *солнцами*. Создавались народные сказки, такие как «Справедливо судящий Ленин», «У солнца». В первой сказке Ленин имеет эпитет *справедливого* аналогично солнечному божеству Митре/Михре. Во второй сказке Сталина называют Солнцем (Ա. Ղանաճանյան, Հայ ժողովրդական հերոսներ, Եր. 1950, էջ 515-517, 527-529).

Татевский ковер, вытканый в память об *Артеме*, один из ярких примеров существования культа умершего, культов солнца и деревьев, а также мифологизации образов реальных людей. В композиции ковра изображены и другие советские символы: пятиконечная звезда с серпом и молотом. Советские символы встречаются на других предметах прикладного искусства этого времени, например, на дере-

вянных оберегах 1920-1930-х годов (Оберег, 1930 г., с. Еранос, Гегаркуниский район).

Особого внимания заслуживает изображение двух телефонов, которые расположены между горизонтальными парами извивающихся змей. По тем временам, в 1920-х годах в горных селах Армении телефон был явлением редким и феноменальным. Аппарат, с помощью которого устанавливали связь на расстоянии, воспринимался как нечто удивительное, а может быть, даже сверхъестественное. Изображение телефонов композиции традиционного ковра 1927 года также является нововведением в искусстве ковроделия. (Нужно заметить, что одна из особенностей армянского коврового искусства – изображение некоторых инструментов (например, ножниц, расчесок), технических средств (например, телефона) в композициях ковров. Вероятно, оно берет свое начало от традиции армян изображать на надгробных камнях орудия труда (например, ткацкий станок, наковальню, куз-

нечный мех и т.п.), утварь (столы, подносы, кувшины, чаши, подушки и т.п.), инструменты (ножи, клещи, ножницы и т.п.). Таким образом подчеркивали род занятий и деятельности покойника. Возвращаясь к композиции татевского ковра, отметим, что изображения телефонов не нарушают гармонию традиционной композиции медальона и искусным образом сливаются с изображениями змей, соответствуя им по форме и цвету.

Уникальные ковры с изображениями покойников были вытканы в уезде Варанда Арцаха в конце XIX – начале XX века. Не исключено, что такие ковры производились намного раньше сохранившихся экземпляров (ниже мы рассмотрим пример капанского ковра 1826 г.). Однако из Арцаха до нас дошли примеры более позднего времени. На ковре 1916 года в центре помещено изображение покойника во весь рост, рядом с которым дата и фамилия покойника «ОГАНДЖА-НЯН». Слева и справа от него повторяющиеся изображения ар-

хангела Гавриила. Известно, что в христианской традиции за душами умерших приходил именно архангел Гавриил. К сожалению, из-за продажи этого ковра за рубеж возможности его описания, анализ композиции и изображений сильно ограничены. Однако один из ковров этой группы был исследован нами еще в 2003 году.

Предмет нашего исследования – ковер, вытканый в той же области Арцаха, что и предыдущий экземпляр, в начале XX века (194x141 см, шерсть, 26x28 узлов в 1 дм²) (фото 8). В центре композиции изображен покойник на катафалке во весь рост. Справа и слева от него – пара коней, белой и черной масти, со звездочками. Черные и белые кони имеют шахматное расположение. Они оседланы и направлены налево. Впечатление такое, будто кони галопом скачут на запад, куда по представлениям древних лежала дорога в потусторонний мир. На шеях видны уздечки с бубенцами, колокольчиками. На ногах – подковы. Передняя правая нога коней приподнята. С седла свисают стремяна, что предполагает присутствие всадников, хотя изображение последних отсутствует. На левой стороне ковра вертикально выткана надпись «ՀԵՐ ԱԵՒԱՏԵՐ ԱԻԵՏԻՔԵԱՆՅ» – «Скорбящий отец Аветикянца». Из надписи следует, что скорбящий отец в память об умершем сыне заказал ковер. Известно, что ритуальные ковры ткали по особым случаям: свадьба, поминки. Их ткали имеющие навыки и опыт мастера. Таким образом, рисунок ковра непосредственно связан с обрядом похорон.

В уезде Варанда считали, что умирающий перед смертью слышит голоса умерших родственников. Между близкими родственниками существует тесная связь, которая, по представлениям армян, становится еще сильнее после ухода одного из них на тот свет. О культуре предка и первопредка у армян примечательные сведения сообщает Ерванд Лалаян. Он упоминает род Лорис-Меликянов (Лорис-Меликовых) и пишет, что они считают своим предком Св. Ованнеса Одзнец, на его мощах они построили

церковь, куда ходят на поклонение. А землю с могилы предка считают благословением и зельем, лечащим болезни. Каждый год на следующее воскресенье после Пасхи весь род Лорис-Меликянов (Лорис-Меликовых) отмечает праздник Св. Ованнеса Одзнец. Собирают деньги для совершения жертвоприношения в своей общине и совершают литургию на могиле святого (Ե. Լալաեան, Բորչալուի գավառ, Ազգաբնակիչն Հանդէս, Թիֆլիս 1903, գիրք X, էջ 115).

Белая борода, красный цвет одежды, посох, красный башмак, красивые покрывала свидетельствуют о том, что умерший был человеком благочестивым, имеющим почет и влияние. Красное одеяние свидетельствует о молодости. В Арцахе, Гандзаке, Сюнике молодых хоронили в красной одежде. А белая борода, белые волосы – не признаки старости. Они имеют отношение к смерти и потустороннему миру. Все святые, ангелы, духи изображались в белых одеждах, на белых конях, в облике старцев. Белый цвет, кроме чистоты, символизирует бестелесность. А. Акопян в своей статье «Изображения Тух Мануков в Древней Армении» (Հ. Հակոբյան, «Թուխ Մանուկներ»-ի ցանկերի գրքովը Հին Հայաստանում, Թուխ Մանուկ, Եր. 2001, 64) пишет, что на побережье Севана есть святилище Тух Мануков, где некогда жили альбиносы.

Умирать значит гаснуть или стареть. Главный бог пантеона Ванского царства – Халди изображается то в облике юноши, то в облике старца, что свидетельствует об умирающем и возрождающемся характере бога и символизирует вечность. В христианской иконографии 33-летний Иисус при жизни имеет облик молодого мужчины, а после завершения земной жизни и Вознесения в *Откровении от Иоанна* описывается как человек в длинном одеянии с волосами, белыми как шерсть и снег. Белый цвет смерти означает также невидимость. Глаза покойника на изображении открыты. Именно так, подобно живым, изображаются покойники на могильных камнях. Это означает, как пишет Владимир Пропп, что произошел переход из одного со-

стояния в другой. В момент смерти наступает слепота – невидимость мира живых. И наоборот: по народным представлениям, которые нашли особенно яркое выражение в народных сказках, для переправы в мир мертвых живые хотя бы временно должны претерпеть смерть, чтоб прозреть и увидеть на том свете, как видят мертвецы.

Одна из примет мертвеца – отсутствие какой-либо части тела. В данном случае на ковре видна только левая нога *Аветикянца*. Правая на изображении закрыта покрывалами, т.е. отсутствует. Это соответствует древнейшим представлениям о правой и левой сторонах, которые соотносятся со сторонами света – востоком и западом. Левая сторона соотносится с потусторонним миром, со злом и опасностью. Вспомним хеттский миф о Телепинусе, когда сын бога грозы в гневе надел правый сапог на левую ногу, а левый на правую ногу, из-за чего в мире произошёл катастрофический хаос. Таким образом, изображение левой ноги – еще одно выражение семантической связи рисунка ковра с мифологическими представлениями древних индоевропейцев о потустороннем мире.

С правой стороны от *Аветикянца*, наверху, изображен крест – Х (сгук decussata). В армянской традиции народных верований крест – самый сильный магический знак, с помощью которого защищали живых, а также мертвых от воздействия зла. Лицо умершего покрывали куском ткани в форме креста. Тело обвязывали крестнакрест веревкой, руки складывали на груди скрещенным образом. А после погребения на могильный холмик клали лопаты одну поверх другой, в форме креста. Таким образом предотвращали возвращение духа мертвеца в облике призрака в мир живых, так как это было чревато опасными последствиями. Считалось, что кто-нибудь из родных умершего может заболеть или умереть. Крест как оберег появляется в Армении еще в глубокой древности. Один из примеров того, что крест рассматривался как наилучшее средство защиты мертвеца от воздействия зла – изображение

9. Фрагмент Пазырыкского ковра с крестообразными орнаментами

креста на шее каменного идола из Ошакана IX века до н.э. По мнению Гагика Саргсяна, идолы есть не что иное, как изображения предков (Г. Саргсян. Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении. Древние цивилизации. М., 1997, с. 719-721). Нужно отметить, что культ предка и культ умершего тесно взаимосвязаны. О культе предков армянских царей и почитании изображений этих предков говорит Мовсес Хоренаци в «Истории Армении» (Մովսես Խորենացի, Հայոց Պատմություն, Եր. 1988, էջ 161-163). Статуи предков устанавливались рядом со статуями богов, как в святилище в Коммагене на горе Немруд (Г. Саргсян, Ук. соч. с. 720-721).

Одежда, в которой изображен Аветикянц, – яркий национальный костюм алого цвета. Как уже отметили наверху, в красной одежде в Арцахе, Гандзаке, Сюнике хоронили молодых. Богатое убранство

покойника свидетельствует о его социальном статусе имущего человека. Описание одеяний умерших царей и князей Армении сохранились в средневековых письменных источниках, на основе которых в 1912 году в Венеции была издана книга В. Ацуни «История древнего армянского костюма» (Վ. Հացունի, Պատմություն հին հայ տարազին, Վենետիկ, 1912).

Особого внимания заслуживает красный башмак покойника Аветикянца. Красная обувь в Армении с древнейших времен считалась знаком верховной власти. По свидетельству Мовсеса Хоренаци, царь Армении Арташес, возвращая утерянный трон рода Мурацанов представителю рода князю Аргаму, дарит ему красную обувь для одной ноги (Մովսես Խորենացի, Հայոց Պատմություն, Եր. 1981, էջ 207). Историк конца XIII – начала XIV веков Степанос Орбелян в книге «История Сюника», говоря о высо-

ком положении сюникских князей, отмечает, что они имели право носить перстень с царской печатью, золотой жезл, на ногах – красную обувь (Ստեփանոս Օրբելյան, Սյունիքի պատմություն, Եր. 1986, էջ 72).

Прочная обувь или сапоги по представлениям древних (в Армении, Иране, Греции, Египте, Скандинавии и т.д.) являлись обязательным элементом снаряжения человека, отправляющегося на тот свет (В. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005, с. 31-35). Об этом свидетельствует глиняная обувь, найденная из погребений II-I тыс. до н.э.

Во времена распространения митраизма в Армении и Малой Азии и далее на территориях Римской империи красную обувь носили служители Митры/Михра. Один из исследователей митраизма Н. Румянцев дает описание одеяния митраистских жрецов (Н. Румянцев.

Языческие Христы. М., 1929, с. 131). Оно состояло из широкого пояса, ризы, митры на голове, изогнутого жезла в руках и красных сапог. Примечательно, что жрец в таком облачении назывался *Papa* – Отец. Красный – это ритуальный цвет, имеющий отношение к жертвенной крови (в митраизме жертвовали быка), которая орошала землю. Кровавая жертва предлагалась богам преисподней. После того как кровь жертвенного быка стекала на землю, ожидали, что подземные боги пошлют на землю дары в виде урожая, богатства и благополучия. У многих народов есть представления о том, что бесценные дары для человека (урожай, волшебные предметы, богатства, даже удачная судьба) идут из загробного мира, где наряду с подземными богами находятся предки, помогающие людям. Особенно хорошо эти представления сохранились в древних преданиях и народных сказках. Отметим также, что красный или алый цвет пресекал зло. Красный – обязательный цвет ритуального триколора: красный, черный (синий), белый. Красную шерсть/нить/ткань/одежду постоянно использовали во время важных ритуальных обрядов. Красный цвет использовали знахари как лечебное средство для лечения ряда болезней (Ա. Իւրախեյան, Հայաստանի ցիտոմոլոգիայի թանգարանի մանկական հմայիլների հավաքածուն, Թանգարան, N 1, Եր 2009, 101).

Красного цвета не только одежда покойника, но и фон ковра, на котором ритмически повторяется растительный крестообразный орнамент. Подобный орнамент украшает центральное поле знаменитого *Пазырыкского* ковра (фото 9). Примечательно, что на *Пазырыкском* ковре растительный крестообразный орнамент на красном фоне ритмически повторяется аналогично нашему ковра. Напомним, что ковер, обнаруженный в 1949 году в пятом Пазырыкском кургане, по мнению специалистов, например А. Гаяяна, У. Шурмана и др., был соткан специально по поводу похорон, а композиция ковра и его отдельные изображения имеют такую же смысловую связь с погребальным обрядом, какую имеют

10. Капанский ковер 1826 г. Собственность семьи Халафян

изображения арцахского ковра начала XX века. Нужно отметить, что техническое и художественное описание древнего ковра полностью соответствует описанию армянских традиционных ковров, которые продолжали ткать еще в XX веке. Семантическая связь между изображениями арцахского ковра *Аветикянц* и древнего ковра из скифского погребения (о существовании которого ткачи XIX-XX веков даже не подозревали) делает возможным сопоставить сюжет обряда похорон и представления об этом и том мирах создателей древних ковров наподобие Пазырыкского и ковров, которые ткались в Арцахе и Сюнике в XIX-XX веках. Несмотря на то что их отделяет большой отрезок времени, можно полагать, что они принадлежат к одному и тому же культурному кругу и в корне тесно связаны между собой.

Обобщая анализ смыслового значения изображений ковра *Аветикянца*, отметим, что орнаменты и композиция ковра подчеркивают праведность и благочестие личности покойника, желание родных увидеть его в раю. По этому поводу в *Авесте*, подобно рисунку ковра, есть следующие строки: «По истечении третьей ночи, на рассвете, душа праведника носится перед растениями и благовониями...» (*Авеста*, Яшт, 22, 7, Санкт-Петербург, 1998, с. 409).

Особого внимания заслуживает ковер 1826 года из Капана (240x120 см, шерсть, уточные нити из шерсти и хлопка, 32x22 узелков в 1 дм²) (фото 10). Ковер – собственность семьи Вачика Халафяна (род. в 1955 г.) и получен от деда Артавазда Халафяна из капанского села Гегануш. Дед, в свою очередь, получил его в наследство от своего отца. Все члены семьи Халафян нескольких поколений знали, что ковер изначально принадлежал семье. В семье был еще один экземпляр, несколько отличный от данного ковра, однако он был обменян на два современных половика (в определенный период такое происходило часто: наивные обладатели старых ковров задаром отдавали их торговцам коврами). И хотя в роду были хорошие ковроделы, например, Эгине Туманян (1907-1971

11. Ковер с надписью „Миру мир” из села Тех

гг.) из села Чакатен, однако никто не помнил имя ткачихи исследуемого ковра. Надпись на ковре указывает 1242 год по арабскому летоисчислению. Нужно отметить,

что на многих армянских коврах и других предметах дату писали по *хиджре*, что объясняется османским и персидским владычеством. С проникновением европейских

12. Фрагмент ковра 1826 г. с портретом мужчины в красной одежде

веяний на Восток армяне с тем же успехом производили ковры с латинскими надписями, таковы, например, ковры из Кесарии. В Восточной Армении под влиянием русского языка начали появляться ковры с русскими инициалами. А в советские годы в селах ткали ковры с лозунгами на русском языке. Например, Ангин Шадунц (род. в 1937 г.) из села Тех Горисского района выткала ковер с надписью «МИРУ МИР – 1966 з» (фото 11). Надписи на различных языках, сделанные на изделиях, производимых армянами, – одна из особенностей армянских ремесленников.

Возвращаясь к капанскому ковру, отметим его уникальный рисунок. На сине-сером поле ковра вертикально по центру расположены три одинаковых портрета сидящего на троне мужчины в европейской одежде и широкополой шляпе. Их размеры искажены, из-за чего три одинаковых изображения диспропорциональны по отношению друг к другу.

Главное изображение – портрет мужчины в красной верхней одежде, из-под которой видны кружевной воротник и кружева на рука-

вах (фото 12). Он сидит на троне. Виден пояс с пряжкой, на левой ноге высокий красный сапог, на колене крест. Правая нога отсутствует. Эти элементы имеют важное значение для определения функции ковра. Крест на колене и отсутствие правой ноги сравнимы с аналогичными признаками изображения покойника на ковре *Аветикянц*.

На круглом лице мужчины четко вычерчены широко открытые глаза, длинные черные брови, горизонтально прямые черные заостренные усы, маленькая, короткая борода. Описание мужчины соответствует описанию какого-либо европейского монарха XVIII века. Возможно, портрет на ковре есть воспроизведение европейского рисунка, так как в армянской среде изображения европейцев были уже в обиходе. Вспомним, как армянские художники XVII-XVIII веков Новой Джуги разрисовывали стены апартаментов богатых армянских купцов портретами европейских монархов и посланцев.

По обе стороны от главного изображения имеются изображения

стилизованных цветов (символы зарождения и увядания жизни, вечного обновления, а также символы рая), крупных голубков, крылатых зооморфных существ, коз и т.п. Изображения голубков, крылатых духов расположены в зеркально-симметричном отображении. Еще по представлениям древних птицы и крылатые существа имели непосредственное отношение к смерти. Голуби были воплощением Души праведника. В христианской традиции голубь – воплощение Святого Духа. Именно в сюникских верованиях сохранились представления о том, что умирающий видит свою удаляющуюся душу в образе птицы, которая вылетает из тела. Человек не в состоянии схватить душу умирающего. Однако крылатое существо – ангел смерти может забирать душу и унести ее (Ս. Ըիսիցյան, Հանգեցուրի հայերը, Եր. 1969, էջ 290). На средневековых хачкарах парное изображение голубей (куропаток) символизирует небесный свод, сад небесный и бессмертие (Հ. Պետրոսյան, Խաչքարերի ծագումը, գործառնությունը, իմաստաբանությունը, автореферат докторской дис., Ер., 2004, с. 25). В нижней части композиции ковра, справа и слева от центрального портрета, имеются сравнительно маленькие изображения юноши в красном. На правой стороне юноша изображен в анфас, руки на поясе. А на левой стороне юноша изображен в профиль. Правая рука его опущена, а левая с тремя широко раскрытыми пальцами вытянута вперед (фото 13). Рукав красной одежды тянет вверх белый извивающийся змей. Этот фрагмент соотносится с архаическим представлением о змее – похитителе душ. (В. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005, с. 212-214, 227). Змей, как хтоническое существо, несомненно, имеет связь со смертью и умершими. В Древнем Египте богиня Меритсегер в образе змеи олицетворяла гробницы Фивы (Р. Рубинштейн. Меритсегер. МНМ, М., 1992, т. 2, с. 139-140). Таким образом, можно предположить, что в этой сцене изображен умерший, несомненно, молодой человек, которому посвящен данный ковер.

Мы уже отметили, что изображение мужчины на троне – воспроизведение ранее существующего рисунка. Поэтому значение трона на данном ковре как отдельно взятого символа рассматривать в контексте с погребальным обрядом не следует. Однако сама семантика Трона или Престола восходит к древнейшим временам становления верховной власти и идейно связана с Нижним миром (В. Ардзимба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М. 1982, с. 97). В Армении в одном из погребений эпохи эллинизма в Сисиане наряду с гробом был обнаружен трон. Этруссские каноны (урны для хранения праха) VII- VI веков до н.э. помещали на троне, что означало почитание умерших как божеств подземного царства, покровителей живущих (Н. Лосева, Н. Сидорова. Искусство Этрурии и древней Италии. М., 1988, с. 91-92). Находящийся в Нижнем мире Осирис изображается на троне. Интересная находка была сделана в погребении № 6 Лчашена. Покойник был помещен на сиденье погребальной повозки и захоронен сидячим (А. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, М., 1960, № 2, с. 139). В представлении древних для умершего сидение на троне означало возрождение. В одном из новохеттских текстов есть интересный диалог между Троном и Царем, из которого следует, что Трон – сила, противостоящая Царю и одновременно его союзник, который доставляет ему из моря правление и повозку. В армянской народной сказке «Бюрапатик» сохранились следы древнего предания о подземном божестве на Золотом Троне, который посылает на землю дары и богатства (Գ. Սրբիսկանյան, Երվեր, 1978, էջ 186-189). Таким образом, первоначально Трон, находящийся в потустороннем мире, носил сакральный характер: «...особо важная роль обожествленного трона в хаттском и хеттском пантеоне в целом напоминает функцию *Золотого стула*, содержащего в себе душу народа, силу и плодородие и являвшегося символом власти вождя...» (В. Ардзимба. Ритуалы и мифы древ-

ней Анатолии. М., 1982, с. 87). В хеттских строительных обрядовых надписях в заклинании при освящении дворца имеется описание обряда восседания царя на престол: перед тем как Табарна-царь должен был воссесть на престол, бог Цилипури взял его одежду, его ковер, его обувь, а также сыры и творог и положил их на престол. И тогда боги, как говорится в тексте, дали изобилие Табарне-царю, Тавананне-царице, их сыновьям и их потомкам (Луна, упавшая с неба. М., 1977, с. 44-45).

Идею возрождения и благополучия носят изображения ветвей, листьев и плодов в виде гроздей, которые окаймляют основную композицию рисунка ковра. Богатая растительность, особенно изображения ростков, виноградных гроздьев и других плодов свидетельствуют о национальном мировосприятии армян, которое сформировалось преимущественно во времена Ванского царства и свое дальнейшее развитие получило в средневековье (Հ. Պետրոսյան, Խաչատրեի ծաղուի, գործարարը, իմաստարանությունը, Սեդնագիր, Եր.2004, էջ 29-30).

Как принято, иконография с гроздьями винограда, гранатовыми и другими плодами представляет небесный рай, куда попадают души верующих праведников (Указ. соч.). Таким образом, капанский ковер 1826 года – это редкий экземпляр ковра, вытканного в память о близком родственнике.

Обобщая, отметим, что вышеупомянутые ковры – лишь некоторые примеры целого ряда изделий, вытканых по поводу и в память умерших родственников. Анализ смыслового значения изображений свидетельствует об их архаичном и традиционном характере, выявляет тесную связь между ними и символами древних индоевропейцев. Путем комплексного изучения материала или методом сравнения с археологическими, этнографическими данными, фольклором, древними письменными текстами и источниками можно исследовать генезис армянского коврового искусства, берущего свое начало в глубокой древности. ☺

13. Фрагмент с изображением юноши и змея на ковре 1826 г.

интервью со
старшим научным
сотрудником
отдела
этнографии Музея
истории Армении
Лилией АВАНЕСЯН

ПОТЯНУТЬ ЗА НИТЬ

Село Куртан, Хачкар 1086 года с почитательной надписью братьев царского рода Кюрикидов, поставленный в честь реставрации Священного ковра, август 2008 года

С детства я любила живопись и историю. Эти два пристрастия объединились, когда я поступила на исторический факультет госуниверситета. Я всегда любила рисовать, хорошо разбиралась в деталях рисунка, что впоследствии помогло мне в исследовании орнаментов армянских ковров. Возможно, сыграла роль наследственность. Мои родители – уроженцы Арцаха, в роду у отца были известные ковродельщицы. Моя прабабушка и ее мать Маргарит были очень известными мастерицами в районе Гадрута. Была еще родственница Набат ази из деревни Тог, которую взяли невесткой в отцовский род. Ковры Набат ази пользовались и до сих пор пользуются очень высокой репутацией. С того времени осталось мало ковров, потому что в основном они были разграблены турками и кавказскими тюрками (азербайджанцами) в 1918-1920 годах и со временем

стали считаться «шедеврами азербайджанского (турецкого) ковроделия». Примеров множество. Моя родственница со стороны отца – мастерица ковроделия Манушак (Мнешак) Ишханян родилась в Гадрутском районе, но жила в Шуши. Во время шушинской резни, в 1920 году, им пришлось бежать из города, оставив все имущество, в том числе и красивые ковры, и вернуться в гадрутское село Гогер. В 1930-х годах, оказавшись в районе Физули, она случайно встретила знакомую азербайджанку и у нее в доме, на стене, увидела собственноручно вытканый ковер с инициалами из своего разграбленного дома в Шуши.

После окончания университета я работала в деревне в Апаранском районе. Постепенно мой интерес к этнографии стал более профессиональным. Меня привлекали армянские традиции и предания, всегда и во

всем я пыталась найти истоки. В 1990 году я поступила на работу младшим научным сотрудником в отдел этнографии Музея истории в Ереване. Одновременно мне было поручено заведование фондом ковровых изделий, который насчитывал в то время примерно 1300 единиц хранения, а сейчас около 1400.

Ковры требуют бережного ухода и внимания, как малые дети. Надо постоянно их чистить, очень внимательно следить за состоянием. С первых дней я занималась этим с большой любовью и одновременно чувствовала, что оказалась в родном для себя мире. Вокруг были не просто ковры, не просто изделия из шерсти, но те цвета, те изображения, которые я всегда носила в своей генетической памяти. Каждое ковровое изделие – горг, ковер, хурджин, ксак, попона и другие предметы, нужно было раскрыть, почистить и вымыть. Я постоянно видела эти цвета и изображения, и они просто поражали меня. Они не просто доставляли эстетическое удовольствие, но постоянно напоминали о том, что несут в себе определенную информацию, которую необходимо раскрыть. Те истоки, которые я искала, нужно поискать в коврах, потянуть именно за эту нить.

Первое время я только внимательно рассматривала и делала эскизы отдельных изображений. Примерно десять лет я собирала изображения орнаментов, сравнивала их, искала и перечитывала существующие исследования. В 1995 году я получила предложение выступить с докладом в Институте этнографии и археологии Национальной академии наук. С того времени начался путь в области исследования армянского коврового искусства. Со временем мои научные интересы настолько расширились, что возникла необходимость изучения ковроделия на местах. И я начала ездить, конечно, при помощи и поддержке многих людей, потому что ездить по стране в то время было еще непросто. С 2002-2003 годов я начала выезжать в села, а в 2008 году за месяц посетила 40 сел, собрала огромное количество материала не только по ковроделию, но и вообще в области этнографии. На его основе я периодически выступаю с докладами, печатаю статьи. Мне стало понятно, что я на правильном пути, когда мою работу оценил наш всеми уважаемый и любимый ученый-этнограф Левон Абрамян. Как-то в своем выступлении он сказал, что я потянула за ту нить, которую уже не имею права выпускать из рук.

По мере продвижения вперед я все лучше узнаю свой народ. Исследуя ковроделие, исследуешь не просто ремесло, но через него переходишь к вопросам национальной самобытности. Через ковры я обнаруживаю то, что мог бы обнаружить другой исследователь через исследование памятных надписей или через археологические раскопки.

Наверное, самая мощная и устойчиво сохраняющаяся вещь – народные обряды, которые, трансформируясь, продолжают существовать из века в век. Например, в начале XX века очень интересный обряд разрезания ковра в Арцахе зафиксировал и описал со-

биратель фольклора К. Мелик-Шахназарян. Его текст издал в 1955 году Вардан Темурчян, а теперь после своих исследований я вижу, какие глубокие, древние корни у этого обряда. Этот обряд сохранился в Лори – не совсем в том виде, в каком его описал К. Мелик-Шахназарян, но в селах Ахпат и Одзун в Лори мне рассказали, что он проводился здесь до 1990 года. Это говорит о единстве и общности нации. Многие обряды, описанные в западной Армении, сохранились и в Арцахе, и в том же Лори.

Оказывается, в Лори, а именно в деревне Куртан, на хачкаре 1086 года эпохи царства Кюрикидов есть уникальная надпись, в которой упоминается слово «горг» («ковер»)

«ՇԼԵ ԹՎԱԿԱՆԻՍ ՀԱՅՈՅ ԹԱԳԱՎՈՐՈՒԹԵԱՆ ԿՈՒՐԻԿԵԻ ՀԱՐԱԶԱՏ ԵՂԲԱՐԵ ՍԱՐԳԻՍՍ, ԴԱՎԻԹՍ, ԳՈՐԳԻ ՆՈՐՈԳԵՑԱՔ ԶՍՈՒՐԲ ԳՈՐԳՍ ԲԱՐԵՆՈՍ ՈԳՈՅ ՄԵՐՈՅ».

До этого самой старой надписью с упоминанием этого слова считалась надпись в монастыре Каптаванк 1234-1243 годов. Возможно, впоследствии удастся обнаружить еще более ранние примеры. Сенсационность надписи 1086 года состоит в том, что она фиксирует воздвижение хачкара членами царского рода в память обновления ковра как священного предмета. Таким образом, надпись на хачкаре свидетельствует о культе ковра у армян. Это прямое подтверждение сакрального значения ковра. Он был не просто предметом быта, украшением дома, но имел особое значение. И это позволяет сделать вывод о том, что искусство ковроделия у армян имело местное происхождение.

Углубляясь в историю, мы видим изображения вертикальных станков для изготовления ковров и сцен ковроткачества на бронзовых поясах из Ванского царства. Орудия по производству безворсовых и ворсовых ковров были найдены в развалинах крепости Тейшебайни в Кармир-блуре. Это очень важные материалы по теме развития ковроделия в Армении.

97-летняя ковродельщица Лусик Шахнубарян из Хндзореска и 103-летняя Арус Арус Бархударян из Тега описывали мне, как работали первые ковродельческие артели в 1920-х годах. У нас в музее есть коверы, которые имеются во многих музеях мира и по типу своего рисунка называются «змеиными» или «драконовыми». Они довольно сложные по технике изготовления. Еще они известны и под названием «Зиле», по имени области в Турции, где якобы был известный центр их производства. У нас в музее есть два образца таких ковров из арцахских сел Хцаберд и Тог XIX века, и для меня очень важно, что армянские специалисты, например, Серик Давтян, утверждают, что родиной этих коверов по многим признакам являются Арцах и Сюник. Неожиданно эти бывшие работники артелей рассказали мне, что у них в большом количестве производились именно эти коверы, которые закупались советским государством для продажи за границу. В течение всего советского времени ценные коверы, на которые был большой спрос, изготавливали в самых разных армянских селах, например, в селе

Ковродельщица из села Бердашен 91-летняя Айкануш Арустамян.
Арцах, август 2008

Ковродельщица из Хндзореска 97-летняя Лусик Шахнубарян, август
2008 года
26 анив 3 (2012)

Шахназар, в Калинино, а также в городских фабриках, например, в Степанакерте. Их отправляли в Москву, а оттуда в Европу, главным образом во Францию. На всех арцахских коврах в качестве места производства писали «Азербайджан» — нигде не отмечалось, что ковры были сотканы армянами. Мне удалось собрать много фактов такого рода.

Если искусство ковроделия не было заимствованным, если оно зародилось и распространилось в Армении с древних времен и стало одним из ремесел, сформировавших национальную сущность, как и когда это положение вещей могло измениться?

В регионе Кавказа армяне всегда выполняли заказы на изготовление ковров. Если внимательно прочесть наших историков, приходишь к выводу, что мастерские по изготовлению ковров находились при храмах и монастырях. И при вражеских набегах именно эти мастерские в первую очередь подвергались нападению и разграблению, потому что там находились ценные ковры, золотые и серебряные изделия и т.д. Ковродельцы получали хорошие заказы в те времена, когда армянские купцы вели крупные торговые операции. Одним из главных заказчиков была Армянская Церковь, что подтверждается архивными документами — например, по документам из Эчмиадзина известно, в каких деревнях ткались ковры по заказам Святого Престола. В селах Арцаха ткались ковры и для Гандзасарского престола, и для Эчмиадзина. В то время наши церкви выглядели по-другому, чем теперь, они были изнутри полностью покрыты коврами, это описывается, в частности, у Магакии Орманяна. В течение всей литургии люди сидели на коврах и молились на ковре — изготавливались специальные ковры для молитвы. Такие же ковры ткались и по заказам мусульман.

В XIX веке изменилась социально-экономическая ситуация. После вхождения восточной Армении в состав России, уже во второй половине XIX века, армяне необычайно активно интегрировались в процесс капиталистического развития. А капиталистическое развитие связано с разрушением родовых патриархальных порядков и ремесел. Горцы Дагестана, кавказские турки (азербайджанцы), курды не интегрировались в такой степени в этот процесс, в отличие от армян, которые мигрировали в большие города. Такова специфика армянского мышления, мы всегда очень активно интегрируемся в мировые процессы развития.

Упадок традиционных ремесел у армян отмечался еще в дореволюционной литературе. И, наоборот, для других народов Кавказа, у которых это ремесло прежде уступало армянскому ковроделию, оно превратилось в средство капиталистического накопления. Их ремесленники в большом количестве брали заказы. Известно, что им давали даже технические средства производства ковров. Некоторые сложные станки, ножницы, нож с крюком были созданы армянскими мастерами по производству ковров. Например, в 1900 году ножницы, которые используют и по сей день ковродельцы разных стран, были созданы армянином из Спарты Хачиком Газазяном. Нож с крюком для завязывания узла был создан в 1910 году в одной из

армянских мастерских по изготовлению ковров в Тифлисе. В советское время создателями сложных ковроткацких станков были армяне Б. Атабекян, А. Агабабов и С. Берберян.

И в советское время в ковроделии у нас работали выдающиеся художники, создатели композиций. Другое дело, что в то время весь порядок определялся в Москве, и композиции отходили от традиционных армянских, потому что в основном ковры ткались на фабриках, на хлопковой основе, строго определенных размеров, и – самое главное – большая часть эскизов утверждалась в производство азербайджанцами в Баку. Если взять книгу 1950-х годов по армянским коврам, в редколлегии тоже есть азербайджанцы. В связи с упадком качества производства деградировал также уровень потребительского вкуса.

Ковродельщица из села Тег, 103 летняя Арус Бархударян, август 2008 года

Во время моих поездок по селам выяснились страшные вещи. Находясь в Ереване, мы более или менее представляли себе, что происходит, видя количество ковров, продававшихся в том числе на Вернисаже. Но когда я увидела в селах, каким безжалостным образом оттуда все вывезли... Торговцы сделали то, что не удавалось сделать захватчикам в течение веков – они полностью все вычистили. Торговля через Вернисаж – это капля в море. Мелкие торговцы, которые объезжали деревни, имели заказы из Турции. Все приобретенные в селах ковры потом перевозились в Карс, оттуда раскупались крупными торговыми фирмами из разных городов Турции, которые потом за большие деньги продавали эти ковры по всему миру, естественно, под маркой старинных турецких ковров ручной работы. Наши наивные сельчане даже не продавали эти ковры, а обменивали на копеечный ширпотреб, произведенный в Турции, Китае или еще где-то.

В деревне Дсех мне рассказывали, что еще в конце 1980-х годов, когда началось Национальное Движение, торговцы и его смогли использовать в своих интересах. Какие-то мелкие фабричные изделия, даже куски ткани с портретом Зоравара Андраника, они развозили по селам и обменивали на старые ковры. Умудрились даже национально-освободительную идею и Зоравара Андраника поставить на службу своей наживе. Происходил просто неопишущий грабег своих соотечественников, своей культуры – ковры вывозили из сел грузовиками. Это большей частью невозвратимые потери, в первую очередь потому, что эти ковры растворились на Западе в море ковров с маркой турецких и азербайджанских.

Конечно, специалист может распознать ковер, как мы часто распознаем незнакомого человека –

армянин он или нет. Есть передающиеся из поколения в поколение особенности, начиная от качества шерсти, ее цвета и до узоров и композиций. Наша задача – своими исследованиями уточнить традиции и особенности армянских ковров. Возможно, это поможет и неспециалистам точнее выделять армянские ковры в общей массе, позволит хотя бы частично выкупить их в Европе или Америке с помощью ценителей нашего искусства из числа диаспорных армян – или для музеев, или хотя бы для собственных коллекций. По крайней мере, все ковры, которые удастся идентифицировать как армянские, нужно фотографировать, чтобы они не пропали хотя бы для науки. Хозяин ковра, не важно, кто он – турок или иранец, американец или швед, – обязательно должен знать, что это производство армянского искусства.

Сейчас вряд ли реально восстановить ковроделие до прежнего объема. Много упирается в экономические возможности, в том числе в проблемы овцеводства, наличия нужного количества шерсти. Надо искать другие пути, по крайней мере, сосредоточиться больше на вопросах качества, чем количества. Есть у нас небольшие островки, где каким-то образом пытаются решать проблемы, восстановить ковроделие. Но, конечно, нужна общая программа. Надо решить – хотим ли мы восстановить ремесло или поставить на должную основу науку ковроведения. В век научно-технического прогресса крайне трудно и практически невозможно вернуться к ремеслам в том понятии и в том объеме, какие были в начале XIX века, но можно сохранить и передать потомкам понимание традиций. 🌀

Фотографии профессора Артема Оганджяна (Австрия) и Лилии Аванесян

Интервью
с директором
Института Кавказа
Александром
ИСКАНДРЯНОМ

ЭТОТ БОРЩ

Как родился проект, как Институт Кавказа оказался в Ереване?

Этот институт основывали три человека: один швейцарец, один россиянин и один житель Армении. Все трое были этническими армянами. Был Викен Четерян из Швейцарии, был ереванец Марк Григорян, который сейчас работает в Лондоне на Би-би-си, и был я. Каждый из нас нечто принес в этот проект. Так как Викен Четерян был журналистом по профессиональному происхождению — тогда он работал в Le Monde Diplomatique — он принес идею журналистского образования. Я не очень понимаю, как называлась тогдашняя профессия Марка. Я бы назвал его «журналистологом» — в качестве филолога он занимался журналистскими текстами и опыт

журналиста тоже имел. До приезда сюда, в Ереван, я никогда не преподавал журналистику. У меня были публикации в прессе по темам, которыми я занимался профессионально, но журналистом я не был. Я политолог, и мой вклад, соответственно, лежал в научной, политологической, части.

Как всегда, все шло от людей. Викен Четерян приходил ко мне в Москве брать интервью для своей газеты. Он писал книжку о Северном Кавказе, его интересовала эта тема. Не скажу, что мы уже тогда стали друзьями, но все-таки когда он приезжал — часто это было по пути на Северный Кавказ или по возвращении оттуда, — мы встречались, сложились какие-то отношения, я пригласил его в гости. И вот, сидя у меня на кухне, он спросил, нет ли у меня планов переехать в Армению. Я ответил,

что есть, и давно, я даже купил квартиру в Ереване за несколько лет до этого, но перебраться никак не получается — работы нет.

Когда же появилась возможность написать заявку на грант на создание Института Кавказа, каждый из нас начал делать свое дело. Как человек западный, Викен взял на себя финансовую часть, а писаниной занимались мы с Марком. Институт был основан в 2002 году. В этом году у Института юбилей, вышла книга с теми статьями, которые мы сочли наиболее интересными за десять лет.

В Кавказском регионе много противостояний, Армения тоже выступает как сторона в противостоянии из-за Карабаха. Как в связи этим воспринимается Ереван в качестве места общекавказских исследований?

Вторая ежегодная конференция Швейцарско-кавказской академической сети (ASCN) «Политическая трансформация и социальные изменения на Южном Кавказе: взгляд на Грузию и Армению». 29-30 июня 2012 года, Ереван. Фото Инны Мхитарян

ВАРИТСЯ ЗДЕСЬ

Серьезного кавказоведения на Кавказе не было никогда. Оно появляется только в XIX веке: в Санкт-Петербурге, Москве, неплохое – в Германии, кое-что в Лондоне. Этнография на Кавказе потом была представлена неплохо – этнографы здесь в советское время были. Но центром кавказоведения в смысле этнографии, конечно же, был Институт этнографии в Москве, который сейчас называется Институтом этнологии и антропологии РАН. По естественным причинам, огромное количество людей, работавших в Институте на протяжении всей его истории, были представителями этносов Кавказа или выходцами из региона.

Насколько нейтрально воспринимается Армения как место таких исследований? Ну, в Армении есть разные институции. Мы ведь не столько в Армении в целом работаем, сколько именно в Институте Кавказа. Не мне судить, насколько мы нейтральны, но и работники нашего института, и я как директор осознанно стремимся заниматься именно научной, академической, а значит, нейтральной деятельностью. Маленький пример. Раз в месяц мы проводим семинары по событиям в нашей стране или регионе. Мы намеренно не проводим семинаров по горячим следам событий, выжидаем три-четыре месяца. Политической значимости, остроты, на наш взгляд, эти события уже не должны иметь – должно пройти время, чтобы мы смогли попробовать посмотреть на них академически.

Мы намеренно дистанцируемся от представлений о том, что мы сугубо армянский институт. Мы – Институт Кавказа, занимаемся всем Кавказом, и наши проекты включают в себя по мере возможности исследования по всему Кавказу. Конечно, за десять лет этого добиться невозможно, такого рода вещи создаются поколе-

ниями. Но есть попытка взглянуть на весь регион, что очень сложно из Еревана, поскольку так устроены информационные потоки, коммуникации, вплоть до проблем, связанных с финансированием. Те организации, которые могут финансировать исследования Южного Кавказа, не финансируют исследования Северного Кавказа – он входит в другие списки.

Вы убедились, что с академической точки зрения Кавказ нужно объединить в единый регион? Вы считаете, что это единый организм?

Единый организм или нет – это вопрос, исследователи могут отвечать на него по-разному. Одни исследователи-кавказоведы считают, что никакого Кавказа как общности просто не существует. Другие считают, что он представляет собой некую целостность. Наша задача иная: мы исследуем регион, который очерчиваем, а как его оценивать – воля конкретных исследователей, их взгляды могут противоречить друг другу в одной книге.

Вы сталкивались с идеей о том, что понятия «Кавказ», «Закавказье», «Южный Кавказ» разрывают Армению на части и в этом смысле представляют собой невыгодное армянам разграничение?

Сталкивался, ну а мне-то что? Выгодно ли мне, биологу, считать утконоса млекопитающим или рептилией? Не знаю, выгодно или нет. Я попытаюсь определить, в каких своих проявлениях утконос является млекопитающим, в каких – рептилией. Решу, чего больше, а может быть, увижу динамику – вчера он был рептилией, а завтра будет млекопитающим.

Изучать дискурс о том, что мы такое – это безумно интересно.

Мы – Кавказ, мы – Передняя Азия, мы – Малая Азия, мы – Европа, мы – Большой Ближний Восток, мы – Средиземноморье. Динамика всех этих образов крайне интересна. Изучая их, ты изучаешь армян, а не реальное местонахождение Армении. Армения находится там, где она находится. Как называть регион – как говорится, «о терминах не спорят, о них договариваются». Ради Бога, я приму любое название, не суть важно. А то, что Армения – это страна, которая находится как бы между... – это вне всякого сомнения. Когда я рассказываю студентам про национальные символы, то перехожу от смешного вопроса «чьим национальным инструментом является кяманча?» до серьезного «частью какого региона является Ереван?». Вместо «или-или» ставим «и», тогда все становится понятнее. Ну, конечно, Армения – часть Европы, ну, конечно, Армения за 200 лет стала частью Кавказа, ну, конечно, Армения – часть Большого Ближнего Востока, ну, конечно, Армения – часть христианского мира.

Это разные типы понимания, у этих парадигм есть динамика – для меня и моего сына она совершенно разная. Я рассказываю своим сверстникам анекдоты об армянине, грузине и азербайджанце, а мой сын – о гюмрийце, гаварце и апаранце. Грузин и азербайджанец для его поколения – образы не столь живые, как для меня. Значит ли это, что для меня Армения – Кавказ, а для него – нет? Во всяком случае, есть динамика. А в XVIII веке человек, живущий где-нибудь в Араратской долине, вообще не подозревал, что Кавказ существует.

У журналистов и самодеятельных ученых встречается выражение «искусственный регион». Я практически не знаю «естественных» регионов. Любой является конструктором, любой создается в

На конференции 29-30 июня 2012 года в Ереване. Слева направо: в ближнем ряду Александр Искандарян, Сергей Минасян, руководитель отдела политических наук в Институте Кавказа, в следующем ряду - Сильви Серрано, научный сотрудник Высшей школы социальных наук, Париж. Фото Инны Мхитарян

какое-то время. В том числе Европа, Азия. В свое время Закавказье механически переименовали в Южный Кавказ, я присутствовал при том, как это решалось... Точнее, там, где это переименование впервые стало претворяться в жизнь – на конкретной конференции в Тбилиси, если не ошибаюсь, в 1996 году. Там были многие, от Збигнева Бжезинского до Тамаза Гамкрелидзе. И все, что произошло, – это механическое изменение названия с Закавказья на Южный Кавказ, без осмысления самого явления.

Представьте себе армянина, который живет, допустим, в Горисе и не подозревает о существовании ногайцев. Потом он едет в Москву заниматься укладкой асфальта, его забирают в кутузку. И он сидит в «обезьяннике» вместе с ногайцем и понимает, что у них есть нечто общее, несмотря на то что ногаец – монголоид, тюрк, мусульманин и представитель кочевой культуры. Понимает, что

они оба – «лица кавказской национальности», и обретает этот тип идентичности. Потом он может вернуться обратно в Горис и через несколько лет об этом забыть. Я служил два года в Советской Армии, и там солдаты ощущали эту кавказскую общность.

Если в России эти люди чувствуют себя «лицами кавказской национальности», если есть некое целое, значит, внутри должна иметь место конкуренция за лидерство. Это один из признаков, что целое существует.

Я не думаю, что есть уже сложившиеся диаспорные сообщества, между которыми происходит конкуренция. Конкуренция-то есть, но в Ставрополье она может происходить одним образом, в Тюмени – другим, во Владивостоке – третьим. Так как собственно субъекта не существует. Не существует не только «кавказской» диаспоры – не существует даже единой

армянской или чеченской диаспоры в России. Диаспора – это ведь не просто совокупность лиц одной национальности, живущих в какой-то стране. Здесь все не структурировано, нет таких традиций самоорганизации, как, например, у армянской диаспоры США или Франции. В России ничего подобного нет, есть некие конгломераты в разных регионах.

Кроме того, важна разница в численности. И народы, и диаспоры очень разные по численности. Чеченцев всего около миллиона. Армяне и азербайджанцы – относительно большие народы. Можно ли ожидать от абхазцев, аварцев, даргинцев, что у них сложатся диаспоры, способные претендовать на какое-то лидерство? Есть абхазская диаспора, но она крайне малочисленна, и в сравнении с миллионными диаспорами у нее все будет происходить иначе. Будет ли общее движение в сторону структурирования? По-разному. У армян есть серьезные традиции

диаспорного существования, традиции самоорганизации, нерасстворения. И это может помочь какому-то типу форматирования, в результате которого армянская диаспора уменьшится, но будет сохраняться как армянская. Какие-то диаспоры, возможно, будут объединяться в некие группы типа «северокавказской». Я изучал эти вещи, когда еще жил в Москве. Интересно, что азербайджанская диаспора на московских рынках, где мы ее изучали, строилась совершенно не по этническому, а по региональному признаку: гянджинец с гянджинцем, шамхорец с шамхорцем и т.д. У армян силен общенациональный элемент: армянин с армянином взаимодействуют, даже если один из Ростова, а другой из Степанакерта.

Как быстро Институту удалось приобрести авторитет, чтобы с вами считались?

Мне трудно быть беспристрастным, но тем не менее есть объективные критерии – например, индекс ссылок. Ссылаются на нас много, пишут про нас много. Заслуга ли это каждого отдельного человека, работающего у нас, или института в целом – в общем-то, не очень получается разделить. Люди, работающие вместе, вносят свою долю в общую копилку. Мне кажется, что приобрести авторитет и занять свое место институту удалось сравнительно быстро. Во-первых, мы достаточно своеобразная контора, у нас своя ниша. Во-вторых, есть сообщество ученых из разных стран мира, мы в него входим, и нашим коллегам интересно то, что мы делаем. В частности, мы ведем неполитизированный разговор о политике, а в Армении политический дискурс очень политизирован – у нас тут политологи от той или иной партии, политологи провластные, прозападные, пророссийские и т.д. Традиций академизма в социальных науках не хватает, люди часто не могут отделить чувства и пристрастия от анализа.

Очень трудно судить о себе, но до тех пор пока нас ругают политики и журналисты со всех

сторон, я могу считать, что мы работаем правильно. Когда кто-то начнет постоянно хвалить – это повод для беспокойства: наверное, что-то мы делаем не так. Понравиться очень легко, а вот приобрести научный капитал – книги, исследования, семинары, конференции, участие в чужих книгах, семинарах и конференциях – это завоевывается только длительной деятельностью, и кто-то всегда будет недоволен.

Вы верите в возможность нейтральности в социальных науках?

Нет, конечно. Ученый тоже человек. Более того – живой человек, который изучает живых людей. Я отличаюсь не только от физика, который изучает атомы, но даже от историка, который изучает давно умерших людей. Живых родственников, сподвижников и идеологических соратников Рамзеса II не существует, и они в газете статью не напишут. А последователей живых политиков, которых я изучаю и о которых пишу, вокруг достаточно.

За пределами того, что я делаю в этом кресле как ученый, есть другие сюжеты, в которых я просто человек. Я хожу по улице, общаюсь с людьми, у меня есть друзья, в том числе среди политиков разных лагерей. Я ходил голосовать. Другое дело, что свою вовлеченность надо рефлексировать и пытаться дистанцироваться, но в полной мере этого достичь, конечно, невозможно.

Не возникает ли в таком случае противоречия между исследователем, претендующим на нейтральность, и этим же человеком как гражданином, патриотом, у которого есть определенные убеждения? Выходит, он должен переступить через свою гражданскую позицию как субъективную?

Да, конечно, возникает, и, конечно, должен. Этому учат, есть соответствующие технические методы, чтобы на время работы, даже на то время, когда он задает

вопросы, исследователь перестал быть человеком, которым он является в обычной жизни. Это необходимо – если он этого не делает, значит, он не исследователь. У исследователя нет гражданской позиции. У человека Александра Искандаряна она может быть, у исследователя Александра Искандаряна – нет.

Тем не менее внутренний конфликт – это проблема. Мои коллеги решают ее очень по-разному. И я решил ее для себя таким образом: мне кажется, что быть исследователем – тоже гражданская позиция. Ибо как гражданин я должен представить объективную картину в том числе для того, чтобы помочь тем, кто принимает решения в моей стране, от политиков до обычных голосующих граждан, делать это более грамотно. Это полезно и из патриотических соображений. Если я, руководствуясь своими пристрастиями, предоставлю им необъективную картину, решения, принимаемые на ее основе, будут работать во вред. Вот такова моя гражданская позиция. Исходя из нее, врача, который печень любит, а почки нет, любит лечить грипп, а сифилис ему не нравится, надо лишать права быть врачом. Физик, которому нравятся протоны и не нравятся нейтроны, перестает быть физиком. В любой науке это так.

Вам не кажется, что всякий текст и всякое публичное выступление исследователя из области социальных наук всегда представляет собой не просто анализ, но некую индоктринацию?

Роли собственно исследователя и человека, который говорит с более широкой публикой, конечно, надо разделять, и говорить надо по-разному. Я являюсь и тем и другим. В первой своей ипостаси широкой публике я практически неизвестен. То, что я пишу, читают в мире несколько сот человек. И почти всех их я знаю лично. И хорошо, что меня обычно не читает массовый читатель – иногда это случается, и понимают меня превратно. У гуманитарных наук есть

такое свойство – профессиональная лексика людям кажется понятной, людям невдомек, что за каждым словом стоят кучи парадигм.

Я не пишу статей для газет, мне не хватает на это времени, но я даю интервью, выступаю по телевидению. И там я другой. Не знаю, насколько у меня получается, но это другой язык, другой тип обращения к аудитории. Это не исследовательская деятельность.

Но она очевидным образом соотносится с исследовательской...

Соотносится потому, что я являюсь той личностью, которой являюсь. Результатом деятельности ученого в технической сфере является открытие, результатом деятельности ученого-гуманитария является он сам. Соответственно, то, каков я есть, отражается на том, как я говорю. Но разница дискурсов, конечно, устанавливается сознательно. Нельзя издеваться над людьми, пичкая их терминами и ссылками на источники.

Есть еще третья ипостась – преподавание. Я читаю лекции студентам, которые в своей дальнейшей профессиональной жизни будут иметь дело со словом и менять реальность. От них я пытаюсь требовать только одного – понимания. Влиять на их гражданскую позицию я не считаю себя вправе.

Важно армянскую реальность XIX-XX веков перевести в исторический контекст. Рассматривая ее изолированно, мы не сможем понять ни начал, ни концов, ни причин, ни следствий. Насколько теоретический взгляд может нам в этом помочь? Какую теоретическую модель вы считаете более применимой?

Изолированность – это вообще плохо, и оперировать инструментарием вековой давности – тоже плохо. Просто потому, что существует и другой инструментарий. Работать тяпкой нельзя потому, что уже изобретен трактор. Может быть, этот трактор не годится для вспашки этого поля, может быть, нужен другой трактор, но при на-

личии трактора копать тяпкой не стоит. Это плохо сказывается на обработке поля.

Вообще политология – наука довольно старая. Строго говоря, политологами можно считать Аристотеля, Платона, конечно, Макиавелли и т.д. Но в последние лет сто эта наука сделала гигантский рывок. Этнологии всего, по самым оптимистичным взглядам, пару сотен лет – она тоже сделала огромный рывок и изобрела очень много парадигм объяснения реальности. Много потому, что это наука гуманитарная, а значит, обуславливает чрезвычайно сложную реальность.

Может быть, во мне говорит гуманитарный шовинизм, но мне кажется, что физикам и химикам работать гораздо легче. Реальность, которую изучают социальные науки, очень многопланова – здесь нет единых объяснительных моделей, какими в физике, если я правильно понимаю, оказываются ньютоновская, затем квантовая. Парадигмы социальных наук очень часто не работают на всем материале, их огромное множество. Об этнологии и тем более этнополитологии непрофессионал практически не может говорить. Просто потому что материал, которым он должен овладеть, – это кубометры текстов, а кроме собственно текстов существуют еще техники, методологии и т.д., которым приходится учиться. Парадигмы работают все вместе, а не по отдельности. Представление о конструктивизме, скажем (или эссенциализме, модернизме, перенниализме и т.д.), необходимо, даже если в конкретном случае именно конструктивистская (модернистская и т.д.) парадигма не работает.

Если ты владеешь набором инструментов и знаешь контекст, то в итоге ты просто не станешь работать так, как работали в XIX веке. Если человек пользуется методиками XIX века, сугубо нарративными, примордиальными, то современную научную реальность он начинает воспринимать агрессивно, практически переставая быть ее частью. Из гигантской научной парадигмы он вырывает

отдельные взгляды, и начинается: вот этот историк или политолог антиармянский, тот антитурецкий, этот прогрузинский, тот прозападный или провосточный. Это иногда просто смешно: читаешь, что того или другого ученого купили, поэтому у него такие взгляды. При этом обвиняющий прочел одну книжку. А прочти он три тысячи книг, он понял бы, что есть парадигма, в которой эти взгляды лежат.

Даже если конкретную парадигму нельзя в данном случае применить, она все равно что-то объясняет в более широком контексте. Иначе Фукуяма окажется в зависимости от времени от антиармянским, то проармянским – а он вообще вне этих категорий, он ученый. Причем, конечно же, ученый может и ошибаться, но опять же за пределами парадигмы «продался» или «поддался». То есть, чтобы судить о работах Фукуямы, надо освоить тот материал, на котором он работал, и те методы, которыми он пользовался.

К сожалению, публикаций, где описывается, как тех или иных ученых купили за деньги и какие они про- или анти-, становится все больше. Они читаются легко, и логика у них простая, прозрачная. Человеку свойственно стремление к простоте. Очень многое, что сейчас и не только сейчас происходит в Армении в области мысли, – это борьба простых моделей со сложными. Зачем овладевать сложными моделями и выявлять множество закономерностей истории путем множества разнородных типов исследований, когда вместо этого можно дать простую модель? Сложность вызывает отторжение, желание замкнуться от большого мира. К сожалению, это происходит у нас во многих социальных науках.

Нации и национальные государства можно исследовать в рамках марксистской научной парадигмы, где считается, что религиозные, этнонациональные и прочие противоречия глубоко вторичны по отношению к классовым. Или в рамках направленной модернизма (Геллнер, Хоб-

сбаум), где утверждается, что «национализм создает нации, а не наоборот». Или в рамках теории этносимволизма, где нация рассматривается как феномен с глубокими и прочными этническими корнями в истории. Не кажется ли Вам, что выбор исследователем научной парадигмы в социальных науках часто имеет политические последствия, потому что в целом позволяет заранее предположить «рамку» для общих выводов.

Это опять разговор о применении разных парадигм к разным ситуациям. Все зависит в большой степени от наблюдательности и гибкости ученого, а не от политики. Например, в наших странах, переживающих период создания государств, много где работает модернизм, и, в частности, его классическим примером является Азербайджан, где у нас на глазах националисты создают нацию, как будто Геллнера начитались. Кроме того, на мой взгляд, на Кавказе много где хорошо работает перенниалистская парадигма, согласно которой нация представляет собой социально-культурный механизм, каждый пласт развития которого

зависит от предыдущего. То есть то, как современный человек представляет себе свою историю, может не иметь никакого отношения к реальным событиям прошлого, но очень сильно от этих событий зависит. Скажем, Геноцид, который турки отрицают, очень сильно повлиял на то, какие они сейчас, и, в частности, на то, в какой именно форме они отрицают Геноцид.

Конструктивизм тоже иногда работает. Например, столкнувшись с таким феноменом, как формирование курдской идентичности среди молодых образованных езидов Армении, не заметить конструктивистского сюжета может только начинающий ученый или очень заикленный на своих нарративах.

Политические же последствия научных парадигм — развлечения совсем других людей. Но поскольку такие люди обязательно найдутся, то существует и проблема ответственности ученого. В ответе ли Нильс Бор за Хиросиму, Маркс — за Гулаг, Фихте — за Освенцим? Я думаю, что да, отчасти, и даже Эпикур, продвигавший в IV веке до нашей эры теорию атомного строения материи, тоже в ответе за Хиросиму, а ибн Хальдун — за «реальный социализм», потому что объяснение действительности

влияет на действительность. Но я также думаю, что процесс познания в принципе так устроен, что его плодами можно злоупотребить, а альтернатива — закрыть глаза, не думать и не знать, но это тоже еще никогда ни к чему хорошему не приводило.

Чем объяснить всеобщее увлечение конспирологией?

Это стремление к простоте. Любая степень детективности и сложности переплетений заговора — это все равно простая схема, простой принцип. Человеку очень легко это объяснить: «они» хотят сделать плохо, «им» это зачем-то выгодно, «они» объединяются. Это гораздо проще, чем находить сложные многоплановые закономерности.

Есть вещи, которые перепрыгнуть нельзя. Есть малые страны, есть большие. Одни страны существуют пятьсот лет, другие — десять. В одних рождаемость съедает весь экономический рост, в других малый процент молодых содержит множество стариков. В одних можно строить дома из фанеры, в других на отопление уходит энергия, в разы больше, чем даже у соседей. Сложно все это.

На конференции 29-30 июня 2012 года в Ереване. С Давидом Апраксидзе, деканом факультета философии и социальных наук Тбилисского ун-та им. Ильи Чавчавадзе. Фото Инны Мхитарян

У подножия Казбека

А людям хочется простоты, и еще хочется сбросить с себя ответственность — действовать должен не я, а кто-то где-то. В этом ключе часто и государственную власть рассматривают через призму конспирологии: я не могу чего-то достичь, потому что власть «строит свои козни». Что я могу сделать?

У меня немалый опыт работы в Чечне. Всю первую чеченскую войну я изучал это общество. Там этот дискурс был не просто доминирующим, но стопроцентным: война кому-то выгодна — «они» это организовали, а простой народ страдает. «Кому выгодно» менялось — от своих Шамилей Басаевых до Москвы, Березовского, еврейского заговора, христианского мира и т.д. Но в любом случае это какие-то другие, а человек, живущий здесь, ни в чем не виноват. Он не помнил себя в 1990 году орущим на площади с поднятым вверх кулаком. И тем более не понимал, как одно привело к другому. Объяснять ему про серию закономерностей, случайностей и вообще событий, значимых и незначимых, которые в конце концов привели к тому, к чему привели, было бессмысленно. В результате такого объяснения и в тебе начинали подозревать участника

заговора. Но было очень трудно объяснить сюрреалистическую реальность, в которой одни люди, не понимая, зачем, бросали бомбы на других, не понимавших, за что, а те, на которых бросали, мстили не тем, кто бросал, а третьим... У всех было свое объяснение. Но когда ты спрашивал: а зачем этим силам выгодно война, почему каким-то хитрым и всем владеющим людям в Нью-Йорке нужно устроить это здесь, они говорили: не знаю, зачем, но зачем-то нужно.

Есть мнение о том, что диаспора, ее роль, мешает формированию в Армении гражданского общества, ориентированного не на нацию, а на страну, государство.

Из принципов эксклюзивности и инклюзивности я выбираю последний. Предположим, представления представителя диаспоры кому-то мешают. Но этот представитель диаспоры — все равно часть той общности, в которой я живу. Например, американский армянин. Он армянин, но живет совсем не там и не так, как я. На мой взгляд, его следует признавать частью одной общности и не признавать частью другой, более узкой. Он армянин, хочет считать себя

таким, но армянство для него означает не то, что для меня. Эти люди живут в своих культурных кругах, они другие, у них другой социальный опыт, свои представления, они приезжают и говорят: почему здесь так? Но ведь и они часть нашего социума в силу того что мир стал более информационно проницаемым. То, что они думают, для меня имеет значение. Они могут влиять на мой мир и интеллектуально, и физически, и даже материально. И то, что происходит в Армении и Арцахе, тектонически меняет их миры. Если эти люди интересуются тем, что происходит, и готовы участвовать в этом проекте, варить тот борщ, который сейчас варится, то будем варить этот борщ вместе.

Ведь в армянской истории такое было не раз. Переформатировалось видение себя в момент принятия христианства, очень сильно переформатировалось в V-VI-VII веках, во времена позднего средневековья. Сейчас мы строим гражданскую политическую идентичность, и опять происходит переформатирование. Каждый раз оно в чем-то получалось, в чем-то — нет. Всегда была разнородность. Меня, например, страшно раздражает слоган армянских государ-

ственных чиновников, которые занимаются диаспорой: «одна нация, одна культура». Почему? Одна нация, много культур, много языков, много типов музыки, много разных религий. Или мы должны отвергать мхитаристов? Отвергать людей, говорящих на западноармянском, на французском, английском? Это все богатство, это все части общности, и если они будут вместе, эта общность будет давать плоды. Если же стремиться закрыть все форточки и говорить, что любое дуновение ветра извне страшно – это на самом деле глубоко унижительно для нации. Что это за нация, которая не готова быть частью мира? И в этом смысле принцип инклюзивности представляет собой решение.

Ну, конечно, центр этой кухни – Армения. Не потому что здешние армяне лучше других, а потому что этот борщ варится здесь. Армянская политическая, гражданская и прочие идентичности создаются здесь... Степень связей между людьми, живущими и не живущими здесь, принципиально разная. Здесь очень плотное общество, очень компактное, я сталкиваюсь с его членами гораздо чаще, чем с очень, может быть, приятными мне армянами из других стран. И армян, скажем, из Грузии, Ирана, Аргентины и Калифорнии объединяет Армения. Значит, центром всей конструкции должна быть Армения. Это в реальности до сих пор не вполне так. В силу нашей истории, в силу того что Армения на протяжении последней тысячи лет была землей, где жили в основном крестьяне, а крупные городские и, соответственно, интеллектуальные центры находились за ее пределами, люди привыкли воспринимать в качестве интеллектуальных, финансовых, культурных, иногда даже религиозных центров то, что находится вовне. Вот это начало меняться в 1930-х годах и сейчас еще меняется. В другом смысле мне кажется, что разнородность элементов, создающих нацию, всегда была у армян, и это одна из причин того, что очень многие наши собраты по региону двух-

или трехтысячелетней давности не выжили, а армяне выжили.

Есть конструкция жесткая снаружи и мягкая внутри. Ее трудно разбить, но если это удастся, внутреннее содержимое вытекает. А есть конструкция достаточно мягкая и податливая снаружи, но с жестким стержнем, жесткой сердцевиной. Армянская история, по крайней мере последних двух тысячелетий, демонстрирует скорее второй, чем первый, вариант. Разнородность работает на производство смыслов и на то, чтобы эти смыслы выживали. Почти всегда было разнообразие: вспомним знаменитую дихотомию Адонца – бунтари и благоразумные. В VI веке Саак Мамиконян воплощал благоразумное начало и Запад, а Смбат Багратуни – бунтарское начало и Восток. Казалось бы, легко сказать, что героический тип – истинный, но и в недавней армянской истории были в одно и то же время и Нжде, и Мясникян. Я не говорю о конкретных людях – и Нжде, и Мясникян гораздо сложнее своих хрестоматийных образов. Но разные пути в конечном итоге привели к некоторому результату. Эта разнородность: Эчмиадзин и Антилиас, ААЦ и армяно-католики, восточная и западная Армения, Константинополь, Тифлис, Москва и Марсель, Гнчак и Дашнакцутюн, жесткое противостояние советской власти у дашнаков и определенный коллаборационизм рамкаваров. Выращивание технической интеллигенции, попытка писать романы в рамках советской парадигмы – и жесткий уход в диссидентство, тюрьмы и лагеря. Это всегда было и помогало выживать и развиваться. И в этом смысле разнородность можно только приветствовать, она, в конце концов, приводит к результату. А попытка все построить на едином стержне не может привести к катастрофе. Стул должен стоять на четырех ногах, даже самый прекрасный стул на одной ноге шаток.

Культура и деятели культуры играли огромную роль во всех национализмах. Не кажется ли Вам, что значимость культу-

ры в общественно-политическом смысле сегодня на порядок ниже? Набор культурных пристрастий в музыке, литературе, кинематографе, одежде, еде, напитках, стиле общения формируется в некоем глобальном гипермаркете и уже не имеет отношения к каким-то иным ценностям, кроме потребительских, не играет спланированную и мобилизующую роль, какую играл в XIX и большей части XX века. Имеет ли сегодня смысл апелляция к культуре как чему-то приоритетному для современной нации?

Опять же я скажу очень общую вещь. Глобализация – явление не только недавнего времени, она была и в эпоху Александра Македонского. Армянская культура сильно изменялась, оставаясь при этом армянской. Она взяла христианство, которое было адаптировано и переработано, претерпело некоторые изменения, стало отличаться от других вариантов, стало армянским и воспринимается армянами как часть их культуры. Оно настолько вошло в плоть и кровь, что люди перестали это замечать. Свои особенности всегда будут появляться. Один пример. Я люблю песни барда Рубена Ахвердяна. Он говорил, что делает свои песни на двух образцах: французского шансона и Высоцкого. Некоторые песни у него почти кальки – я хорошо знаю Высоцкого и чувствую это. Что это означает? Что Рубен Ахвердян не творит армянскую музыку? Ну, конечно, нет. Российский архитектор Александр Таманян стал армянским не потому что следовал каким-то канонам, а потому что создал Ереван. Сарьян – русский художник, но стал армянским, поскольку в значительной степени создавал армянскую живопись.

Это я говорю о высокой культуре, но теперь поговорим о культуре бытовой. Борщ – это армянское национальное блюдо. Я ни в коей мере не претендую на украинское право первородства, но любая хозяйка в Армении варит борщ, и этот борщ отличается от украинского. Точно так же как русские люди освоили шашлык и делают

его, выезжая на природу. Культура берет, перерабатывает, осваивает и делает своим. Ну вот я слушал «Jesus Christ Superstar», обожал «Deep Purple», носил длинные волосы. И что, я в результате этого стал англосаксом? Просто разные составные части влияют на армянскую культуру, в том числе кулинарную или музыкальную – всегда так было.

Что касается культуроцентричности и культурного национализма – у нас пока такой этап. Это, конечно, комплекс, это неуверенность, страх. Это попытка сохранения через закрытие от всего, то есть неуверенность в своей культуре, боязнь того, что в случае открытости ее съедят. В период классических романтизмов в Европе было практически то же самое – хотя, конечно, в разных странах по-разному.

С одной стороны, не может же армянином считаться только тот, у кого имеется набор дипломов: по армянскому языку, истории, музыке и т.д. С другой стороны, конечно, знающий грабар принципиально отличается от незнающего в смысле понимания духа армянской культуры. И тем более знающий армянский язык отличается от незнающего. Мне трудно читать на армянском, чем на русском или английском. Я перечитал всю доступную мне армянскую литературу, но на других языках. И, конечно же, я ущербен по сравнению с теми, кто читал ее на современном армянском и тем более на грабаре. Но быть армянином и быть человеком образованным в смысле армянской культуры – разные вещи. А неграмотный армянин не армянин разве? А человек, который прекрасно знает высокую культуру, но при этом джан-гюлюмы не умеет петь – он не армянин? Есть фраза известного армянского писателя, примерно такая: «В тот момент, когда я бросил лопату, которой сгребал навоз, и сел за книгу, я перестал быть армянином». Ведь понятно, что он имеет в виду: сельскую культуру как армянскую. Я не помню точно, но мне кажется, что это был Грант Матевосян.

Охранительность опасна – столь же опасна, как обратный вариант, когда культура не имеет цены, ее можно отбросить, стать «европейцами», и все будет хорошо. В армянской истории было много случаев, когда включались механизмы преодоления такого рода проблем. У Хоренаци это есть. «Плач об утрате Армянского царства родом Аршакуни и патриаршества родом Св. Григора» читается как статья из современной армянской газеты, а прошло полторы тысячи лет. Вариант преодоления должен основываться на открытости. Вариант преодоления боязни. Хочешь – будь. Ты хочешь быть армянином – будь им. Хочешь быть европейцем – будь им, хочешь быть азиатом – будь им. Хочешь быть тем, другим и третьим вместе – будь.

Но какие-то нормативные требования, рамки должны существовать – для армянина, для нации, для суверенного государства?

Армянин является свидетелем рождения государства. Теперешней ситуации у нас не было с 1375 года. Я исключаю 1918-1920 годы – в силу краткости этот период государственности не мог оказать серьезного влияния на армянскую политическую культуру. Как мифологический образ он, конечно, очень важен, но серьезным вкладом в реальное строительство государства он не был. В отличие от нашего, российское, турецкое, иранское государства имеют преемственность. «Nationbuilding», что переводят как «строительство государства», сейчас является, на мой взгляд, главной задачей армянской нации. И критерием можно считать участие в этом проекте – активное или пассивное. Это тоже тип идентичности.

Расскажу свою личную историю. Я вообще-то зануда, и у меня – не как у исследователя, а как у человека – есть свои тараканы в голове. Переезжая из Москвы, я тормозил. Я не выписывался из Москвы три года после переезда. Квартиру в Москве мы

продали только через семь лет. И уже по прошествии девяти лет я подал заявление на получение гражданства. Недавно я в первый раз голосовал в Армении. Это серьезный проект, участвовать или не участвовать в нем – для меня серьезное решение. А кто-то оказывается его участником по факту рождения. А кто-то вообще принял гражданство, не задумываясь обо всем этом. Когда в России ввели визовый режим для граждан Грузии, армяне из Грузии принимали армянское гражданство, чтобы иметь возможность ездить в Россию класть асфальт. Абсолютно ситуативная потребность, но человек в результате стал частью этого проекта. Все может быть по-разному, потому что люди разные – нет вариантов лучше или хуже. Необязательно даже становиться гражданином Армении, если ты, проживая где-то, считаешь для себя этот проект существенным и важным и какими-то путями в этом участвуешь. Государство – центральная часть нынешнего армянского проекта.

Ведь как минимум тысячу лет продержался совсем другой проект. Св. Месроп среди всего прочего был потрясающим политтехнологом – он придумал политическую технологию, которая проработала почти полторы тысячи лет. Он понял, что государству приходит конец, смог получить грант, точнее серию грантов... В терминах современной армянской прессы он был «грантоедом». Сначала он получил грант на образование и обучался в лучших образовательных центрах тогдашнего мира. Потом он получил то, что называется «исследовательский грант» – изучал существующие типы алфавитов. Дальше он получил «грант на проект» – и действительно реализовал проект: подготовил 20-30 человек, которые поместились бы в этой комнате, где мы сейчас разговариваем. И эти 20-30 человек изменили историю Армении на выходе из государственности. Они поняли, что нужно сделать нечто работающее, и я мало знаю политических проектов, которые проработали бы так долго. Был выработан тип идентичности, основанный

на совмещении двух культурных элементов — языка и религии. На этой основе была создана культурная матрица, на которой армяне продержались фактически до XIX века. Центром идентичности становилась культура — язык, вера, книга. В связи с наступлением модерна там, где армяне жили, этот проект начал давать сбои. Появились новые проекты, разные, более и менее удачные политические модели — от «модели ориентаций», разного вида автономизмов до независимости.

Сейчас мы обратно входим в государственность, и нужен проект, который даст нам возможность существовать в этой новой реальности. Это, на мой взгляд, центральный вопрос.

То есть такого проекта еще нет?

Мы берем много моделей, и главное — их приспособить, адаптировать. Поначалу такая модель была, и она называлась «Карабах». Пробовали разное: экология, антисоветизм, демократия и т.д. Выбрался Карабах и сработал на

создание некоторых институций. У нас армия появилась раньше государства. А армия — государствообразующий институт. Многие вещи тогда появились. Но, конечно, это еще не завершено. Карабах — краеугольный камень, но на нем надо построить проект. Это сейчас делается в Армении почти каждым из нас. Мои слова звучат оптимистически, но проекты могут не сбываться. Я могу назвать десятки проектов, которые не получились.

Но ощущение, что проект делается, у меня есть. Я радуюсь — не смейтесь ради Бога, — что в Ереване начали пристегивать ремни в машинах. Это тоже националстроительство. Всего лишь двадцать лет назад в нашей стране по-армянски огромное количество слов знали только филологи. Язык изменился. Слова, которые раньше были книжными, стали бытовыми, обычными. Я в начале девяностых не жил в Армении, но часто приезжал и помню, как одна дама в приемной Варчапета (премьер-министра) спрашивала другую: «Варчапет — это мэр города?» Именно так.

Это все национальное строительство. Люди этого не признают. Я пытаюсь говорить с людьми иногда на улице, иногда по телевизору. Это очень трудно воспринимается. Люди хотят думать, что от них ничего не зависит, зависит все от кого-то наверху или сбоку.

Мне кажется очень важным ощущение значимости всякого микрособытия — например, факта нашего разговора, даже если интервью вдруг по каким-то причинам не будет напечатано.

Несомненно. В тот момент, когда каждый таксист, парикмахер, крестьянин будет понимать, что он тоже в этом участвует, произойдет сдвиг. Тогда можно будет спокойно умереть, «увидеть Париж и умереть». Философы давно знают, что всякая беседа, даже не записанная, изменяет мир — отсюда и разговор об ответственности, и страх ее, и вера в масонский заговор. Конечно, мы с вами сейчас участвуем во всем этом. Но также в этом участвует водитель, который будет сейчас подвозить вас в маршрутке. ☺

В Шуши

Армен
ХЕЧОЯН

По следам

из цикла
«Армянские
святые
в Европе»

Интерес к святым армянского происхождения, канонизированным другими христианскими конфессиями, возник у меня относительно недавно. Исследуя «армянский след» на территории современной Германии, я впервые услышал о существовании в местечке Хирсау (Гиршау), на юго-западе страны, средневекового монастыря, посвященного армянскому святому. Это известие крайне удивило меня. Такой же эффект оно производило и на моих собеседников, все они впервые слышали и о Хирсау, и о Св. Аурелиусе. Дело в том, что до сегодняшнего дня нет серьезного обобщающего труда по истории армяно-германских взаимосвязей, точно так же как не существует исследования, хотя бы справочного характера, посвященного армянским святым, признанным за пределами Армянской Апостольской Церкви. Поэтому и история Святого Аурелиуса малоизвестна. Сегодня, по прошествии двух лет, имея на руках список из нескольких десятков имен армянских святых в Европе, понимаешь, что в наличии мощей армянского святого в немецком монастыре нет ничего удивительного. А тогда мне не терпелось поскорее поехать в Хирсау, увидеть монастырь, услышать его историю. Поездка состоялась лишь через полгода. Все это время мы продолжали интересоваться Святым Ауре-

Каменная крышка саркофага с изображением Св. Аурелиуса на стене капеллы Св. Девы Марии монастыря Свв. Петра и Павла в Хирсау

Св. Аурелиуса

лиусом и монастырем в Хирсау «на расстоянии», но особых сведений нам собрать не удалось. С возрастающим нетерпением мы ждали встречи с монастырем.

ХИРСАУ Январь 2011

И вот в январе я вновь оказался в Германии, чтобы через Штутгарт направиться в Хирсау. В столицу земли Баден-Вюртемберг мы заезжали для встречи с Фолькмаром Ганцхорном (автором монографии о восточных коврах), знакомства с бывшим армянским лагерем для перемещенных лиц в Функерказерне (см. АНИВ № 35) и армянским кладбищем. Расстояние в 50 км от Штутгарта до Хирсау мы проехали быстро, любуясь красивой холмистой местностью. Сам городок Кальв, а Хирсау является его частью, расположен на берегах быстро текущей реки Нагольд. Недалеко от нее находится и храм Святого Аурелиуса, такой долгожданный для нас.

Небольшое каменное здание с маленькими окнами-витражами и скромным внутренним убранством, вполне соответствующим времени его постройки. К моменту нашего посещения служба в храме уже закончилась, священника на месте не было, но несколько прихожан еще оставались в церкви. Мы представились и изложили нашу проблему. «Вам нужен господин Хартманн, — отреагировали они, — сейчас мы ему позвоним». Один из прихожан связался с Хартманном, который подъехал к храму минут через 10. Оказался он очень активным, энергичным человеком в возрасте около 60 лет. Создавалось впечатление, что он всю жизнь ждал нашего приезда, чтобы рассказать нам о монастыре,

Святом Аурелиусе и о себе (см. его интервью). Беседа с Петером Клаусом Хартманном проходила в храме, у алтаря, недалеко от реликвария с мощами святого.

Находясь в помещении церкви, мы почувствовали на себе царящее здесь спокойствие и умиротворение, видимо, связанное с небольшими размерами храма и отсутствием суеты. Хартманн неплохо владел интересующей нас темой, а самое главное — дал нам то, что мы так долго искали: относительно недавно опубликованную научную статью доктора Теодора Клюппеля, посвященную Святому Аурелиусу, и контактные данные отца Луиджи Кальво, настоятеля церкви Святого Аурелиуса в Италии, в Габiano.

Закончив беседу и осмотр монастыря Святого Аурелиуса, мы вместе с Хартманном проехали еще пару километров, туда, где на склоне невысокой горы в

средние века был построен знаменитый монастырский комплекс, «наследник» первого хирсауского монастыря Святого Аурелиуса, который был уже не в состоянии вмещать всех монахов. Новый монастырь в Хирсау, наряду с аббатством Ключи во Франции, стал одним из центров реформаторских идей монастырской жизни в Европе в средневековье. Последователи начатой в Хирсау реформы появились тогда более чем в 120 обителях. Сегодня то, что осталось от монастыря, скорее служит туристическим объектом, а не культовым. Большая стоянка перед комплексом была пуста, на территории мы тоже никого не встретили. По словам Хартманна, туристы начинают появляться позднее, когда становится теплей. Попрощавшись и поблагодарив Хартманна, мы уехали из Хирсау, насыщенные эмоциями, планируя новые поездки.

Хирсау в туманную погоду

©ARHE

Церковь Св. Аурелиуса в Габiano

ИТАЛИЯ Февраль 2011

Планируя поездку в Италию, я начал искать человека, с которым можно было бы посетить в Милане и окрестностях Турина места, связанные со Святым Аурелиусом, искать людей, имеющих хоть некоторое отношение к этой теме, и возможности поговорить с ними. Привыкнув путешествовать по разным странам без знания местного языка и близких знакомых на момент приезда, имея за плечами определенный опыт, я искал в первую очередь человека, одержимого армянской темой и одновременно хорошо знающего местную специфику, язык, умеющего водить и, желательно, имеющего свой автомобиль. Обзванивая друзей и знакомых, я вышел на Пьетро Кучукяна, стоматолога по профессии, по заслугам – почетного консула Армении в Милане, по натуре – путешественника (подробно о нем см. АНИВ № 40).

Объяснил ему по телефону цель своего приезда, и Пьетро с радостью согласился составить

мне компанию в поездке к главной цели моего интереса в Италии – в поселок Габiano, где, как я знал со слов Петера Клауса Хартманна, находится одна из двух церквей, освященных в честь Святого Аурелиуса.

Рано утром Пьетро подъехал к отелю на своем автомобиле с дипломатическими номерами, и мы тронулись в путь. Проехав часть пути по автобану Милан-Турин, мы свернули на изумительную по красоте сельскую дорогу, которая пролегла мимо виноградников, старинных замков, благоустроенных деревень. Пьетро не скрывал своего удивления: как это так – он родился в Италии, всю жизнь прожил здесь, интегрирован в армянскую среду и не знал о таком явлении, как Святой Аурелиус. А я живу за тысячи километров, не знаю языка и приезжаю сюда, чтобы рассказать ему об армянском святом, имеющем отношение к региону и городу, где он прожил почти всю свою жизнь.

В Габiano мы приехали чуть позже, чем планировали, – заплутали. Дело в том, что церковь Святого Аурелиуса, в отличие от

наших ожиданий, находилась не в центре деревни, а на ее окраине, под горой, в окружении виноградников. Туда вела под большим наклоном узкая дорога, по которой невозможно разъехаться двум автомобилями. Накрапывал мелкий дождь, никто нам не встретился, чтобы уточнить дорогу к храму. Вот мы и опоздали. Честно говоря, у меня закралось сомнение: а будет ли в церкви народ? Идти далеко, идет дождь. Но, оказалось, что храм заполнен прихожанами до отказа, а отец Луиджи Кальво, настоятель церкви Святого Аурелиуса, не начал воскресной мессы, ждали нас. Пьетро предварительно созвонился со священником и сообщил, что их храм хотят посетить почетный консул Армении в Милане (то есть он сам) и координатор известного армянского журнала из Москвы. По этой причине у церкви нас встречали глава местной общины и еще две важные персоны. Когда мы вошли в храм, нас провели и посадили на почетное место – первую скамью, перед алтарем, рядом с главой общины. Отец Луиджи обратился к прихо-

жанам со словами приветствия и благодарности в наш адрес за то, что мы, соотечественники их любимого святого, сегодня находимся вместе с ними и будем присутствовать на службе. Потом с приветственным обращением выступил глава общины, затем слово предоставили гостям, то есть нам. Пьетро выступил прекрасно и эмоционально, достойно представляя Армению с ее многовековой христианской историей. Затем началась служба, по ее окончании мы осмотрели храм и немного пообщались с отцом Луиджи. «Жизнь священника непредсказуема, и, к сожалению, мне срочно нужно ехать, — сказал священник, показывая на телефон. — Но вы не расстраивайтесь, все, что я знаю, изложено в моем исследовании, посвященном Габiano и Святому Аурелиусу». С этими словами отец Луиджи преподнес каждому из нас по книге, сопроводив подарок еще и несколькими бутылками вина из прицерковных виноградников.

Мы задержались осмотреть церковь и сделать фотографии. Церковь очень «светлая» и домашнему уютная, чувствуется, с какой любовью и душой здесь относятся к каждой детали. Она действительно является общим домом членов общины Габiano, а священник Луиджи Кальво — одной из ключевых фигур общинной жизни. И во главе всего этого — личность Святого Аурелиуса, именно он здесь — центральная фигура. Общаясь с прихожанами, которые остались после службы, чтобы поговорить с нами, у нас сложилось впечатление, что они гордятся «своим святым», гордятся тем, что он у них «уникальный», а не растиражированный, и храмов, освященных в его честь, всего только два в мире. Кстати, у алтаря находится часть колонны — фрагмент капители, привезенной из церкви Святого Аурелиуса в Хирсау, который заменили во время восстановительных работ. Интересно и

то, что благодаря общению Петера Хартманна и отца Луиджи Кальво прихожане обеих церквей Святого Аурелиуса в Габiano и Кальве поддерживают контакты и ежегодно, на протяжении многих лет, навещают друг друга... Возвращались мы в Милан с чувством людей, вновь обретших нечто ценное, казавшееся безвозвратно утерянным. Это относилось не только к образу Святого Аурелиуса, но и к церковной общине, прихожане которой на протяжении столетий не прерывали духовной связи со святым, сохранив не только глубокое почтение к его образу, но через него и уважение к его далекой родине — Армении.

В Милане, к сожалению, нам не удалось пока обнаружить ничего, связанного со Святым Аурелиусом. Церковь Святого Дионисия (святого, чьи останки в IV веке Аурелиус привез в Ми-

лан) была уничтожена во время бомбардировок союзников в 1944 году. Более ранний храм, где мощи Святых Дионисия и Аурелиуса лежали рядом, был разрушен еще в средние века...

ХИРСАУ январь 2012

Спустя год после посещения Хирсау я вновь волею случая оказался на юго-западе Германии. Воспользовавшись этим, решил еще раз заехать в известный нам монастырь и по следам перемещения мощей Св. Аурелиуса, посетить Цвифальтен. Уже имея доброго знакомого в Хирсау в лице Петера Клауса Хартманна, мы сразу направились к нему и благодаря его помощи посетили музей и капеллу Девы Марии. Осматривая музей (как и большинство провинциальных музеев Германии, зимой

Глава общины Габiano и настоятель
местной церкви Св. Аурелиуса
о. Луиджи Кальво ►

©ARHE

Развалины замка в Хирсау ▲
 ◀ Петер Клаус Хартманн

©ARHE

он не работает) мы неожиданно для себя в первом же зале обнаружили копии украшенных орнаментом фрагментов амвона, сохранившихся от самой ранней церкви Св. Аурелиуса. Оригиналы находятся в Вюртембергском муниципальном музее в Штутгарте. На всех трех фрагментах из местного красного песчаника присутствует плетеный орнамент, который встречался в Каролингскую эпоху на территории всего Франкского государства. Такой декор связывают с влиянием лангобардской архитектуры. Ряд исследователей отмечает, что она в свою очередь формировалась под воздействием, как византийской культуры, так и средневековых строительных артелей армянских мастеров, которые созидали на северно-западных рубежах Византийской империи.

Действительно трудно, не столько не увидеть сходства, а, наоборот, — увидеть различие в мотивах с армянскими хачкарами. Но это отдельная большая тема ...

Капелла Девы Марии, одно из немногих полностью восстановленных зданий Хирсаусского монастыря, которое сегодня, как и столетия назад, выполняет свою функцию как действующая церковь, правда теперь евангелическая. Здесь хранится прикрепленная к стене, вырезанная из камня крышка саркофага XVI века, прикрывавшая когда-то раку с мощами Святого Аурелиуса. Ее-то мы и хотели увидеть и сфотографировать.

К сожалению, мы не смогли встретиться с Теодором Ключпелем. В прошлый наш приезд Хартманн передал нам его исследование, посвященное Святому Аурелиусу, но не сообщил, что Ключпель тоже уроженец Кальва и большую часть своего времени проводит здесь. Эта несостоявшаяся пока встреча, возможно, позволила бы уточнить отдельные моменты, связанные с биографией Св. Аурелиуса и историей его почитания.

ЦВИФАЛЬТЕН (земля Баден-Вюртемберг, район Ройтлинген) Январь 2012

В январе 2012 года, по следам Святого Аурелиуса, мы отправились в Цвифальтен, где, как мы знали, в монастырской церкви Св. Девы Марии долгое время хранились мощи святого, прежде чем их опять вернули в храм в Хирсау. В Цвифальтен мы добрались вечером. Небольшая, ухоженная деревушка почти вся спала: люди здесь рано ложатся и очень рано встают. Поселившись в семейной гостинице, располагающейся в здании бывшей почтовой станции, мы решили немного пройтись — осмотреться на местности. Единственным открытым в это время заведением оказалась таверна, некогда основанная монахами и ранее принадлежавшая монастырю. В ней варят знаменитое цвифальтенское пиво.

Удивило нас и наличие в меню таверны оленины. Оказалось, что в округе развелось очень много оленей, и их разрешают отстреливать. Поужинав, мы отправились спать, чтобы с утра заняться осмотром монастыря.

Утром мы увидели две величественные башни кафедральной монастырской церкви, которые, как мы потом узнали, возвышаются на высоту 94 метра. К сожалению, их частично закрывали строительные леса, поэтому невозможно было сфотографировать фигуру Святого Аурелиуса на фронте. Как мы потом узнали, реставрационные работы, начатые еще в 1970-е годы, подходят к концу. Завершается большая работа, благодаря которой внутреннее убранство интерьера собора включено в перечень мировых шедевров.

Снаружи монастырский комплекс в стиле барокко и рококо в первую очередь поражает своими грандиозными размерами.

Совинья башня – часть монастырского комплекса ►

**Капелла Св. Девы Марии монастыря
Свв. Петра и Павла в Хирсау ▼**

©ARHE

©ARHE

Чтобы сделать снимок его общего вида, нам пришлось подняться на машине на небольшую возвышенность, которая начинается за монастырем — на ее склоне располагается часть поселения. За парадной аркой центральные строения монастыря огибает небольшая речушка с прозрачной водой, где размеренно плавают рыбы. Несмотря на середину января снег лишь местами покрывал ровный зеленый газон, который стелился по монастырской территории. Вся огромная, прилегающая к монастырю, территория идеально ухожена, дорожки посыпаны каменной крошкой (по окончании зимы специальная машина-пылесос ее собирает, чтобы при необходимости исполь-

зовать вновь). У нас вызвали улыбку с немецкой методичностью расставленные на пешеходных дорожках вокруг монастыря таблички с текстом: «Если вы будете ходить по неочищенным дорожкам, мы не несем за это ответственности».

В 1692 году во время войны между Францией и союзниками по Аугсбургской лиге за Пфальцское наследство французские войска подожгли монастырь. Огонь был потушен жителями Кальва, которые потом использовали развалины как источник строительных материалов для восстановления своих разрушенных домов. В наши дни все сохранившиеся строения монастыря, кроме центральной церкви, используются под граж-

данские нужды. На его территории сейчас располагаются мэрия, больница для душевнобольных и ряд других общественных учреждений. Мы обратили внимание на то, как сегодня используется бывшая церковная собственность в Германии. В некоторых местах, как, например, в Цвифальтене, в большей части строений сегодня размещена больница для душевнобольных, в других — иные объекты общественного назначения. Сегодня забота о церковном наследии в первую очередь лежит на государстве, которое пытается наиболее оптимально решить этот вопрос.

Войдя в монастырскую церковь Св. Девы Марии, которая считается одним из главных памятни-

Собор Св. Девы Марии в Цвифальтене

ника (а мы не теряли надежды осмотреть храм полностью), нам сообщили, что он живет в другом городе и приезжает в Цвифальтен только на службу или по предварительной договоренности. Вот такова сегодняшняя действительность...

Как и в Хирсау, при Цвифальтенском монастыре есть музей. Он располагается в левой части арки, служащей центральным входом на территорию монастыря. Музей был закрыт, но на его двери, видимо, для таких несезонных, но любознательных посетителей, как мы, был указан телефон. С самого утра мы пытались по нему дозвониться. Но на наши звонки никто не отвечал. Уже смирившись с тем, что и в музей нам не суж-

Роланд Шефер ▲

Запертые ворота, которые помешали нам пройти из притвора в храм ►

ков позднего немецкого барокко, мы увидели в правой части притвора оригинал скульптуры Св. Аурелиуса – на фасаде сейчас находится копия. К сожалению, пройти дальше мы не смогли и любовались, насколько это было возможно, 17-алтарным интерьером великолепного собора сквозь запертые ажурные железные ворота, отделяющие притвор от основной части храма. В отличие от большинства храмов Германии, доступ в которые открыт с утра до вечера, здесь пройти дальше притвора разрешено лишь во время службы или коллективных экскурсий, которые проходят в теплое время года. Эти меры приняты для того, чтобы ненароком не были повреждены уникальные интерьеры собора.

Сегодня служба в монастырской церкви Цвифальтена, да и во многих других храмах Германии и Европы, проходит не каждый день. В Цвифальтене, например, в зимнее время служба проходит раз в неделю – по воскресеньям. Средневековым монахам такое не приснилось бы и в страшном сне. Но, увы, европейцы все меньше ходят в храмы. На наши вопросы, как найти священ-

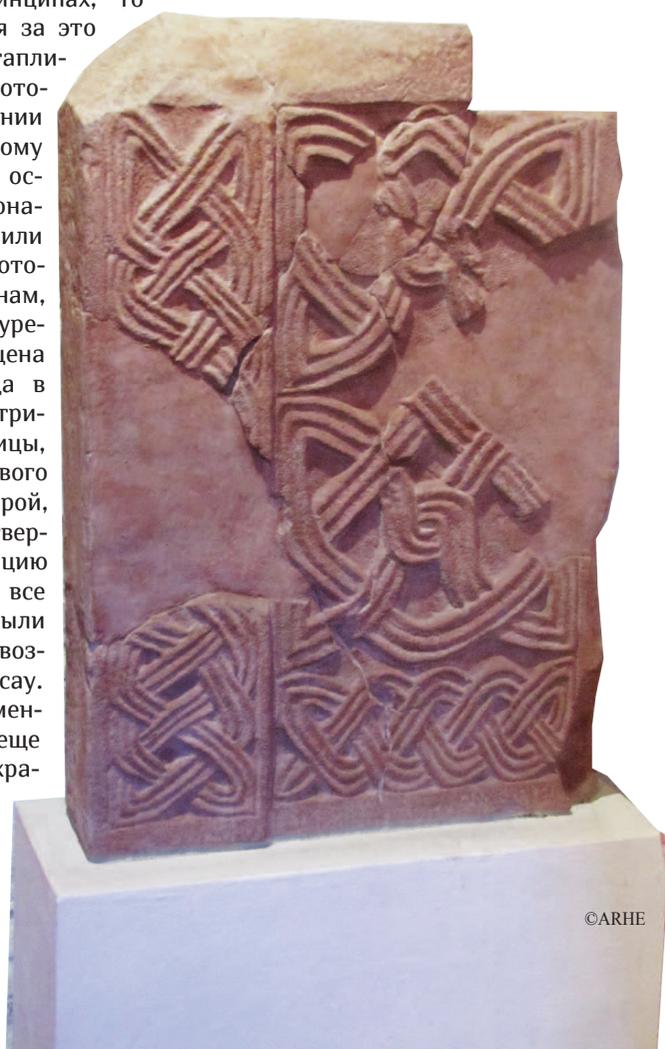
Копии фрагментов амвона первой церкви Св. Аурелиуса в Хирсау из прицерковного музея ▲ ▼

дено попасть, мы все же, уезжая, решили позвонить еще раз. Нам ответили, трубку поднял господин Шефер. Выслушав, кто мы и зачем приехали, он любезно согласился подъехать и показать нам музей. Как оказалось, в зимнее время музей закрывают по причине отсутствия туристов. Думаю, для паломников, приходивших ранее в монастырь, проблемы сезонности не существовало, наоборот, преодоление определенных сложностей считалось необходимым условием самого паломничества. Это сегодня для избалованных европейских туристов комфортная европейская зима с плюсовой температурой днем является препятствием для туристических поездок. Мы же, наоборот, наслаждались прекрасным в отсутствие суеты. Жаль только, что алтарную часть собора так и не смогли осмотреть. Дождавшись господина Шефера, мы осмотрели музей. Оказалось, он создан относительно недавно благодаря группе энтузиастов, интересующихся местной историей. Это общественная организация, и возглавляет ее

Эрих Шефер, историк на пенсии, он же проводит экскурсии на волонтерских принципах, то есть не получая за это оплату. В неотопливаемом музее (отопление в Германии дорогое, поэтому экономят) мы осмотрели экспонаты и поговорили с Шефером, который рассказал нам, что Святому Аурелиусу посвящена еще и лестница в здании психиатрической больницы, ведущая с первого этажа на второй, а также подтвердил информацию о том, что не все мощи святого были в 1956 году возвращены в Хирсау. Часть их, а именно голова, все еще продолжает храниться в алтаре Святого

Аурелиуса. И если заранее договориться с церковными иерархами, ее могут нам показать, учитывая наш особый интерес к святому. Для этого нужно получать специальное разрешение епископа, требующееся для открытия алтаря, ведь голову святого в наши дни достают крайне редко, только по очень важным, торжественным событиям. Это раньше, ежегодно в день празднования Святого Аурелиуса, сотни людей собирались у храма в ожидании исцеления и чуда. После молитвы с благословения настоятеля страждущие ожидали исцеления от всех болезней и болей, связанных с головой, – считалось, что мощи Св. Аурелиуса, а именно голова святого, обладают такой силой.

Прощаясь, господин Шефер попросил обязательно прислать ему журнал с материалом об Аурелиусе. Он же обещал сделать для нас фотографию алтаря святого и приглашал приехать летом, когда снимут леса с фасада и можно будет полюбоваться отреставрированным зданием, алтарем, и, возможно, увидеть мощи святого. ☺

Посмертная жизнь Св. Аурелиуса

интервью с Клаусом Петером ХАРТМАННОМ

Здесь в Кальве я в течение 25 лет руководил Высшей народной школой, до этого в Университете Тюбингена занимался темой Востока и религиозной географией, изучал ислам, ориенталистику, историю, теологию, религиоведение, географию. В связи с этим я работал и жил в Иране, Ираке, Сирии, Ливане, Йемене, всего на Востоке я провел 10 лет. И среди вопросов, которые я изучал, была тема христиан и мусульман: история, различные социологические характеристики, такие как уровень образования, миграция, посещение школы, ведение хозяйства и проч. Армяне были в этом смысле особой группой, с которой я много работал в Иране (Джульфа, Исфахан, Тавриз), а также в Сирии (Алеппо), Ливане (Антилиас) и т.д. Там я эмоционально сблизился с Арменией, и когда я приехал сюда, меня очень заинтересовало то, что я слышал об Аурелиусе — он, согласно легенде IV века, был армянином. Я установил контакт с различными группами: связался с мхитаристами в Венеции, армянскими общинами в Штутгарте и Эсслингене, с Католикосом в Эчмиадзине, архиепископом из Вены, который приезжал сюда.

У нас здесь по-настоящему легендарное памятное место Св. Аурелиуса, у которого есть свой контекст, отражающий историческую действительность — разумеется, она еще не исследована научно в достаточной степени.

Чуть больше двадцати лет назад сюда, к могиле Св. Аурелиуса, приехали на автобусах армяне со всей Европы. Я способствовал тому,

©ARHE

чтобы здесь, в Кальве и Хирсау, прошла выставка, посвященная армянам. Мы организовали целую армянскую неделю в Кальве, Хирсау и Бад-Либенцелле. Благодаря моим контактам с мусульманами, а также с турками мне удалось добиться того, чтобы в это время не произошло никаких конфликтов. Ведь не так легко работать по армянским темам в публичном пространстве, где много турок. Однако у меня с ними очень хорошие контакты, поэтому тогда не было больших трудностей. И затем, через год или два, мы провели турецкую неделю, и тем диалог был, так сказать, оправдан.

Итак, в течение этой армянской недели проходили выставки, читались доклады, и здесь состоялось богослужение, которое я организовал. Думаю, такое было в первый раз в истории Церкви, участвовали представитель епископа Роттенбургского, член капитула Бур с католической стороны, с евангелической – прелат из Ройтлингена, а с армянской стороны архиепископ из Вены. Я сам привез его из Вены и отвоз обратно, мы потом еще долго поддерживали тесный контакт. У меня был личный контакт со всеми армянскими епископами Востока. Я их всех нашел – в Тегеране, Багдаде, Мосуле, Бейруте, кроме Каира. А в последний раз у меня состоялась встреча в Стамбуле, два года назад. Мне тогда было важно получить как можно больше информации: как там проходит совместная жизнь, какие возникают сложности, проблемы.

В Тюбингене с 1973 по 2005 год был реализован проект по Ближнему Востоку, и в рамках проекта подготовили около 500 исторических карт по Востоку, христианскому и исламскому. Это очень известный атлас: TAVO – Тюбингенский атлас Ближнего Востока (Thübingen Atlas des Vorderen Orients).

Там есть карты по истории христианства, по армянским общинам, по всем приходам. Не только исторические карты, но естественнонаучные, лингвистические, по всем возможным темам. Я тоже работал над атласом по

христианским конфессиям. Например, сделал единственную карту времен гражданской войны в Ливане, с разделением каждой деревни – христиан и мусульман.

Я установил контакт со всеми доступными армянскими учреждениями Германии. Искал их через Интернет, вступал в переписку – вся она сохранилась у меня дома. Сообщил об истории Св. Аурелиуса в Эчмиадзин и получил ответное письмо, где выражался большой интерес к этому вопросу. Мне ответил, разумеется, не сам Католикос, но в письме была его фотография.

В ходе постоянной переписки я получил определенные сведения о ситуации с армянами. И совсем недавно завязал контакты с Берлином, с Домом Лепсиуса, профессором Гольцем, незадолго перед смертью он мне писал, что хочет приехать сюда...

Я написал книгу «Христианские меньшинства Ближнего Востока», в том числе и об армянах. В 1974 году, еще во времена шаха, вместе с армянским епископом из Тавриза мы проехали через закрытую пограничную территорию вдоль Аракса. Епископ имел разрешение, поскольку там были армянские деревни с его прихожанами. У меня был хороший внедорожный автомобиль, и в течение пяти дней мы посетили все армянские деревни вдоль Аракса.

Теперь об Аурелиусе. В те времена в старой Западной Римской империи возникло религиозное направление арианства, с которым ожесточенно конфликтовали приверженцы традиционной догматики. И вот, миланский епископ Дионисий был сослан как противник ариан, потому что тогда Италия была практически целиком арианской.

Он был сослан на восточную границу империи, то есть в Армению. Там он познакомился с местным армянским епископом. В его позднейшем житии на латинском языке он называется Аурелиусом – имя, происходящее от слова «золото». И если сейчас заниматься исторической работой, необходимо было бы перевести его имя обратно на армянский язык.

Два священнослужителя дружились и согласно легенде покла-

лись друг другу, что завещают похоронить себя вместе. То есть это была дружба длиннее жизни. Дионисий умер там, в Армении, после чего Аурелиус привез его останки в Милан, где арианство уже было побеждено и епископом стал Амброзий — один из великих святых Латинской церкви. Всего насчитывается четыре великих отца, столпа Латинской церкви — Аугустин, Амброзий, Иероним и папа Григорий.

Аурелиус стал в Милане значимой, почитаемой личностью. Вскоре он умер и согласно легенде был похоронен рядом с Дионисием. И еще сегодня в Милане есть улица Дионисия. А последний епископ Милана, кстати, добавил себе имя Дионисия в знак памяти о далеком прошлом, которая еще жива для миланцев.

Теперь перенесемся в Хирсау. В IX веке здесь, в этом регионе, существовал графский род, который триста лет спустя стал очень крупным в Германии, — они признают представительство императора и становятся впоследствии графами Кальва. У этих графов была родня в Верхней Италии. К тому же роду принадлежал и епископ в Верчелли, расположенном между Туринском и Миланом. Нам известно, что граф отсюда написал письмо епископу: «Мы хотим построить здесь монастырь, и для этого нам нужен хороший святой». Согласно преданию, епископу в Верчелли приснился сон, что этим святым должен быть Аурелиус, и епископ, дядя здешнего графа, ответил: «Да, у меня есть для тебя хороший, важный святой, ты можешь построить в его честь монастырь, его наверняка будут почитать». В средневековье это было обязательно — иметь в монастыре мощи мученика или святого.

И в 830 году — это точная дата — мощи Св. Аурелиуса были вначале переправлены из Милана в Верчелли, а затем из Верчелли — сюда. Здесь был основан небольшой монастырь, не самый известный, который назывался монастырем Св. Аурелиуса. Вначале этот монастырь не играл в истории никакой важной роли, и в Германии почитание Св. Ауре-

лиуса не получило распространения. В Европе есть три или четыре церкви Св. Аурелиуса — во Франции и Германии, но это другой Аурелиус — римский солдат-мученик.

Однако 300 лет спустя здесь, в Хирсау, произошло событие, чрезвычайно важное для истории Германии и средневековья. Это очень сложно рассказать, но я постараюсь быть кратким. Папа римский побывал здесь, в Хирсау, и вместе с графом посетил могилу Св. Аурелиуса. Он захотел, чтобы монастырь, который был совсем заброшен, снова стал большим и значимым. И он знал, возможно, по документам в Риме, что здесь лежит святой, который в свое время сыграл важную роль в жизни Милана.

Поэтому монастырь восстановили с новым настоятелем, новыми монахами. И этот новый настоятель, который прибыл из Регенсбурга, был очень реформистски настроен. Средневековая реформа в Хирсау, параллельная реформам Ключни во Франции, изменила все центральноевропейское монашество и Церковь. Это была не просто реформа, но революция, потому что все ценности прошлого были изменены, вытеснены из сознания. Настоятели избирались, монастыри больше принадлежали не графам, герцогам и королям, но Церкви. Аббатов нельзя было отстранять, миряне могли входить в монастырь... Возникла совершенно новая система, Европа начала новый этап. И все это начиналось под сенью монастыря Св. Аурелиуса.

Монастырь был слишком мал для множества монахов и паломников, которые сюда приходили, и по другую сторону Нагольда был построен большой монастырь Хирсау. Те самые руины на горе остались от этого позднейшего большого монастыря, с большой базиликой. И мощи Св. Аурелиуса были перенесены наверх. Хотя главная церковь была посвящена Свв. Петру и Павлу.

После этого здесь, в старом здании монастыря, был приорат, отделение, то есть подчиненное учреждение, которое называлась по имени Святого Аурелиуса, но саркофаг с мощами был наверху, в большом монастыре.

Пришла Реформация, наступила евангелическая эпоха в Германии. И тогда оба монастыря стали евангелическими, появилась евангелическая школа для священников. А в евангелической теологии святым не было места или его было очень мало. К могиле Аурелиуса постоянно приходили люди, приносили цветы, молились, и это не сочеталось с евангелической доктриной. И тогда они продали Святого Аурелиуса. Он был продан одному князю из Южной Германии. Потом он путешествовал туда-обратно. Он был у владельцев Циммерна, затем он был еще выше — у Гогенцоллернов, и, в конце концов, он оказался в Цвифальтене, вблизи Ульма.

Профессор Хайек в 1954 году, будучи молодым художником, спроектировал здесь, в Хирсау, восстановление церкви нижнего монастыря. И в 1955 году, успешная побывав хлевом, зернохранилищем и мастерской, она снова стала церковью, причем католической. Мощи Св. Аурелиуса были возвращены сюда из Цвифальтена и помещены на свое исконное место. Четыре года назад Хайек умер. И за несколько недель до своей смерти он доделал последние части своего проекта. Он был большим поклонником этой церкви и большим поклонником Аурелиуса. Когда у него родилась дочь, он назвал ее Аурелией. И я играл на органе во время ее крещения. Хайек воспринимал церковь Святого Аурелиуса как свою. Он большой мастер — его произведения есть в Ватикане, в музеях Нью-Йорка...

Сегодня есть еще одна церковь Святого Аурелиуса, и с ней у нас партнерство. В Италии, в Пьемонте, вблизи Верчелли, резиденция епископа Милана, есть община, которая носит имя Св. Аурелиуса. Она находится в деревне Габано, где стоит церковь Сан Аурелио. У нас очень хороший контакт, каждый год я приезжаю к ним...

Вот такая была посмертная жизнь у Аурелиуса — Армения, Милан, Верчелли, Хирсау, Гогенцоллерны, владельцы Циммерна, Цвифальтен и снова назад сюда, в Хирсау. ☺

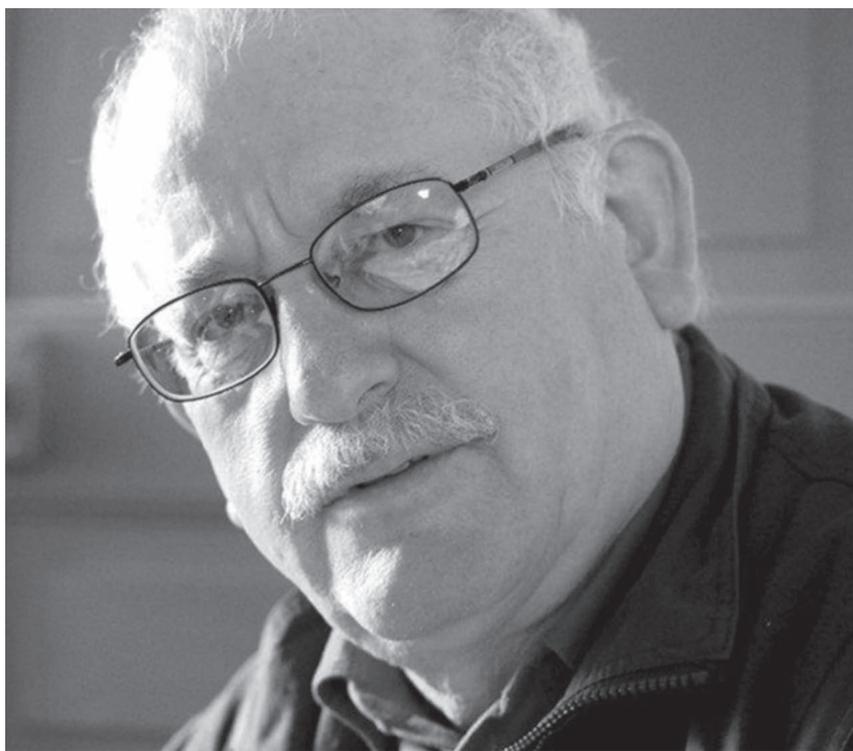
Беседовал Армен Хечоян

Одно из наиболее ранних сохранившихся изображений Св. Аурелиуса. Сборник церковных гимнов из Цвифальтена, XII в. (Вюртембергская земельная библиотечка в Штутгарте, Cod. hist. fol. 415, лист 63 r.)

Святой Аурелиус в Хирсау

Теодор КЛЮППЕЛЬ

...История никогда не протекает в безвоздушном пространстве, она всегда цепляется за конкретное. Это основной элемент человеческой жизни и существования. И в отношении истории веры здесь нет ничего нового, она всегда схватывается лишь конкретно, в местах и людях. Покоящиеся здесь реликвии связывают 1500 лет истории веры; эта линия тянется из эпохи борьбы за сохранение истинной веры на крайней восточной границе ранней истории Церкви до сегодняшней «вселенской эпохи». Знак современности – организованная в 1989 году «Армянская неделя» в Кальве и Хирсау, когда реликвия, по традиции происходящая из Армении, – мощи Святого Аурелиуса – была осознана как «пожалуй, древнейший мост между христианской Арменией и Центральной Европой» и идентификационная точка разбросанных по миру армянских христиан.

Еще в большей степени речь идет о почитании святого. Оно означает убежденность в том,

что в людях собственной традиции веры мы видим совершенно разные примеры проводников, указывающих нам путь, которых мы считаем свидетелями и вестниками учения и жизни Иисуса. Живая связь с ними становится возможной благодаря *communio sanctorum* (*общению святых* (лат.) – Прим. ред.), которое в конечном счете коренится в вере в воскресение и тем самым в вере в «постоянную действи-

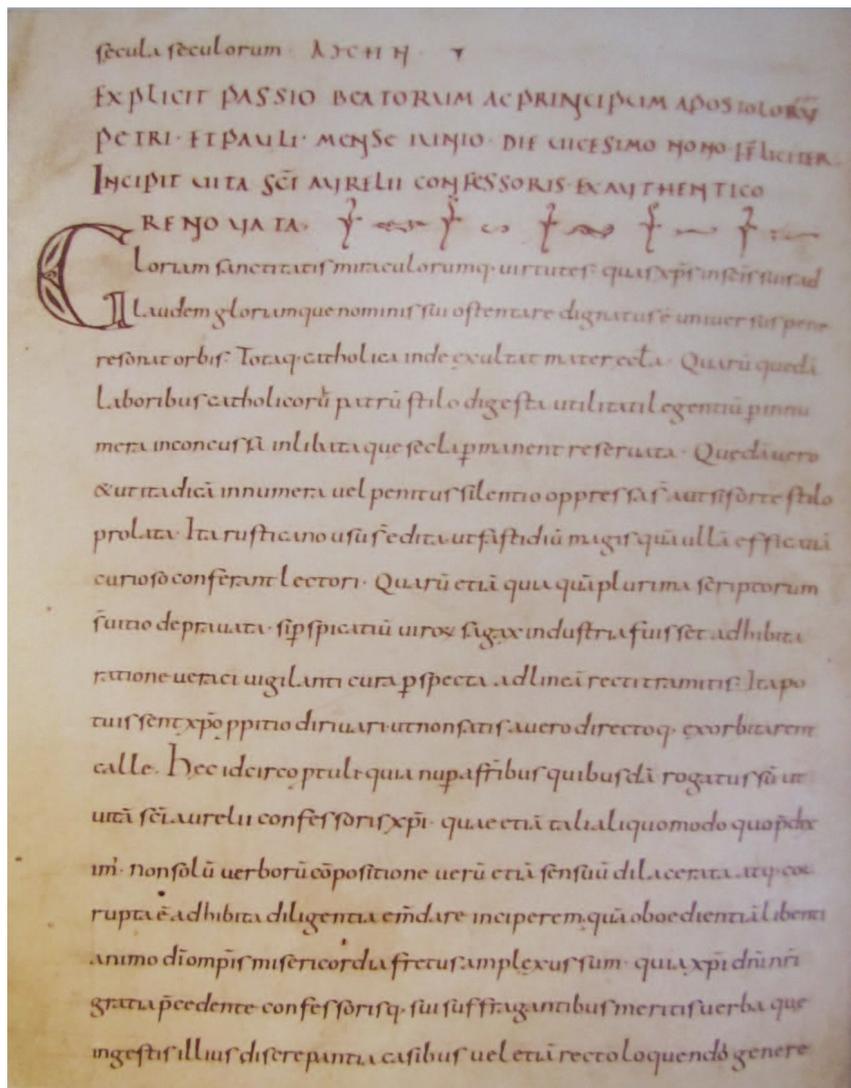
тельность и реальность умерших перед Богом». Речь идет не о почитании костей, что было бы магией – речь идет о людях. Приблизиться к таким людям и через этот мост – к Тому, на которого они ссылаются, было древней потребностью христиан. Почитание могил святых свидетельствует об этом, и с желанием иметь где-то «воплощенную» близость святых начались переносы святых мощей.

Сюда же относятся жития — сообщения о жизни святых, чья примерно представленная христианская жизнь должна была вдохновлять к последованию и быть путеводной нитью. (...)

Небесный покровитель, присутствующий в своих бранных останках, считался земным заступником, он оберегал свою familia (семья, род (лат.) — то есть был как бы главой дома для почитающих его мощи. — Прим. ред.): «Под знаменем, а еще лучше со святыми мощами своего святого заступника бросались в битву короли, горожане — как, например, в Кельне, — отвоевывали у своего епископа свободу, граждане присягали, купцы скрепляли печатью свои дела». (...)

Центральным моментом доклада является текст жизнеописания IX столетия. (...) Это первое жизнеописание Аурелиуса повлияло на все последующие формы почитания: новая переработка, литургические тексты и записи, наглядные изображения святого едва ли мыслимы без него. Из жития открывается обратная перспектива на истоки начала культа Святого Аурелиуса, и прямая — вперед, на историю влияния этого текста, на продолжение почитания святого.

Наиболее точна ранняя копия, сохранившаяся в Вюртембергской земельной библиотеке в Штутгарте, этот текст издан и снабжен немецким переводом с необходимыми примечаниями. В своем докладе сперва, отталкиваясь от сегодняшнего дня, я прослеживаю путь назад, до тех времен, когда Хирсау отдал останки святого и тем самым сделал возможным возрождение — хоть и краткое — его почитания в ином месте. Затем изложение обращается к переносу святых мощей в долину реки Нагольд и возникновению жития. Сжатый обзор 700-летней истории почитания Св. Аурелиуса в Хирсау показывает подъемы и спады этого почитания. На третьем этапе ставится вопрос об истоках традиции Аурелиуса.

Начало Пролога к Житию Св. Аурелиуса из Райхенау IX в. (Вюртембергская земельная библи. в Штутгарте рукопись Н.В. XIV 13, лист 237v)

Жизнеописание Святого Аурелиуса, восстановленное из подлинного источника

(I) (Предисловие)

Слава святости и чуду, которые Христос проявляет в своих святых в хвалу и славу своего Имени, отзывается почти во всем мире, и поэтому ликует вся вселенская Матерь-Церковь. Нечто из этого сохранилось на пользу читателей на протяжении бесчисленных спокойных столетий в письменных сочинениях благодаря усилиям правоверных отцов. Нечто, однако, и, я хотел бы сказать, бесчисленное, либо целиком умалчивалось, либо, если

случайно публиковалось, сочинялось с таким грубым словоупотреблением, что больше вызывало отвращение, чем приносило какую-либо пользу для любознательного читателя. Так как вдобавок многое испорчено по вине писавших, то по милости Христовой можно было бы привлечь проницательность благоразумных мужей, дабы с основательной тщательностью проверенное было упорядочено и сильно не отклонялось от истинного и прямого пути. Я упомянул об этом потому, что недавно некоторые братья попросили, чтобы я со всей тщательностью начал исправлять жизнеописание Святого Аурелиуса, приверженца Христа, которое упомянутым образом было на-

рушено и испорчено не только в отношении строя изложения, но и в отношении смысла. Этот возложенный на меня труд я с охотой принял в надежде на милосердие Всемогущего Господа; поэтому мы постараемся милостью Христа, Господа нашего, и благодаря полезным заслугам его приверженца так исправить места в тексте, которые мы находим в его жизнеописании неоднородными в использовании падежей и негармоничными по стилю, чтобы мы ни в коем случае не попали в кандалы лжи и не подверглись бы упрекам в обмане.

(II)

Св. Аурелиус родился и вырос в провинции Армения. Мы твердо верим, что его воспитание в молодые годы, которое привело к столь досточтимому венцу, без сомнения, было наилучшим. Но так как оно не сохранилось в нашей памяти никакой письменной приметой, мы молчаливо пропускаем эти годы и обращаемся к тому, что узнали о вершине его епископского служения и борьбе, которую он вел против замерзкой секты ариан вместе с остальными, известными тогда как непоколебимые поборники Христа. Мы не смогли бы в полной мере оценить деяния упомянутого святого и рассказать о других его современниках, боровшихся за веру Христову, если не дали бы предварительных сведений о той ереси. Мы попытаемся лишь разъяснить пылливому уму читателя некоторые ее приметы, а также преследования, которые она учинила.

(III)

Во времена христианнейшего императора Константина (306-337) в Александрии появился некий священник по имени Арий († 336). Он начал распространять извращенное учение о вере в Христа, о том, что никогда прежде не было спорным. Он пытался всецело отделить Сына от вечной и неизъяснимой сущности или Божественной природы. Это сбилось с толку очень многих в

Церкви. (...) Когда это известие достигло ушей императора, он по воле духовенства созвал в городе Никея епископский собор (325 г.). Там он, собрав 318 епископов, велел явиться Арию, чтобы принять решение о его представлениях и спорных вопросах.

В ходе продолжительных обсуждений были изучены его утверждения и то, что этому противостояло или должно было быть противопоставлено, было рассмотрено с высочайшей добросовестностью. После непрерывных и вновь возобновляющихся обсуждений все единогласно согласились об *omousion*, то есть о том, чтобы Сын был объявлен единосущным Отцу. Это было закреплено всеми в качестве непреложной нормы. Решение духовного собрания было сообщено Константину. Император воспринял его с почтением, как если бы оно произошло от Бога. Как было объявлено публично: если кто-то будет пытаться противостоять данному решению, он тотчас последует в изгнание. Только лишь шесть человек должны были по этой причине претерпеть вместе с Арием судьбу изгнанника. И так почти до самой смерти Константина кафолическая вера (в *русском языке одно и то же слово переводится как «католический», когда говорится о Римско-Католической Церкви, или как «кафолический», когда определение «вселенский» используется в ином контексте – в данном случае речь идет об общих догматах христианства, утвержденных на Никейском соборе. – Прим. ред.*) оставалась непоколебимой.

Однако позже, по причине дьявольского заблуждения, эта ересь стала быстро распространяться вокруг благодаря одному священнику, который свернул на тропу Ария. Так как это слишком обширный вопрос, чтобы рассматривать его в таком коротком и малом труде, мы попытаемся вернуться к цели нашего повествования. Кто имеет желание больше об этом узнать, пусть постарается изучить десятую книгу «Истории Церкви» (Руфина).

(IV)

После смерти императора Константина, когда его сыновьям была передана высшая правительственная власть, упомянутая выше гнусная секта, подняв ядовитым отродьем свою голову словно из преисподней, замарала лик Церкви отвратительной грязью. И когда после многих событий, рассказывать о которых можно было бы очень долго, Арий, вернувшийся из изгнания, встретил под Константинополем позорную смерть, лжеучение тем не менее усиливалось с каждым днем, и многие из благочестивых тогда подверглись изгнанию. В это время был также изгнан Папа Либерий (352-366), хотя спустя некоторое время вернулся по приказу властей. (...)

(V)

В то время, когда дьявольское заблуждение запятнало Церковь такой гнусной заразой, началось по приказу императора принуждение и западных епископов к соглашению с арианским учением. Поэтому в Милане был созван епископский собор (355), и многие из них поддались заблуждению. Однако Дионисий (*епископ Миланский примерно с 351 года*), Евсебий (*Верчеллийский, † около 371*), Паулин (*Антиохийский, † около 388*), Роданус и Люцифер (*Каларийские, Сардиния, † около 370*), которые громко возглашали, что здесь замешан обман, были отправлены в изгнание; также и Хиларий (*Путьерский, † 367*) последовал за ними.

Из них миланский епископ подвергся самой большой несправедливости, он был в итоге передан в руки слуг закона и отправлен в провинцию Армения и там удерживался в заключении в городе под названием *Reditio*.

Но к вящей славе Божией в то время тамошней церковью умело руководил как епископ благословенный Аурелиус. (...)

(VI)

Как только Аурелиус, блаженный проповедник Христа, услышал о прибытии слуги Господа,

он тотчас же поспешил в радостном волнении с ним встретиться. И когда заступники Христа приветствовали друг друга самыми радостными словами, они не могли сдержать слез радости в объятиях друг друга. Тот самый Аурелиус милостью Христа был наполнен мудростью Священного Писания и обладал благодаря щиту христианской веры и шлему надежды (см. *Эф. 6, 16 и след.; Фесс. 5, 8*) такой надежной защитой, что не давал затаившимся волкам захватить паству Христову (*Деян. 20, 29*), хотя чудовищная жестокость ариан тогда свирепствовала особенно сильно. Но сила лжеучения ничто для святого человека. Потому что он оберегал веру, которую католические отцы закрепили на святом Никейском соборе, невредимой в своем честном сердце и старался убедить силой доводов тех, кто каким-то образом возражал против истинного учения. (...) Страшнейшее наказание преисподней ожидает тех, кто пребывает в этом злом упрямстве, как предвещал он в ужасных угрозах.

О, чудесная и неизъяснимая воля Божья, дарующая избранникам для опровержения и преодоления зла заблуждающихся согласие в вере и неиссякаемую любовь. Благодаря такого рода нерасторжимому единству священники Христа – благословенные Аурелиус и Дионисий – были связаны в любви к Спасителю так, что неустанно денно и нощно воспевали хвалу Господу и небесные гимны. Ни один из верующих не сомневался, что Христос живет в их сердцах и они стали местом обитания Святого Духа.

(VII)

И уже засияла слава добродетели благословенных предстоятелей, ибо силою Господа нашего Иисуса Христа многим больным и прикованным различными недугами к постели они вернули прежнее здоровье. (...) В течение

Св. Аурелиус (фрагмент). Гейдельберг или Шпейер, 1487 (оригинал хранится в замке Альтсхаузен) ►

Картина второй половины XV века изображает церковь Св. Аурелиуса и прилегающее с северной стороны здание так, как они выглядели в то время. Сохранилась лишь часть картины, которая изображает основание монастыря графами фон Кальв. Имена Св. Аурелиуса (слева) и Св. Бенедикта (основателя ордена монахов-бенедиктинцев) можно прочесть на их нимбах. Юный граф Адальберт II фон Кальв преклоняется перед святыми, видна лишь его голова. Он держит копьё с флагом, на котором изображен герб графов фон Кальв, до сегодняшнего дня городской герб Кальва

долгих лет они настолько прославились благодаря необыкновенным чудесам, что все страждущие из окрестных областей и иных языков, исполнялись хвалой, возносимой к Спасителю, даровавшему провинции Армения столь искусных, совершенных и достойных небесных врачевателей.

(VIII)

Среди прочих чудес, совершенных тогда слугами Христа, сообщается также о соглашении между обоими братьями во Христе, согласно которому там, где бы Божественное провидение ни определило день их последнего вздоха, они должны быть похоронены вместе, чтобы, как их

сердца в пылавшие Божественной любовью, также и бранные останки оставались неразлучными в могиле.

Тем временем Святой Дионисий тяжело заболел и в глубине души предчувствовал приближение смерти. Он не скрыл от своего благословенного духовного собрата, что достиг конца своего жизненного пути и борьбы.

Безутешный Аурелиус был сражен горестью. Но Св. Дионисий, думая о своем прежнем месте жительства, вспоминал о гражданах, из-за которых так много страдал и просил Св. Аурелиуса, дабы он при возможности перенес его останки в Милан. Благословенный Аурелиус не перечил

его просьбам, он лишь сказал, что дождется благоприятного времени, когда без опасности сможет вернуть по морю такое ценное сокровище в Италию.

(IX)

Пока он ждал благоприятного для путешествия времени, прошло несколько лет. В течение этого времени Христос через слугу Божьего Аурелиуса сотворил столь небывалые чудеса, что поток спешащих к нему толп людей, которые приводили с собой своих больных и одержимых демонами близких, не переставал течь. Поскольку приходящие отовсюду признавали в этом святейшем человеке лекарство небесного уте-

шения как для здоровья тела, так и для спасения души, ежедневно множество людей стремилось приблизиться к нему, как малые дети спешат прилечь к груди матери.

Исполненный Богом человек, непрерывно связанный святой обязанностью, тем не менее, не позволял себе забыть о просьбе своего святейшего собрата. Ведомый Божественным предопределением, он отыскал подходящее время для путешествия, и, выдав морякам назначенное ими вознаграждение, счастливо перевез через море под опекой Христа святое тело, обернутое в ткань. В ходе плавания оно достигло итальянского побережья, а оттуда прибыло кратчайшим путем в Милан. Узнав об этом, жители города спешно направились с великой радостью ему навстречу и прославляли Христа за то, что не лишил их заступника. И, взяв тело благословенного священника, положили его с высочайшим почтением в саркофаг.

(X)

В это время после смерти Ауксенция (†374), епископа еретиков, Святой Амброзий (374-397) принял епископство и с рвением руководил церковью. И когда Аурелиус, благословенный священник Христа, доставив тело блаженного Дионисия, пожелал вернуться к себе на родину, упомянутый выше епископ, Святой Амброзий, не дал не то своего согласия. Будучи крайне словоохотливым и украшенным всем блеском науки человеком, Святой Амброзий долго уговаривал его остаться любезными увещаниями и дружелюбными словами.

«Не покидай нас, брат, — просил он, — (потому что) очевидно, ты (теперь) должен завершить то, что когда-то торжественно обещал. Среди многих притеснений враждебных учений и разнообразия различных расколов

мы заслужили одно и то же незыблемое учение католической веры в одинаковом убеждении и можем тем же образом, как всегда велел Христос, провозглашать вместе во славу Создателя хвалу небесной жизни и сладкоречивые слова о вечном Царстве (Божьем)». Аурелиус, блаженный приверженец Христа, воспринял увещание Святого Амброзия со страстью и растроганно, как если бы оно исходило из уст самого Христа, и беспрестанно посылал гимны и хвалебные песни Господу днем и небесам ночью, и короткое время той непостоянной жизни, которая ему еще оставалась, он провел в продолжительных молитвах вместе со Святым Амброзием.

(XI)

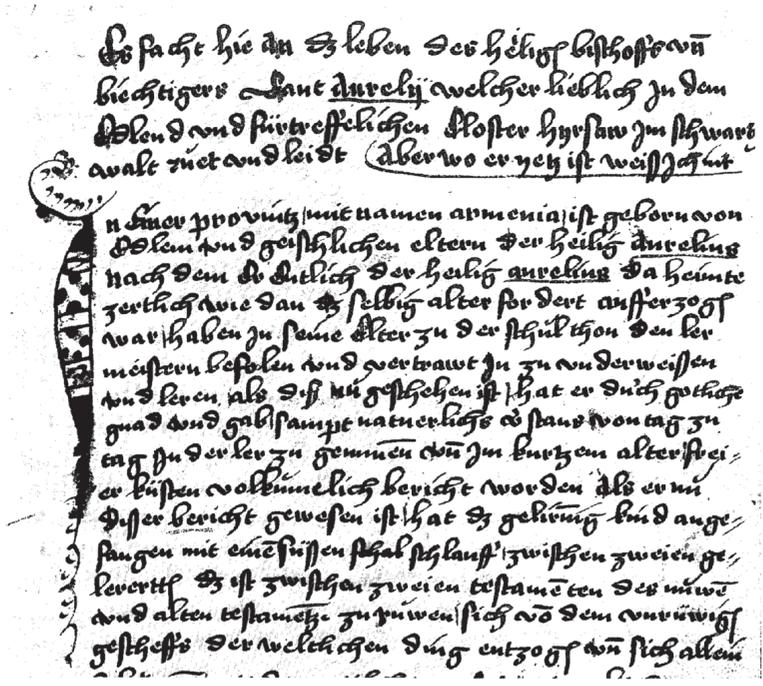
Так чудесной волей всемогущего Господа и Его неизъяснимым провидением закончилась эта история, и то, о чем святые епископы Господа договорились по поводу погребения их тел, когда пребывали в Армении, неожиданно осуществилось в Италии. Поэтому что по истечении года со

времени его приезда, когда предстоял день годовщины памяти и погребения Дионисия, святого приверженца Христа, в тот день умер и Святой Аурелиус и был призван в вечное Царство Господа. И тогда всякая неуверенность у оставшихся развеялась и укрепилась вера верующих, никто уже не сомневался в том, что их тела должны быть связаны, их души призвал своей милостью Христос в свое Царство и великолепие в одно и то же время.

Поэтому тела святых приверженцев Христа были погребены с большими почестями под одной насыпью, хотя и в двух могилах. О, великая заслуга святых, которую венчала милость Христа таким образом, что они, прожившие в одной вере и поддерживавшие друг друга в неустанной любви, и на небесах связаны и наслаждаются вечной радостью ангелов. И всем, кто в честной вере (этого) жаждет, они даруют своей защитой доселе свои благодеяния через Господа нашего Иисуса Христа, живущего и царствующего с Отцом вечным и Святым Духом во веки веков.

Аминь.

Начало Жития Св. Аурелиуса на немецком языке (Княжеская Фюрстенбергская библиотека Донаузингена, фрагм. В. VI. 5, лист 1 r.) ►

Oratio Ad Sanctissimū Aureliū ep̄m et confessorē Hirsaugie in sinibus ozinee Silue requiescentem.
O gloriose Aureli sacerdos dei altissimi. **O** b̄tē pontifex hirsaugie corporaliter requiesces: et in celo iam Christo cōregnans: succurre nobis questimus. in hac valle lacrimarū in ifirmitate capitis et quacūq; tribulatiōe laborantibus. **V**er. **E**grege christi presul Aureli: pro nobis ad d̄m supplex intercede. **V**t ab ifirmitate capitis et corporis liberati: christum in te iugiter valeamus laudare. **O**remus. **O** m̄ps sempiternē deus qui in sc̄tis tuis mirabilis existis: maiestatis tue potentia suppliciter implozamus: ut b̄tī Aureli cōfessoris tui atq; p̄dicis p̄d̄cia humiliter requirētes: ipsius meritis et p̄cis ab ifirmitate capitis et om̄i tribulatiōe liberati. atq; s̄ncti cor poris restituti: gratiarū tibi in ecclia tua dignas redere valeamus actiones et post h̄c vitā ad eterna gaudia p̄tingere mereamur. per eū qui venturus est iudicare vivos et mortuos et seculū per ignem. **A**men.

Так называемый «образ благочестия» с изображением Св. Аурелиуса. Однолистовая печать, XVI в. (Вюртембергская земельная библиот. Штутгарт)

(XII)
(Его перенос)

Не хочу я умолчать о Святом Аурелиусе то, что мы узнали недавно о переносе его останков во времена христианского императора Людвига (814-840).

Потому что епископ Верчеллийский по имени Ноттинг добился на основании неотложных прошений останков Святого Аурелиуса и привез их сперва в свою епископскую резиденцию в Верчелли. И так как упомянутый епископ родился и вырос на землях Германии в герцогстве Аламманском и происходил из незначительного рода, он старался разведать в уединенности долины своей области привлека-

тельное место, самое достойное пространство для жизни, и подготовить подходящее пристанище для такого значимого (будущего) обитателя. С согласия названного христианского императора пришли люди, охваченные рвением и любовью к Христу, из области Германии и попали вместе с упомянутым епископом в Верчелли. Подняв мощи святого защитника веры Аурелиуса и положив их на носилки, они поспешили, распевая псалмы, через горные хребты Альп и принесли их с большой радостью после успешного похода в упомянутое место в Германии. Человеческий язык не способен выразить ввиду выдающегося величия, сколько знамений и чу-

десных деяний показал его заслугами в том месте Создатель и Обновитель всего сущего в своей милости, после того как святые мощи там были положены. Для того чтобы, тем не менее, эти неназванные случаи не были пропущены совсем, мы хотели бы добавить к этому небольшому сочинению в короткой форме немного из того, что узнали из рассказов верующих. Погребение Святого Аурелиуса, вернувшее прах к праху и объединившее его душу с ангелами, произошло 14 сентября.

Рукописи и редакции первого жизнеописания

Рукописи:

S — Штутгарт, Вюртембергская земельная библиотека Н.В. XIV 13

Сборник Житий святых IX столетия, прибывший через Констанц и Вайнгартен в Штутгарт, содержит жития святых за месяцы январь-июнь; жизнеописание Св. Аурелиуса, fol. 237v - 242r, внесено вместе с текстом Exaltatio s. crucis из сентября. В качестве места происхождения записи может быть определен Райхенау, время написания: конец IX века.

Rh — Цюрих, Центральная библиотека Rh. 5

В Рейнауском Passionale за месяцы август-январь находится текст fol. 69va - 71vb. Сообщение о переносе мощей обрывается вместе с концом страницы. Рукопись датируется XII-XIII веками.

H — Хайлигенкройц, монастырская церковь Codex 13

Речь идет о третьем томе четырехтомного экземпляра «Magnum Legendarium Austriacum» («Большого австрийского сборника легенд»), содержащем тексты за месяцы июль-сентябрь; ранняя сигнатура: VII. 9. A. I. Написано ок. 1190 года, жизнеописание Аурелиуса fol. 226ra - 227rb, без пролога и в сообщении о переносе мощей без ссылки на последующие чудесные истории.

L — Лилиенфельд, монастырская библиотека Codex 60

Рукопись, также относящаяся к этой группе, содержит тексты за месяцы июль-сентябрь; сигнатура: *Vitae Sanctorum membr. n 244, Pars III*. Она относится к XIII веку. Житие fol.233rb - 234rb, без пролога и без ссылки на последующие чудесные истории.

М — Мелк, монастырская библиотека Codex Mell. 16

Еще один экземпляр «*Magnum Legendarium Austriacum*», написанный в 1471 году братом Мелка Кристофом Либом, содержит тексты за месяцы сентябрь-октябрь. Ранние сигнатуры: 677 и М.7, жизнеописание Аурелиуса внесено fol.72га - 74га, также без пролога и без ссылки на чудесные истории.

W — Вольфенбюттель, библиотека герцога Августа. Рукопись Вайсенбург 38

Вайсенбургская рукопись датируется XV веком и предлагает текст fol.135га - 136vb, отсутствует заключительная ссылка на чудесные истории.

Ранние издания:

По рукописям Н, L и М в 1898 году было издано житие в *Analecta Bollandiana XVII*, стр. 192-197. В 1918 году Э. Мундинг воспроизвел по рукописи S пролог, заключение и варианты по отношению к тексту болландистов (Э. Мундинг. Список санкт-галленских житий святых и их рукописи в *Codex Sangall. № 566 [1918] 162-166*). Затем в 1925 году последовала полная редакция Х. Делахайе в *Acta Sanctorum (= AASS) Novembris IV*, 134-137, по рукописям S, Н, L и М.

(...)

1

Путь назад.

Из сегодняшнего Хирсау в Хирсау XVI века

Автомобильный гараж, гимнастический зал, склад, кормохранилище и овчарня, «каменный амбар» — долгое время так называлось место, которое когда-то

Мощи Св. Дионисия в Кафедральном соборе в Милане ►

считалось монастырским центром и местом почитания Святого Аурелия. И тем не менее такая судьба сохранила для нас неф старой монастырской церкви справа от реки Нагольд. Только таким образом он избежал предписанного в 1584 году сноса здания, жертвами которого пали остальные части, и может сегодня снова служить цели, ради которой когда-то был построен: богослужение и последнее пристанище первого покровителя монастыря.

В 1956 году после 400 лет отсутствия мощей жителя Хирсау смогли снова принять Святого Аурелиуса в связи с торжественным открытием отреставрированной церкви Аурелиуса. В новом/старом зале для богослужений, где покоятся мощи святого, перед посетителями предстал только каркас, который по сравнению с давним блеском и прежними размерами церкви все еще частично источал что-то от древней культуры.

В сумерках помещения, освещенного лишь маленьким застекленным окном и свечами, взору постепенно открываются детали. В правом боковом продольном нефе, на низком каменном по-

стаменте с бронзовой пластиной, окруженная светильниками, стоит маленькая коробчатая рака, скорее невзрачная, без пышности. На верхней плите мы видим святого как епископа с поднятой для благословения рукой. То, что известно из традиции, содержится в кратком тексте на бронзовой табличке: «Аурелиус, епископ в Армении, умер в Милане в 475 г. Епископ Ноттинг Верчеллийский перенес останки в Хирсау в 830 г. Почитаем в качестве заступника христианского народа в болезни и нужде. Возвращение святых мощей из Цвифальтена в Хирсау в благостном году 1956, 15 сентября аббатом Вильфредом OSB (*Ordo Sancti Benedicti — Орден Св. Бенедикта*) Вайнгартеном».

Сцена переноса мощей святого из Милана в Хирсау изображена на одной из торцевых сторон раки Отто Хербертом Хайеком; изображения остальных сторон устанавливают связь епископства покровителя монастыря со сценами и цитатами из Нового Завета. Над опоясывающими изречениями «Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу вове-

Церковь Св. Аурелиуса в Хирсау. Вид сбоку ▲
Указатель на площадь Аурелиуса в Хирсау ▼

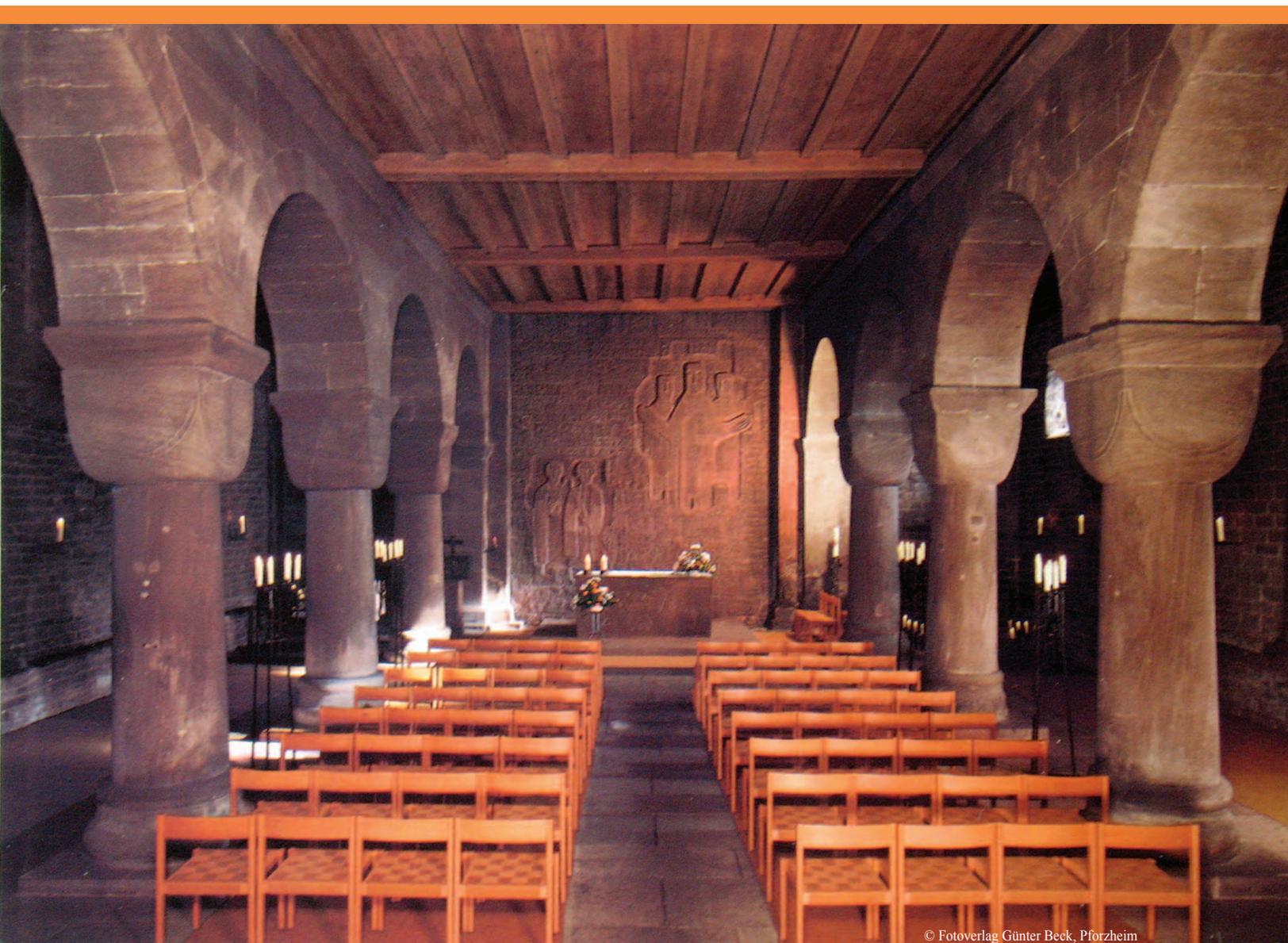

мя?» и «Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так» (Мтф. 24, 45 и далее) выстраиваются в ряд картины омовения ног Христу, чуда умножения хлебов, Нагорной проповеди, исцеления больных и воскрешения мертвых. Они трактуются как указания на то, каким образом епископство относится к Христу и обязано Ему как Слуге всех, духовному Кормильцу, Учителю и Спасителю.

В оформлении своих витражей Вильгельм Гейер рассматривает еще более широкий контекст. Святой выступает в связи с общей историей искупительного подвига Христа. Как Адам и Христос, Авраам и Петр, Моисей и Павел стоят друг напротив друга и соотносятся друг с другом, так соответствуют друг другу в истории Господа истории людей – с одной стороны, ветхозаветного царя Давида, с другой – Аурелиуса, облаченного в сан священника.

Бронзовая пластина приводит вкратце информацию о пути святого. Если же мы проследим этот путь в обратном направлении, обнаружится, как много темных и ясных глав составляют этот путь. Сперва мы пойдем по проверенному маршруту. С 1690 по 1956 год останки святого покоились в Цвифальтене. К 600-летию основания монастыря Цвифальтен приор и конвент 11 ноября 1690 года сообщили: «Кто до сих пор может удивляться и спрашивать, откуда в этот дом Господний пришло огромное блаженство и частью общего торжества стали святые мощи Святого Аурелиуса, знаменитого епископа и духовного отца Армении, который на руках великого отца церковного Святого Амброзия Миланского отдал Богу душу свою – Святого, который сияет своими чудесными делами /и в чью честь почти 1000 лет назад был построен/ древний бенедиктинский монастырь Хирсау – мать здешнего храма Господнего».

(...) В приложении к анналам Арсения Зульгера 1698 года подробно рассказывается об истории и прибытии мощей Аурелиуса в Цвифальтен. 1 апреля 1690

© Fotoverlag Günter Beck, Pforzheim

Интерьер церкви Св. Аурелиуса в Хирсау ▲

года, в воскресенье, настоятель монастыря и конвент в торжественных одеяниях и с музыкальным приветствием ожидали драгоценный груз. Во время торжественного богослужения на главном алтаре были выставлены для почитания мощи. И уже вскоре сюда пришли больные душой и телом, которые почитанием и прикосновением к реликвиям надеялись получить исцеление. Зульгер завершает свое повествование воспроизведением краткой формы жизнеописания Св. Аурелиуса, которое было предусмотрено в его праздничный день для чтений второй всеобщей молитвы (Lectio V-VIII). Пятое чтение рассказывает об Аурелиусе и Дионисии в Армении и переносе тела Дионисия в Милан, шестое чтение сообщает о смерти Аврелия в Милане 25

мая 383 года, в седьмом чтении можно прочесть о прибытии святых мощей Аврелия в Хирсау:

«Тело Св. Аурелия оставалось в Милане (Медиолане) и прославилось многими чудесами в течение 437 лет. Оттуда, по просьбам Ноттинга, Верчеллийского епископа, к своему митрополиту, оно вначале было перенесено в Верчелли, а немногим позже на его (Ноттинга) родину – в Германию и там было принято от отца его Эрлафридо и брата Германа Эрменфридо, князей Кальва, дабы в почитание упомянутого святого вместе с Петром Апостолом (во их имя) был построен монастырь, который позже был именован Хирсау и (монастырем) Святого Аурелия, в том месте, где в те же дни Св. Аурелий явился слепому и где в присутствии Ноттинга и князей вернул святым мощам их вид».

Восьмое чтение продолжает повествование вплоть до времен, когда Цвифальтен получил реликвию:

«После того времени Святое Тело около 730 лет лежало под главным алтарем, а позже из-за страха перед норманнами оно было спрятано под землей и вновь было обретено Папой Львом IX, проезжавшим мимо.

Спустя полвека в год 1534, когда еретики захватили Виртенбергский монастырь и запретили божественное служение, князь Вернер Цимбре с разрешения неправового князя взял раку с телом дивного Аурелиуса Хирсауского и в скромном сосуде перенес ее в древнюю крепость, его внука Сибилла в качестве приданого передала его семье князей Цоллерен, а они даровали его князю Вильгельму Фридриху

Современная рака Св. Аурелиуса в церкви Св. Аурелиуса в Хирсау

— государю Цоллера и Хехингена — в Цвифальтенский монастырь, в аббатство Иоанна Мартина, в августе года от Рождества Христова 1690-го.

Среди прочего, заступничеством сего Святого Бог дарует верующим блага, а тирана Эдvida, притеснявшего монастырь Хирсау, Бог пастырским жезлом так наказал, что по прошествии трех дней он стал вымаливать прощение у монахов и просить

молиться за него Святому Аурелию, после чего из преследователя превратился в скромнейшего благотворителя.

Прославилось сие святое тело в Милане и Верчелли бесчисленными свидетельствами, а затем в Хирсау бесчисленными чудесами, память о которых частично забылась, а частично была похоронена ересью».

Обретенные реликвии хранились в собственном алтаре. На-

писанная Николаусом Гуибалом алтарная икона представляет святого в качестве заступника у Господа; люди с недугами и страданиями показывают ему свою беду и ожидают помощи. Ангел указывает на стих в 8-й главе Евангелия от Матфея: «[obtulerunt ei multos daemonia habentes] et eiciebat spiritus verbo et omnes male habentes curavit» — «Он изгнал духов словом и исцелил всех больных». Святой имеет преемственность от Иисуса: сила Господня действует дальше в людях и через людей, которые ему следуют. Фигуры, стоящие по бокам картины слева и справа, указывают на его житие: здесь вера, которую он отстаивал, и ересь Ария, против которой он боролся. В изображении запрестольного образа узнаются голова Аурелиуса, а также остальные части мощей, все драгоценно украшено и окружено фигурами ангелов. Франц Штек сообщает в 1844 году о голове святого, «которая стоит на красной, расшитой золотом, подушке на подставке из посеребренной меди; там же размещены и некоторые другие останки. Она находится в резном деревянном футляре, богато украшенном золотом, на алтаре, открытом в честь святого Аурелиуса». В праздничный день святого, который празднуется во второе воскресенье октября, процессия выносила реликварий. «... после этого глава святого опускалась под молитвенное пение на головы его почитателей, и выкрикивались просьбы [излечить] болезни головы. Так это было еще в 1830 г. С тех пор, однако, эта церемония больше не проводится». О почитании Аурелиуса в те времена свидетельствуют также молитва в цвифальтенском «Officiarium inusum chori Zwifaltensis» 1700 год и особенный предмет почитания: часть одеяния святого епископа Аурелиуса. В крышке переплета Евангелия были сохранены самые разнообразные частицы реликвий и предметов, отсылающих к жизни Иисуса Христа. Перечень XVIII века не дает изначального состояния, а только лишь перечисляет

наличествующие на тот момент части: частицы яслей, столба для пыток, из «подлинного дерева» Гефсиманского сада. Углы крыши украшали евангельские символы, а под символом Иоанна хранилась часть одеяния Аурелиуса. Как евангельских символов, так и хранившихся внутри предметов больше нет; вероятно, они были удалены во время передачи в Штутгарте или в Цвифальтене. К своему 700-летию Аурелиус однако уже не упоминается; «с этого времени почитание Аурелиуса в секуляризованном Цвифальтене можно считать угасшим».

Во всяком случае, высоко вверху на западном фасаде нас все еще приветствует величественная фигура святого. Аурелиус обращается с благословением к юноше, который своим жестом намекает на головные боли. И лестничная клетка западного крыла старого аббатства в память о святом носит имя «лестница Аурелиуса».

Монастырь Цвифальтен получил мощи Аурелиуса из Хехингена в качестве дара князя Фридриха Вильгельма – однако в обмен на освобождение от долга в 4000 гульденов; до 1690 года они хранились в капелле замка. Гогенцоллерны в Хехингене получили их в свое владение благодаря разделу наследства, о чем сообщает летопись города Хехингена: «В 1594 году при вымирании мужской линии рода графа фон Циммерна графиня Сибилла унаследовала большое количество редких и сравнительно редких реликвий, которые домовою священник Эйтельфридрих Конрад Непорочный разобрал и описал... Среди них были также реликвии святого епископа Аурелиуса, ...которые при введении Реформации герцог Ульрих Вюртембергский передал графу фон Циммерну».

Вместе с графом Вильгельмом Вернером Херренциммерном была подведена первая черта под историей Аурелиуса в Хирсау. Сам граф Вильгельм, который не только по причине личного благочестия, но и по причине его общеизвестного интереса к исто-

Витраж Вильгельма Гейера с изображением Св. Аурелиуса из церкви Св. Аурелиуса в Хирсау

рии Хирсау выпрашивал для себя реликвии, записал об этом: «1557 год, в (день) 7 Марта из монастыря Хирсау ...в мое владение привезли тело Святого Аурелиуса, святого епископа...»

II Аурелиус в Хирсау с IX по XVI век

Первая весть о святом в Хирсау

На протяжении более 700 лет Хирсау был родным для Аурелиуса местом. Самый старый письменный источник о начале почитания Аурелиуса, который есть в нашем распоряжении, относится к IX веку. Это текст *Vita Aurelii*, содержится в мартирологе, который попал в Штутгарт через Констанц и Вайнгартен. Он состоит из пролога, жития и краткого сообщения о переносе. В нем рассказывается, как во

времена Людвига епископ Ноттинг Верчеллийский выпрашивал у епископа Миланского тело Святого Аурелиуса и получил его, как Ноттинг перевез его и поместил в достойном и подходящем месте. Текст завершается указанием даты погребения тела: оно произошло 14 сентября. Поводом для данного жизнеописания, несомненно, был перенос в Хирсау.

То, что сведения относительно людей и мест были утрачены, не должно удивлять. Для целей подобного текста – почитание покровителя, чтение во время богослужения или за столом в праздничный день святого – такие сведения мало полезны. Житие стремится дать свидетельство о величии и могущественности святого и, более того, является своего рода гарантом «подлинности» реликвий, оно дает знать, кого именно почитать, особенно если, как

Алтарь Св. Аурелиуса в соборе Св. Девы Марии в Цвифальтене. Фото Roland Schäfer

и в этом случае, речь идет о «новом» святом. Как иначе он мог бы стать или оставаться известным, если бы о его памяти не заботились из года в год?

Кажется, что это первое известие об Аврелии в Шварцвальде было составлено после случившегося переноса, т.е. примерно в следующем поколении после Людвига Благочестивого (814-840), в чье время осуществляется перенос. Об основании монастыря пока еще не идет речи. Только в источниках последующих столетий говорится о том, что останки сперва были выставлены в церкви, посвященной Св. Назарию, а затем хранились в отстроенной заново церкви Св. Петра; в качестве точного года основания монастыря всплывает цифра 830. Период времени до момента составления текста описывается копией Штутгартской рукописи, а также другими свидетельствами второй половины IX века. В обоих ранних райхенауских мартирологах, содержащихся в Бадской земельной библиотеке в Карлсруэ и Центральной библиотеке Цюри-

ха, которые возникли в период между 864 годом и 887 годом, 14 сентября, день погребения реликвий в Хирсау, указывается как праздник Св. Аурелиуса.

Сюда же относится потерянный мартиролог из Санкт-Галлена, от которого были обнаружены фрагменты, датируемые 850-860 годами. Албан Долд, открывший эти фрагменты, установил, что Ноткер Балбулус из Санкт-Галлена, который составил свой мартиролог после 870 года, однозначно использовал этот мартиролог. На 25 мая, праздник Св. Дионисия, мартиролог содержит текст, из которого следует, что Ноткеру была известна история Аурелиуса: он пишет об изгнании и смерти Дионисия в Армении, близ города Reditio, о возвращении его останков Аурелиусом, епископом Reditio, в Милан и о том, что Аурелиус умер в Милане и был похоронен в той же могиле, что и Дионисий, как об этом они оба договорились еще при жизни. Все это подробно описано в Житии.

Перечень санкт-галленских жизнеописаний святых в Кодек-

се 566 монастырской библиотеки, основанной в первой четверти X столетия, указывает в качестве места нахождения Vita Aurelii (Жития Аурелиуса) на так называемый Малый мартиролог. Время составления жития таким образом можно ограничить периодом между 840 годом и 850-860 годами.

Где было составлено это жизнеописание? Так как в Житии написано: «тело есть вклад туда [в Хирсау]», место возникновения рукописи следует искать где-то в другом месте. Основание монастыря в Хирсау, видимо, еще не завершилось ко времени написания текста, иначе монастырь наверняка был бы упомянут в сообщении о переносе.

Уже ясно, что район Боденского озера, в особенности монастыри Райхенау и Санкт-Галлен, играют решающую роль в данном вопросе. К Райхенау ведет целый ряд отсылок. Даже в райхенауских мартирологах этого раннего периода подтверждается праздник Св. Аурелиуса. Для Штутгартской рукописи в каче-

стве места создания определяется Райхенау. Сюда же относятся записи родственников семьи основателя Хирсау в памятной книге, которая была заведена в 830 году, указано имя Ноттинга. Ноттинг, сын кальвского Эрлафрида, видел местом своей церковной деятельности Верхнюю Италию, что не было необычным в рамках тогдашних интенсивных отношений с Италией, прежде всего со стороны франкской и алеманской аристократий. В 830-х годах он был епископом в Верчелли, затем в Вероне и Брешии.

Разнообразные отношения Райхенау с Италией известны не в последнюю очередь благодаря переносу реликвий из этого места – в первой половине IX века мощи святых Генезия, Валенса, Сенезия и Теопонгуса были перенесены к Боденскому озеру. И если указанный в «Хронике Галлуса Охайма» Ноттинг, который передал Райхенау часть владения в Хирсау, и есть наш Ноттинг,

то имеется еще одно косвенное доказательство связи между Хирсау и Райхенау. Сюда же относятся параллели художественного плана во внутреннем убранстве церкви в Райхенау и Хирсау, а также языковое родство между текстами возникшей в островном монастыре истории Генезия и жития Аурелиуса.

В общем и целом, кажется, что особые контакты между Райхенау и Хирсау существовали в IX веке. Так, предположение о том, что Житие Св. Аурелиуса было написано в скриптории Райхенау, становится все более правдоподобным. В то время там возник целый ряд агиографических работ; об этом свидетельствуют имена Ветти, Валафрида или автора истории Генезия. Возможно, путь до Штутгартской рукописи можно описать так: один экземпляр жития отправился в Хирсау, один остался в островном монастыре. Праздник Аурелиуса был внесен в мартирологи вместе с

праздником Воздвижения Креста – оба отмечались в тот же день. Житие могло быть внесено в мартиролог под датой 14 сентября, оно могло уже вскоре послужить в качестве образца Малого мартиролога соседнего Санкт-галленского монастыря, из которого затем Ноткер почерпнул знания об Аурелиусе. Штутгартская рукопись представляет собой следующую копию райхенауского мартиролога, которая, возможно, была предназначена для другого монастыря.

Аурелиус попадает в забвение

Как бы ни складывалась судьба монастыря Св. Аурелиуса в Хирсау в течение первых столетий, все началось с почитания святого, с его гробницы в церкви, с Жития и распространения праздничной даты в литургических текстах других монастырей (пусть даже ограниченном узкими рамками).

Часть мощей Св. Аурелиуса – его голова, хранящаяся в посвященном ему алтаре в соборе Св. Девы Марии в Цвифальтене. Фото Roland Schäfer

Очевидно, однако, что не произошло распространения престольного праздника — Аурелиус остался чужим святым. Последовали темные времена — вплоть до середины XI века мы почти ничего не узнаем об Аурелиусе и его монастыре. Он упоминается в некоторых рукописях X века. Во время освящения монастырской церкви Всех Святых в Шаффхаузене в 1064 году сообщается о реликвиях Святого Аурелиуса в главном алтаре. Аурелиус расположен после Святого Сильвестра в начале группы защитников веры: Сильвестр, Аврелий, Бенедикт, Мартин, Галлус и Ульрих.

Не каждое упоминание его имени должно, тем не менее, указывать на фактическое почитание. Передача местных праздников была для взаимосвязанных между собой монастырских общин само собой разумеющейся. Она могла легко оставаться формальной, прежде всего в тех случаях, когда не передавалось жизнеописание и святой оставался неизвестным. Также не стоит переоценивать и наличие реликвий или литургическое упоминание. Все же можно предположить наличие интереса к этому святому и обращение к нему в собственном монастыре.

Аурелиус или Петр? Второе основание монастыря

Лишь в контексте нового основания/заселения монастыря Св. Аурелиуса с середины XI века вновь оживает почитание святого. После того как настоятель Вильгельм сде-

лал Хирсау известным в качестве центра реформ, возрождение монастыря стало заметным и было письменно зафиксировано. После первого сообщения о его основании в Codex Hirsaugiensis старая монастырская церковь пришла в упадок, монахи ушли, имущество было потеряно. В XI веке еще знали, что мощи святого покоятся в Хирсау, их наверняка искали, когда Папа Лев IX из Эгисхайма, дядя кальвского графа Адальберта II, спросил о могиле Аурелиуса по

случаю визита в Кальв в 1049 году. Как известно, только лишь специально привлеченному специалисту из Веноло удалось разыскать могилу... Лев IX сразу же отдал Адальберту распоряжение позаботиться о восстановлении монастыря. Тот обещал это сделать, но лишь спустя 10 лет выполнил свое обещание, и в 1065 году 12 монахов из Айнзидельна под предводительством аббата Фридриха смогли заселить монастырь. По всей видимо-

сти, в то время еще существовала смутная память об Аурелиусе и его монастыре. Наверняка этот поступок Льва IX следует оценивать в рамках его монастырской политики. Очевидно, что именно от него исходила инициатива, которая привела к новому основанию монастыря и к тому, что Св. Аурелиус снова вернулся в сознание людей в качестве покровителя.

В 1059 году началось строительство церкви Св. Аурелиуса, и оно еще не завершилось, когда аббат Вильгельм в 1069 году перенял руководство монастырем; при нем сооружение было достроено в 1071 году. Не подлежит сомнению, что Вильгельм также способствовал развитию культа покровителя монастыря, в конце концов именно он поручил написать работу, посвященную истории святого. Он попросил настоятеля Виллириама Эберсбергского (1048-1085) о новой редакции Жития Св. Аурелиуса.

Подлинник статуи Св. Аурелиуса с западного фасада собора Св. Девы Марии в Цвифальтене созданной Йозефом Кристианом из Ридлингена в 1753 году. Хранится в соборе

©ARHE

Фрагмент подлинника статуи Св. Аурелиуса

В прологе, в посвящении Вильгельму Виллириам пишет о своем произведении как о сжатом сообщении («*vitarn... parvissimo eloquio comprehensam*»), которое ему надлежит расширить до небольшой книги. При всем рвении сделать это из братской любви он тем не менее намекает на трудность этого предприятия: это так же тяжело, как из крохотного количества золота сделать длинные полоски; он признается, что не может увеличить ничего существенного, а только лишь развить. Многие говорят в пользу того, что этот образец и был первым известным нам жизнеописанием, но из этого не вышло даже небольшой книги,

текст Виллириама имеет такой же объем, что и сам образец. Текст наверняка был написан вскоре после 1069 года, в первые годы пребывания Вильгельма в Хирсау, до того как новые покровители пришли на смену Св. Аурелиусу.

Планом Вильгельма, его программой реформирования была *libertas monastica* — программа свободы монахов в отношении любого вмешательства с мирской стороны в дела монастыря. Это связывало его с Клуни и папой Григорием VII, который некоторое время сам провел в Клуни в качестве монаха Хильдебранда — *libertas monastica* стала таким образом и *libertas Romana*.

Копия статуи Св. Аурелиуса на западном фасаде собора. Идет реставрация фасада

Когда Вильгельм по причине большого наплыва людей приступил к новому сооружению своего монастыря на левом берегу Нагольда, эта реформа проявилась не в последнюю очередь в смене престола. Аурелиус больше не был главным покровителем монастыря, в новые патроны были возведены великие римские святые Петр и Павел — наглядное проявление новой программы. Поэтому кажется правдоподобной привязка редакции Жития к первым годам пребывания Вильгельма в Хирсау.

Интерес Вильгельма к жизнеописанию становится понятным в контексте его разногласий с Адальбертом: для него много значило подчеркивание обстоятельств основания церкви. «Владельцем» монастыря был святой, а не светская власть. Спор по поводу *libertas* в итоге привел к примирению и скрепленной печатью свободе монастыря в грамоте Генриха IV от 9 октября 1075 года. Здесь новое основание монастыря описывалось как восстановление ранней бенедиктинской жизни.

Монастырь, который во времена Людвига Благочестивого «был благочестивым образом основан

Аббат Вильгельм, возродивший монастырь Св. Аурелиуса в XI веке

и посвящен Господу в честь Святого Петра и Святого епископа Аурелиуса неким Эрлафридом, благородным и благочестивым мужем, и его сыном Ноттингом, почтенным епископом Верчеллийским, и другими родственниками Адальберта, графами крепости Кальв, был однако впоследствии разрушен их потомками». Связь между переносом реликвий и основанием монастыря проявляется здесь впервые. Эрлафрид назван отцом Ноттинга, наряду с этим указывается, что в основании принимали участие как церковные, так и светские лица. В то время в Хирсау должны были быть живы традиции, которые сделали возможным такое изложение истории. Бесспорной осталась, однако, передача мощей Св. Аурелиуса как первого святого заступника Хирсау; показательно, что дарение произошло как раз в день Св. Аурелиуса, 14 сентября. Хирсау все еще монастырь

Св. Аурелиуса, тем не менее его уже затмевает могущественный монастырь Св. Петра.

Что же произошло с реликвиями святого? С въездом в новый монастырь в 1092 году старый монастырь стал приоратом, занятым двенадцатью монахами; останки Аурелиуса остались там. Хотя главный алтарь церкви Св. Петра и хранил частицы мощей Св. Аурелиуса, тем не менее собственно алтарь святой не получил.

Переезд Аурелиуса. Дочерние монастыри Хирсау

Влияние реформаторского движения Хирсау, заметное по целому ряду монастырей, которые были основаны из Хирсау или переняли реформаторскую программу, распространяло также и память о святом. Она оберегалась вне Хирсау самыми разнообразными способами. Так, имя святого и впредь используется для монастыря: «Передано святому Аурелиусу Хирсаускому...» — записано о произошедшем до мая 1082 года дарении в райхенбахской дарственной книге. В связи с освящением церкви в Зиндельфингене 4 июля 1083 года упоминаются реликвии Аурелиуса в главном алтаре.

Главный алтарь монастырской церкви в Цвифальтене (освящен в 1109 г.) также получил частицу мощей Св. Аурелиуса, как и алтарь, посвященный святым заступникам, а также главный алтарь цвифальтенской больничной капеллы. Дальнейшие упоминания мощей Св. Аурелиуса известны из Вайнгартена (1124 г.) и Салема (1179 г.). К XII и XIII векам относятся первые свидетельства распространения его Жития. В собрании так называемого «Большого австрийского сборника легенд» содержится первое жизнеписание в рукописях из Хайлигенкройца и Лилиенфельда, следующая копия происходит из Рейнау. Жизнеписание Виллириама обнаруживается в оксенхаузенском и трирском преданиях. Пожалуй, самым значительным свидетельством почитания Аврелия в XII веке мы находим в «Штутгартском мартирологе», попавшем

через Цвифальтен в Штутгарт. Третий том содержит текст составленного Виллириамом жития. До начала текста (Fol. 36r) вставлена иллюстрация, показывающая Аурелиуса аббатом, в одеянии священника и с жезлом аббата он благословляет трех монахов в церкви. Fol. 36v украшает инициал I (gitur), заполняющий всю длину левого края — отличительный знак святого. Начало Жития Св. Аурелиуса в штутгартском мартирологе (Вюртембергская земельная библиот. в Штутгарте, Cod. bibl.fol. 58, лист 36 v.)

Невозможно ответить на вопрос о месте происхождения текста — Хирсау или Цвифальтен, где находился труд с XII века. Несомненно, что в качестве места назначения следует рассматривать монастырь, в котором почитание этого святого занимало особое место. Помимо Хирсау в этом качестве можно рассматривать также Цвифальтен.

Если смотреть сверху вниз, то в переплетении вьющихся растений проявляются всадник верхом на змеевидном животном, летящая вверх птица и мужчина в короне. Если учесть основную идею текста — святой укротил земное, стремился к вечным благам, поднялся на небеса и был коронован Христом, — то в последовательности изображений можно обнаружить сражающегося со злом человека, чья душа — в символе птицы — поднимается на небеса, где он в награду за свою успешную борьбу получает венец вечной жизни.

Следующее раннее изображение святого также относится к XII веку: в хоровой книге из Цвифальтена его имя указано в мартирологе крупными прописными буквами, его образ находится на лицевой стороне среди святых, почитаемых в сентябре, не будучи особенно выделенным; на нем вместо епископской митры — тирара, которая наверняка предназначалась Корнелию на противоположной странице.

Второе рождение. Обращение к истокам

«Монахи-бенедиктинцы, писавшие в позднем Средневековье и в

наступающем Новом времени летописи и хроники своих монастырей, делали это не с намерением снабжать любознательных читателей занимательными историями. Монастырская историография имела целью утвердиться перед лицом угрозы утраты непрерывности. Прочтенная в рукописях история должна была дать ощущение того, что и в будущем можно полагаться на силу традиции, уходящей далеко в прошлое».

В контексте новых реформаторских устремлений и реформаторского движения, которые усилились после Констанцкого собора, в монастырях вместе с обращением к собственной истории пробудился интерес к святому своего монастыря. Монахи Хирсау, примкнувшие к бурсфельдской реформе, нашли в Иоганне Тритемии (1462-1516) своего летописца, который сумел соответствовать требованиям реформы благодаря обращению к великим временам монашеской жизни в Хирсау, которые рассматривались как идеал, а следовательно, предполагали обязанность ему следовать. Была восстановлена память о значительных фигурах, оставивших след в истории Хирсау. Наряду с основателем Эрлафридом и вторым основателем Вильгельмом в их числе был и Аурелиус, первый святой-заступник монастыря.

Уже в середине XV века мы впервые снова слышим об Аурелиусе. Он становится одним из святых заступников нового алтаря, посвященного святым Петру, Николаю, Ульриху, Галлусу и Аурелиусу. Новый алтарь и целый ряд других церковных строительных мероприятий относится к сознательному оформлению «церковного ландшафта Хирсау», как с полным основанием назвал Зигфрид Гайнер религиозную программу аббата Вольфрама Майзера (1428-1460). Ансамбль святых, представленных всем верующим для почитания в Хирсау и вокруг него, объединил известных святых-чудотворцев и пап, святых дев, представителей монашества и королевской власти, «Святые небеса» для всех

Изображение Св. Аурелиуса из рукописи 1347 года (Национальный архив, Штутгарт H52 U14)

и каждого, кто молил о помощи и защите. Аурелиус относился к этому ансамблю в качестве «святого-заступника соборных отцов» и местного святого. Уже здесь намечалось то, что в последующие десятилетия должно было стать еще более четким: реформы должны начинаться изнутри, внимание обращается к собственным основаниям.

В 1488 году аббат Блазиус Шельтруп (1484-1503) распорядился поднять останки Св. Аурелиуса, которые вплоть до этого момента лежали в старой церкви Св. Аурелиуса, и велел перенести их в церковь Свв. Петра и Павла. Это было не только спасением от постоянных разливов реки Нагольд, но и одновременно жестом признания «заново открытого» святого. Тритемий пишет, что десять лет спустя могилу снова вскрыли, останки извлекли для почитания и затем погребли за главным алтарем вместе со списком имен всех участников собрания в качестве доказательства данного акта. Возможно, что каменная плита с изображением святого, выставленная сегодня в капелле Девы Марии, представляет собой плиту этой могилы. Изображение показывает святого епископа с опоясывающей надписью: «В блаженный год 830 почи-

таемое тело светлого предстоятеля Аурелиуса было перенесено из Италии в Хирсау и там же было принято и утвердилось».

Как долго это место оставалось пристанищем святого, нам неизвестно. Вполне допустимо, что в 1502 году вместе с освящением нового алтаря Св. Аурелиуса в церкви Свв. Петра и Павла туда же были перенесены и реликвии. Возрождение почитания заступника монастыря наблюдается в первую очередь в литургических текстах этого времени; *devotio* (благочестие) и литургическая служба относятся к основным задачам бурсфельдских реформаторских устремлений, которые стали ощутимы теперь и в Хирсау.

Сохранившаяся в Штутгарте рукопись Cod. bibl. fol. 34 времен аббата Блазиуса — это требник, который после основательного изучения, произведенного Вольфгангом Иртенкауфом, был определен как бурсфельдская «редакция», а точнее как стремление к унификации календаря праздников с исключением местных святых, при котором празднику Св. Аурелиуса отводилась высшая литургическая степень. Кроме главных празднеств, к этим праздникам (*summum maius* — первый класс с особым отличием) относятся

© Fotoverlag Günter Beck, Pforzheim

Общий вид монастыря Свв. Петра и Павла в Хирсау. Современное состояние

также праздники Всех Святых, Вознесение Девы Марии, Свв. Петра и Павла, а также Св. Бенедикта. 14 сентября стало главным праздником, которому даже отдавалось предпочтение перед Воздвижением, празднуемым в тот же день. Ссылки на литургическое почитание содержат также общие собрания проповедей, например, в одной из рукописей второй половины XV века говорится: «De sancto Aurelio vel alio confessore». В тех местах, в которых должно быть вставлено имя желаемого сторонника веры, написано «Aurel». Следующее собрание проповедей содержит цитату из шестой главы жития Аурелиуса, составленного Виллириамом: «Nota s. Aurelius contra Arrianos: Audistis, inquit, fratres karissimi...» («Св. Аурелиус против ариан: говорит, братья возлюбленные...»).

Интерес к Аурелиусу выражался в дополнениях к календарю, в дополнительных вставках его имени в литаниях и в новых копиях жития. Немецкое жизнеописание XVI века по тексту Виллириама хранится сегодня в библиотеке Донауэшингена.

«Здесь говорится о жизни святого епископа и духовника Святого Аурелиуса, который покоится в благородном и совершенном монастыре Хирсау в Шварцвальде». И добавлено: «но где он сейчас, мне неизвестно». Свидетельства из Блаубойрене документально подтверждают, что 4 сентября, в праздник освящения церкви Хирсау, была прочитана история о переносе реликвий Аурелиуса из Милана в Хирсау. В мариологе «Passionale decimum» Бартоломея Краффта из Блаубойрена, написанном до 1496 года, тем не менее не упомянуто жизнеописание с последующим сообщением о переносе, а содержится второе сообщение об основании из Codex Hirsaugiensis под ссылкой: «Quo tempore corpus sancti aurelii de Ytalia sit translatum vel quando Hirsaugia sit fundata» («В то время, когда тело Святого Аурелия из Италии было перенесено или когда Хирсау был основан»).

В календаре Аурелиус появляется под датой 14 сентября после Воздвижения, Корнелия и Киприана. Известны также изображения святого того времени.

На витражах освященной в 1487 году капеллы всех святых на северной стороне церкви Аурелиус присутствовал вместе со святыми-заступниками Петром и Павлом. На картине, выполненной по поручению настоятеля Блазиуса, с изображением передачи монастыря графом Адальбертом, Аурелиус в епископском облачении находится рядом с Бенедиктом, а лист гравюры на дереве изображает епископа, который касается крестом мужчины, стоящего перед ним на коленях, — знак того, что святому, по причине описанных в житии чудес, прежде всего доверяли болезни головы. Это становится явным из «Молитвы к Святейшему Аурелиусу, епископу и исповеднику». Без сомнения, она предназначалась для широкого распространения; подобный текст должен был попасть даже в самые отдаленные монастыри. Тем, для кого оставалось неясным географическое положение исходного монастыря, помогало данное вначале описание. На молитвенной записке к пасхальному причастию 1956 года содержатся обращение святого и

молитва на немецком языке с указанием «по старой хирсауской традиции». Речь идет о переводе текста молитвы «Славный Святой Аурелиус»: «Проповедник Господа нашего! О блаженный высокий священник! Твои мощи покоятся в Хирсау! На небесах Ты участвуешь в царствовании Иисуса Христа! Просим Тебя: помоги нам в этих реках слез в болезнях нашего тела и в каждой беде, от которой мы страдаем! Благородный христианский пример, Святой Аурелиус, молись за нас Господу нашему, чтобы мы смогли, освободившись от телесных и душевных мук, достойно восхвалять в Тебе Христа! Всемогуший Вечный Бог, встречающий нас чудесным образом в Твоих Святых, мы просим и взываем смиренно к Твоей силе и Твоему величию, пусть мы, обращающиеся к имени святого епископа и заступника Аурелиуса, освободимся от болезней тела и пусть будет нам даровано здоровье, чтобы мы отблагодарили Тебя достойно в Твоей церкви и после благопристойной жизни попали в вечную радость через того, кто придет судить живых и мертвых и мир как огнем. Аминь».

Конфессиональные изменения последующего времени завершают этот период почитания Аурелиуса. Хоть старая церковь Св. Аурелиуса и стояла до 1584 года, но из визитационного отчета 1578 года мы узнаем, что она уже более 50 лет не используется для богослужения и больше ни для чего не годится, кроме как «для сбора тех, кто жаждет предаваться там идолопоклонству». Очевидно, что еще происходили секретные визиты почитателей старого места погребения, даже если останки уже давно находились в другом месте и в здании находился лишь памятный обелиск. Если в отчете о передаче реликвий графом Вильгельмом Вернером фон Циммерном речь шла об амбаре, из

Начало Жития Св. Аурелиуса
в штуртгартском мартирологе
(Вюртембергская земельная библиот.
в Штуртгарте, Cod. bibl. fol. 58, лист 36 v.)

которого вынесли гроб («arsam... e vilo horreo... transportavit»), то, скорее всего, ссылались на позднее состояние церкви. В визитационном отчете 1584 года было воспроизведено решение о том, чтобы не пускать никого, прежде всего чужаков, в бывший дом Господень. Под чужаками понимаются посетители купален из Вильдбадена и Либенцелля, которые хотели увидеть церковь: «как сообщается, временами на могиле Св. Аурелиуса находили принесенные фрукты, т.е. неизвестные люди тайно приходили сюда и оставляли фрукты в качестве пожертвования».

Предлагается «перенести могильную плиту Аурелиуса (толь-

ко по причине ее старения) внутрь монастырской церкви». Затем церковь была разрушена, чтобы на еще хорошем фундаменте построить амбар. О том, что память об Аурелиусе не исчезла, свидетельствует Мартин Крузий. В церкви Св. Петра он еще видел во время визита в 1593 году могильную плиту Аурелиуса, выставленную на клиросе на четырех каменных ножках. К тому же кажется, что кладбищенская часовня переняла престол церкви Св. Аурелиуса. В книге складского учета Хирсау 1699 года указана граница «с церковью Св. Аурелиуса» — когда произошла эта смена престола, неизвестно.

III Откуда родом Аурелиус? История и легенда

Предание в Штутгартской рукописи имеет классическую структуру: пролог, житие, отчет о переносе. Пролог и сообщение о переносе мощей являются полностью трудом нашего автора; что касается переноса, то он мог опираться на устные сообщения. Какие же источники использовались для составления Жития? Сам автор говорит о старом, искаженном источнике, который он хотел переработать. Если это было не простым – подтверждаемым различными примерами из литературной истории – литературным оборотом, чтобы придать произведению больше авторитета, то следовало бы думать о типичной каролингской «моде» переработки жизнеописаний, по которой тексты перерабатывались согласно вкусу времени. Тогда, правда, нужно предположить наличие образца Жития и поставить вопрос о месте его происхождения. Во

внимание принимается только Милан как первое место погребения Аурелиуса. В таком случае вместе с реликвиями через Альпы проследовало и Житие святого. Тем не менее, скорее всего, в Милане отсутствовало раннее всеобщее почитание святого в таких масштабах, чтобы можно было предполагать наличие его Жития. Хотя его имя и встречается в месяцесловах, достоверные данные о его почитании зафиксированы лишь в XI веке, и только лишь во время Карла Борромея († 1584) был закреплен церковный обряд. В то время в IX веке Св. Аурелиус и в Милане кажется относительно неизвестным святым – тем более вероятным представляется его перенос. Записка в Codex Hirsaugiensis о том, что передача происходила «при закрытых дверях», вероятно, отражает отношение к святому в Милане XI века, когда, несмотря на перенос в Шварцвальд, можно было констатировать возрастающее почитание Св. Аурелиуса.

В копиях XV-XVI веков сохранился, однако, текст утраченной к настоящему времени эпитафии из Милана, о которой нужно рассказать. Для раннего миланского жития, очевидно, отсутствует какая-либо отправная точка.

Так, становится возможным третий вариант: в распоряжении автора были во-первых, общедоступные источники – он сам ссылается на X книгу церковной истории Руфина († 410), во-вторых, он основывался на региональной миланской традиции. Суть этой традиции могла быть упомянутая надгробная надпись:

DEPOSVIT CORPVS TVMVLO
SED LAVDE PERENNIS

AVRELIVS PENETRANS REGNA
BEATA POLI

QVI MORTEM VICIT MERITIS
MVNDVMQVE RELINQVENS

IMMENSVM CHRISTI POSSIDET
IMPERIVM

CVIVS VT AGNOSCAS SANCTAE
PRAECONIA VITAE

CONSORTIS LECTOR RESPICE
FATA VIRI

AMBO PARI LVCS CLAVSERVNT
 TEMPORE METAM
 MEMBRAQVE DIONYSIO IVNXIT
 AMICA PAPAE
 PROMPTA SACERDOTIS
 LACRYMAS MENS IVVIT ORANTIS
 HANC IDEO TABVLAM OBTVLIT
 EVSEBIA
 AVRELIVS CIVITATIS RIDITIONIS
 EPISCOPVS
 HAC DIE POSITVS QVO ETIAM
 PONTIFEX SANCTUS
 CONFESSORQVE DIONYSIUS
 POST CONSOL(ATVM)
 DOMNI N(OSTRI) DIVI LEONIS
 IVNIORIS

«Свое тело он отдал могиле, но вечна слава его. Аурелиус, он достиг блаженных полей небесного града, он победил смерть своими заслугами и покинул мир, он обладает неизмеримой властью Христовой. И чтобы узнать о славе его святой жизни, взгляни, дорогой читатель, на поступки его собрата по несчастью. Оба закончили в одно время свой жизненный путь, и он связал свои останки с останками епископа Дионисия. Отзывчивая воля священника освобождала просящих от слез (он слышал их молитвы), и поэтому Евсебий установил эту плиту. Аурелиус, епископ города Reditio, погребен в тот же день, что и святой епископ и заступник Дионисий; после правления нашего божественного господина Льва Младшего (475; император Лев II, правил 9 месяцев в 474 году в Константинополе)».

В Штутгартской рукописи говорится о житии: «ex authentico genovata»; что может быть аутентичнее подобного документа? Эта надгробная надпись — или уже распространенное ее толкование — могли вместе с текстом из «Церковной истории» Руфина, который автор местами изложил дословно, дать основу для жизнеописания. «Превосходство» Жития над эпитафией очевидно: автор сообщает, что Reditio находится в Армении и указывает его в качестве места встречи обоих святых, говорится о том, что Аурелиус перевез тело Дионисия в Милан. Центральная мысль — договоренность о совместной могиле. Первоначальные источники

Каменная крышка саркофага с изображением Св. Аурелиуса в капелле Св. Девы Марии монастыря Свв. Петра и Павла в Хирсау ▲ ▼

этой информации нам неизвестны. Однако уже достаточно рано проявляется связь Дионисия с Арменией: мартиролог, чьи самые древние копии датируются VIII веком, содержит под датой 8 февраля: «*In Arminia Natl. Dionisi. Miliani*», («в Армении отмечается праздник Дионисия Миланского»), что могло указывать на эту взаимосвязь. Если Армения считается местом изгнания Дионисия и Аурелиус находится рядом с ним, то было естественным искать Reditio в Армении. Таким образом, появляется возможность ставить вопрос о том, что еще, кроме совместной договоренности между святыми, могло в итоге привести к возвращению останков Дионисия в Милан и затем к захоронению Аурелиуса в общей с ним могиле?

Житие IX века как бы заполняет пробел, оставленный эпитафией. Вопросы о том, откуда родом Аурелиус и как он попал в Милан, были таким образом сняты. Но на относительно твердой почве мы стоим только лишь до 475 года. Если же мы хотим

проследить дальнейший путь, то сразу обращаемся к чистейшим предположениям. Если сведения надписи эпитафии достоверны, образуется промежутком времени продолжительностью больше двух поколений между датой надписи и временем Дионисия. Либо действительно указан год погребения Аурелиуса рядом с Дионисием, либо год относится к установке таблички. В первом случае рассматриваются два варианта: либо Аурелиус сперва был где-то захоронен, а в 475 году произошло погребение в могиле Дионисия, либо наш святой действительно умер лишь в этом году. Тогда Дионисия следует понимать не как его современника, но как святого такой же судьбы — *consors (сововариш (лат.). — Прим. ред.)*. В случае если дата относится лишь к установлению таблички, наличие общей могилы следовало бы предполагать ранее. Но нам даже неизвестно, с какого времени могила Дионисия находилась в Милане. Мало информации сохранилось о его последних годах. Из одного

Капелла Св. Марии монастыря Свв. Петра и Павла в Хирсау

письма Амвросия к верчеллийцам 396 года мы лишь узнаем, что он умер в изгнании. О возвращении его останков не говорится ничего, что было бы примечательным, если возвращение уже было совершено. Тем не менее не кажется невероятным то, что Амвросий, который уже был известен своей заботой о святых мощах, имел отношение к возвращению. Однако в источниках того време-

ни мы не найдем подтверждений. Вероятнее всего, Житие Дионисия появляется не ранее IX века, наверняка, лишь в XI веке, когда архиепископ Гериберт Миланский поручает воздвигнуть монастырь в честь Святого Дионисия. Из жития мы узнаем о кончине святого и пути в Милан только то, что уже известно из жития Св. Аурелиуса. В других традициях, кроме этого, известно о содей-

ствии Василия Великого († 379) в деле возвращения Дионисия, но и эти источники относятся к более позднему периоду. При установлении фактов следует придерживаться следующего: время от изгнания Дионисия до совместного захоронения обоих святых остается непроясненным.

Но давайте вернемся к исходному моменту, житию IX века. Относительно начала почитания Аурелиуса севернее Альп в качестве опоры могут служить его бренные останки, перевезенные из Милана, и его имя в связке с судьбой Дионисия, как это указано в эпитафии. Эта взаимосвязь вела в эпоху религиозных войн, из которой можно получить достаточно деталей для восстановления контекста жизни святого. Благодаря этому мы имеем в своем распоряжении труд IX века, который черпал информацию в старых источниках и строился на их базе в попытке сделать святого известным и наглядно показать его в качестве примера великого религиозного времени. Автор создавал Житие, не искажая существенного в важных вопросах: *ut nullo modo podum mendositatis crimenque fallacie incurramus* (см. Житие, гл. 1).

Так появился образ, который оживлял дух той ушедшей эпохи, но был и свидетельством устроений времени жизни автора. Речь шла не о точном написании истории, но скорее о том, чтобы показать непрерывность духа раннего христианства вплоть до своего времени и тем самым дать новые импульсы своей эпохе веры. Даты в этом смысле не играли существенной роли. Даже самый правдивый рассказ при своей надежности в отношении дат не был бы в состоянии сделать то, что в первую очередь имело своей целью Житие: предложить возможность участия, симпатию, «воздвигнуть» святого, как это подобало издревле. Праздничный день, который был отныне посвящен памяти об этом святом, определила дата погребения его останков в Хирсау: 14 сентября. ☺

Перевод с немецкого
Александра Каралевича

Карен АГЕКЯН

Этническая нация: ценности и интересы

часть вторая
Начало см.
«АНИВ» №41

Поле битвы

Обратившись к такой масштабной теме, не стоит пытаться выстроить строгую логическую последовательность изложения от начала и до конца — здесь все увязано и переплетено и только при больших упрощениях может быть выстроено в цепочку. Необходимо возвратно-поступательное движение, чтобы постепенно обозреть и ощупывать неохватную тему с разных сторон. Иногда полезно забежать вперед, дать предварительное общее видение, что мы сейчас и сделаем — хуже всего, когда длинный текст выглядит отвлеченным теоретизированием, которое имеет мало общего с насущными проблемами сегодняшней реальности...

Можно бесконечно спорить о метафизическом смысле истории, но трудно отрицать, что важнейшее ее содержание — борьба за власть и ресурсы различных сообществ (национальных, этнических, религиозных, сословных, классовых, профессиональных, территориальных и проч.), в большей или меньшей степени руководимых структурами управления (государство, Церковь, гильдия, профсоюз, политическая партия, общественное движение и проч.) и/или неформальными, целеполагающими группами активистов. При этом для мобилизации сообщества возникает необходимость формулировать его ценности и интересы.

Популярное определение Бенедиктом Андерсоном наций как «imagined communities» (сообществ, которые можно только вообразить, представить) на самом деле относится к любым сколько-нибудь многочисленным сообществам, чьи размеры превышают возможность постоянных контактов всех со всеми. Каждый свободен считать одни сообщества «органичными», другие — «искусственными», но ни в какой период времени большое сообщество не было безусловной данностью, осознаваемой человеком с той же ясностью, как свой пол или собственное имя. В этом смысле вдохновенные тексты и речи представителей образованных элит разных эпох чаще описывают должное, чем сущее. Кем в первую очередь будет ощущать себя человек — армянином или тбилисцем, католиком или врачом, сотрудником транснациональной компании или гражданином страны — подобные вопросы периодически становились очень актуальными. Человек не может быть тем, другим и третьим в полном объеме и с полной силой. Пытаясь совместить в себе несколько идентичностей такого рода, он постоянно будет приходить к противоречию и к необходимости делать выбор в пользу одной из них. Ведь речь не просто о том, чтобы кем-то себя называть, хотя и это немаловажно. Членом большого сообщества можно считать того, кто разделяет его ценности, видит связь между своими личными интересами и коллективными.

Усиление и развитие одной идентичности практически всегда происходит за счет других, в первую очередь это проявляется в разнообразных практических ситуациях.

Почему одни чувства съеживаются и ссыхаются, теряя способность конкурировать с другими? Почему сообщества теряют людей, почему интересы и ценности утрачивают способность мобилизовывать на свою защиту?

По замечательному определению Достоевского человек есть «поле битвы». Это верно в самых разных смыслах и измерениях: он не только поле битвы Бога с дьяволом, как считал писатель, — он часто становится полем, где борются друг с другом разные идентичности. Выбор всегда остается за человеком и производится постоянно в череде социальных микрособытий, исподволь подготавливая принципиальный выбор в моменты принятия им жизненно важных решений. Суммируясь друг с другом, совершенные или несовершенные поступки множества людей в значительной степени определяют судьбу сообщества.

Таким образом полем и объектом борьбы можно считать не только внешний мир — в целом и в его отдельных плоскостях, фрагментах и проявлениях, — но и внутренний мир каждого человека. В этой борьбе постоянно присутствуют два неразрывно связанных аспекта: борьба ценностей и борьба интересов. За проповедями о том, что конфликтность переходит в гармонию интересов и сосуществование ценностей, за любой картинкой «мира и дружбы», «процветания и развития» кроется усиление одних сообществ за счет целенаправленного ослабления и «разоружения» или естественного «старения» других. Однако в последние десятилетия набирала силу и распространялась в пространстве новая важная тенденция — ослабление больших сообществ как таковых.

«Уплотнение» и «разжижение» больших сообществ

В свое время натуральное хозяйство, неразвитость коммуникаций, слабость информационных потоков приводили к тому, что большие сообщества оставались раздробленными на отдельные локальные фрагменты. Некоторое единство между такими фрагментами устанавливалось только в силу внешних обстоятельств в пору катаклизмов — быстрого распада или формирования держав, природных бедствий, войн, гонений, массовых миграций, обращения в новую веру, каких-то масштабных «программ», осуществляемых деспотической властью. Тогда активизировались коллективные инстинкты больших сообществ, заставлявшие их фрагменты действовать единообразно. В остальное время круг «своих» ограничивался сельской общиной, а в городах — соседями по кварталу, приходской общиной церкви, цехом ремесленников и проч.

По мере социально-экономического развития и урбанизации отдельные местные общины втягивались в единый организм общества. Локальные группы со схожими характеристиками сливались в полноценные большие сообщества, возникало коллективное самосознание. В новых условиях резкого роста социальных контактов люди гораздо легче воспринимали идею общих интересов, необходимость солидарности и мобилизации для совместных действий. Одновременно огромные массы людей получили возможность осуществлять выбор «с кем и за кого» вместо прежнего автоматизма принадлежности. Все это давало толчок развитию самых разных политических идеологий, каждая из которых предлагала свою картину мира и свою мотивацию борьбы.

Следующий исторический этап начался где-то раньше, где-то позже, выражен где-то слабее, где-то сильнее, но уже полностью охватил по крайней мере весь «христианский мир», уже достаточно давно секуляризованный. Набрал полные обороты обратный процесс эрозии больших сообществ, каждая личность становится все более самостоятельной и обособленной. С началом процесса, который Зигмунт Бауман называет «разжижением» общества, все сложнее говорить о рабочем классе, этнической нации, сообществе верующих не как о статистическом множестве людей, определяемом набором характеристик, а как о реальной действующей силе. (По аналогии с этим «разжижением» больших сообществ предыдущую стадию можно назвать «уплотнением».)

«Как это ни парадоксально, но внутренний позыв личности распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению, подкрепленный давлением извне, может приводить к уменьшению зависимости судьбы человека от его воли. Поскольку обособленность есть враг общности, эти позывы и это давление уводят мысли и поступки людей в сторону от коллективно устанавливаемых условий, определяющих цели и перспективы их индивидуальных решений и действий. Эти позывы и давление принижают значение социальных причин и коллективных действий, приводят к тому, что состояние общества в целом не учитывается человеком при составлении его жизненных планов. Они подталкивают человека к мысли, что коллективные, согласованные действия не могут принести ему никакой пользы...» (Зигмунт Бауман. Индивидуализированное сообщество. Предисловие к русскому изданию).

Человеку предлагается все больше вариантов членства в самых разнообразных сообществах. Значимость в его жизни больших сообществ привычных типов (этнонациональных, классовых, религиозных), объединяемых как устойчивыми ценностями, так и материальными интересами (борьбой за ресурсы и власть), оказывается сопоставимой со значимостью сообществ «клубного» типа, не имеющих под собой иной основы, кроме вкусов и пристрастий, — сообществ фанатов футбольной команды или рок-группы, любителей горного туризма или знатоков чая, поклонников компьютерной игры или языка программирования. Социальные сети представляют собой идеальный инструмент для рождения подобных сообществ, которые формируются вокруг самых разных тем, объединяя в виртуале тысячи людей. И для конкретного человека его принадлежность к этнонациональному

сообществу может оказаться гораздо менее актуальной темой, чем, например, принадлежность к виртуальному интернет-сообществу любителей мультфильма «South Park», где выкладываются и обсуждаются старые и новые серии.

Иногда между «клубными» сообществами генерируются мини-«войны», конфликты с применением насилия, как, например, между группировками футбольных фанатов. «Войны» совершенно искусственные, поскольку здесь нет конфликта интересов, нет борьбы за материальные ресурсы и власть. Энергия спортивного фанатства по сути является энергией бегства от реальной жизни. И эта энергия настолько велика, что политики пытаются мобилизовать массы, имитируя лозунги болельщиков: например, «Forza Italia» и его клоны — «Россия, вперед», «Առաջ Հայաստան».

В подавляющем большинстве случаев пребывание в «клубном» сообществе не несет с собой никаких обязательств. Так или иначе «игра в обязательства» не меняет сути, она состоит в уходе от конфликтов, проблем и обязательств реальности. Принципы членства в «клубных» сообществах начинают распространяться на членство в размывающихся больших сообществах, которые предполагали долговременные ценности и интересы. Когда принадлежность к Армянству все больше становится в «новой» диаспоре поводом для отдыха от повседневности и приятного времяпрепровождения, это может привлечь в сообщество больше людей. С другой стороны — это существенно меняет суть слова «армянский» в названии такого сообщества. Политические, военные, экономические успехи Армении становятся предметом чисто спортивного «болеания», а элементы армянской культуры — чем-то вроде атрибутики футбольного клуба или любимой музыкальной группы.

Здесь важно видеть не личностные или поколенческие недостатки, даже в первую очередь не издержки диаспоричности, но глобальную тенденцию определенного этапа истории. Это переход от общества прогресса к обществу потребления (часто говорят о переходе от модерна к постмодерну), с принципиальным переводом фокуса с общего интереса на частный (сравним внимание и интерес людей к прогрессу фундаментальных наук, освоению космоса в 1960-х годах и сегодняшнее внимание к здоровому питанию, здоровому образу жизни). Рональд Инглхарт пишет, что «на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни», считая эти ценности «постматериальными». Постматериальны они или нет, но любые ценности индивидуального Я воплощают собой потребительство в той степени, в какой это Я перестает отождествлять себя с чем-то большим, что важнее его самого.

Исследователи отмечают, что идентичность становится все более нестабильной, все менее привязанной к конкретному социуму и конкретной культуре и почти полностью превращается в набор изменчивых предпочтений, где поле выбора глобально. Падает доля ценностей, связанных с ощущением своих неразрывных связей с сообществом, готовностью эти ценности отстаивать. Они девальвируются на уровень индивидуальных пристрастий и вкусов. В своей речи при получении премии Эдмунда Бёрка «За служение культуре и обществу» (апрель

2012 г.) политик и мыслитель Генри Киссинджер говорит об идентичности, которая «образуется согласием случайных «друзей» на нашей страничке в социальной сети». Такие Я оценивают как фрагментированное, децентрализованное. Частицы различных идентичностей могут уживаться в человеке хотя бы потому, что ни одна идентичность не воспринимается им «всерьез», не побуждает к какому-то постоянному участию в каких-то коллективных действиях, принятию на себя минимальных обязательств.

По мере ослабления советской системы, с ее ограничениями и запретами, на всем пространстве, которая она прежде контролировала, резко усилилась значимость вырвавшихся на свободу этнических и религиозных чувств. Но после естественного всплеска их сплывающая и мобилизующая роль очень быстро стала падать и здесь. С одной стороны, они были превращены в декларативный официоз теми, кто оказался у власти и при власти, с другой — были «приватизированы» миллионами людей, став важной частью их идентичности, но так, что индивидуум при этом оказался «никому ничего не должен».

«Уплотнение» больших сообществ — их «разжижение» — малые локальные общины. Общий — частный — общинный интерес. Прогресс — потребительство — гомеостаз бедности. Коллективное самосознание — его «остывание» — его отсутствие и вспышки коллективных инстинктов. С некоторыми оговорками это позволяет говорить о повторяющихся в истории циклах. Применив распространенные в последние десятилетия термины, можно определять их как переходы между обществами домодерна, модерна и постмодерна (армянскую действительность в этих терминах последнее время успешно рассматривает политолог hАйк Балаян).

Одни и те же процессы на разных этапах приводят к противоположным последствиям. Точно так же, как одинаковые процессы жизнедеятельности человека в зависимости от возраста ведут или к росту и развитию, или к старению. Под флагом борьбы за право и свободу мобилизовывались нации и классы, которым технологический прогресс и экономическое развитие позволили достичь критической степени «плотности». Тот же самый вектор развития экономической, социальной, информационной сред позднее оказался причиной процессов «разжижения» и атомизации.

Солидарность в «мире современности»

В критические для государства моменты, в том числе в пору его становления, власть наряду с лояльностью подданных или патриотизмом граждан обращалась к ценностям и солидарности доминирующих сообществ. Однако оно стремилось сохранить за собой монополию в политическом поле и при разнородности населения обычно отрицательно или более чем осторожно относилось к их консолидации и выходу на это поле.

По мере становления демократии и гражданского общества в «мире современности» здесь была легитимизирована возможность больших сообществ защищать и продвигать свои интересы, не затрагивая интересы других. Но государство продолжало видеть в этих сообществах конфликтный потенциал и считало важной своей

задачей развитие гражданской идентичности и единого гражданского сообщества за счет деполитизации религиозных, расовых, этнонациональных, региональных, классовых различий. В условиях равенства прав и общего роста благосостояния жесткие границы между большими сообществами постепенно размывались. Политические интересы все меньше определялись принадлежностью к такому сообществу и все больше статусом гражданина.

Ослабление связей и сокращение обязательств внутри больших сообществ действительно способствовали изживанию многих внутренних конфликтов. В странах с давними и устойчивыми традициями государственности и гражданственности жизнь населения продолжали организовывать существующие системы и структуры государства и гражданского общества. Правда, с течением времени оказалось, что падение солидарности внутри больших сообществ только временно пошло на пользу солидарности гражданской. В условиях роста благосостояния и снижения конфликтности солидарность как таковая начинает ощущаться слабее.

Согласно Инглхарду переход к «постматериальным ценностям» стал возможным в результате «беспрецедентной экономической и физической безопасности послевоенной эпохи». Есть все основания утверждать, что эта эпоха началась не ранее 1970-х годов, но главное в другом. Не совсем правильно вести речь именно о безопасности. Античный раб, крепостной крестьянин в России не чувствовали себя физически в опасности до тех пор пока оставались на своем месте и в своей функции. Источником конфликтов в истории была не столько забота о безопасности, сколько борьба сообществ за ресурсы и власть (в том числе освобождение от чужой власти). Солидарность и мобилизация больших сообществ были связаны не только с защитной реакцией на угрозу, но и с активной, наступательной борьбой. Соответственно, речь надо вести о тесной связи солидарности и конфликтности и неизбежном угасании первой при погашении второй.

При этом выхолащивается идея прогресса, сменяясь культом материального и духовного потребительства. Возникает устойчивое равнодушие к большой политике наряду со всплесками внимания к микрополитике во имя ситуативных интересов локальных, мелких групп. Наконец, падает значение самой государственности — ее функции постоянно сокращаются. Вместо конкретных структур организации и управления, хотя бы формально несущих ответственность перед гражданами и подотчетных им, жизнь людей все в большей степени определяет нечто неясное и неконтролируемое: действия стихийных сил глобальных рынков, международной бюрократии, интересы мировой финансово-промышленной элиты.

Однако запас устойчивости традиционных макросистем и макроструктур «мира современности» пока еще не позволяет всем этим явлениям вырасти там до размеров критической угрозы. При размывании прочих типов солидарности обязательства гражданина по отношению к государству продолжают действовать. Не только в силу исторической инерции, но также в силу того, что обществу потребления государство пока еще нужно в качестве «здания» со стенами, фундаментом, крышей и подведенными коммуникациями.

Два варианта трансформации

Что касается молодых национальных государств — таких, как Армения, находящихся на одном цивилизационном поле с «миром современности», — здесь все гораздо опаснее (эту тему мы уже затрагивали в № 38 нашего журнала). Таким странам предлагают сразу воспользоваться готовыми достижениями «мира современности» в том виде, который соответствует началу фазы «старения», «разжижения» в жизненном цикле общества. Не только моделями организации экономики, государственной власти и общества, но системой ценностей, ориентированной на максимально эмансипировавшуюся личность. Личность, для которой закончился полный цикл освобождения от «диктата» религиозной, этнонациональной, классово-коллективной. Самым активным проповедником этих моделей и ценностей в Армении уже давно является нынешний премьер Тигран Саркисян: *«В постиндустриальном мире значение человеческого фактора резко увеличивается. Очевидно, что думающий человек для проживания будет выбирать ту территорию, которая обеспечит ему максимальную комфортные, в его понимании, условия. Резкое возрастание мобильности передвижения позволяет быстро покидать те места, где условия жизни его не устраивают. Массовость подобных явлений приведет к необходимости передачи полномочий по принятию решений об обустройстве территории исключительно на местные уровни управления. Решения о канонах сосуществования и сожительства будут приниматься на уровне отдельных общин, и они, в свою очередь, в большей степени будут носить культурологический/социальный характер. Иными словами, неизбежно возникновение таких социально-культурных общностей, которые самостоятельно будут регламентировать поведение и условия жизни. Вмешательство бюрократического аппарата в регулирование отношений внутри отдельной общности станет бессмысленным, а попытки чрезмерного внешнего регулирования — опасными»* (статья «Конец государства (или новая форма организации общества)»).

Об этом, безусловно, говорится и пишется в контексте «рывка» страны в «будущее». Тему «рывка» или «скачка» здесь придется затронуть. В свое время советская власть организовала для народов Средней Азии. Теперешние варианты «скачка» не выглядят на первый взгляд такими абсурдными, как «скачки» из раннего феодализма — прямиком в большевистский социализм. Сегодня на «временной периферии» налицо множество примет современной жизни: от Интернета до визуального образа столичного центра, отдельных качественных шоссе магистралей, элитных учебных заведений. При всем этом в смысле государственного и общественного строительства большинство из «периферийных» стран находятся в ином веке.

Государство и общество отчасти органичны, отчасти технологичны. Воплощением технологичности можно считать, например, мобильную связь или Интернет. При минимальной грамотности можно уверенно пользоваться и тем, и другим независимо от социальной среды — с равным успехом это могут делать жители мирового мегаполиса или минимально «продвинутые» туземцы

в дельте Амазонки. Воплощением органичности можно считать, например, этническую нацию, которую никакими ухищрениями политиков и политехнологов невозможно сконструировать на пустом месте.

Органичность-неорганичность целенаправленной трансформации, политической или экономической, ничего общего не имеет с противопоставлением заимствованного «чужого» аутентично «своему». Применение чужого опыта, адаптация извне ценностей и моделей — не только экономических, но и политических, социальных, религиозных, культурных, идеологических — постоянно имели место на протяжении истории. К примеру, о российском самодержавии, как синтезе различных начал, писали многие русские историки. Сейчас часто цитируют религиозного философа и историка Георгия Федотова, который говорил, что с концом ордынского ига *ханская ставка* была перенесена в Кремль. В своей работе «Россия и свобода» (1945) он писал: *«Московское самодержавие, при всей своей видимой цельности, было явлением очень сложного происхождения. Московский государь, как князь Московский, был вотчинником, «хозяином земли русской» (так называли еще Николая II). Но он же был преемником (не в смысле династического преемства, а в смысле заимствования модели. — К.А.) и ханов-завоевателей, и императоров византийских. Царями называли на Руси и тех, и других. Это слияние разнородных идей и средств власти создавало деспотизм если не единственный, то редкий в истории»*. Адаптация заимствованных моделей власти совершенно не исключала того, о чем говорил Ключевский в своих лекциях «Курса русской истории» о московских великих князьях: *«...совпадение их земельных стяжений с пределами Великороссии волей-неволей заставляло их слить свой династический интерес с народным благом, выступить борцами за веру и народность»*. Здесь важнее всего формулировка «волей-неволей», которая прекрасно характеризует вполне возможную органичность сплава личного или группового интереса, адаптации чужих моделей и борьбы на благо формирующегося сообщества. Такое единство, которое в истории часто складывалось «волей-неволей», через некоторое время становилось вполне органичным принципом, освященной временем традицией, которая виделась совершенно аутентичной — верные ей люди шли во имя нее на лишения, жертвы, смерть. При адаптации новой модели уже приходилось преодолевать такую укоренившуюся традицию, как это было в случае петровских реформ в России или в ходе греческого национально-освободительного движения в Османской империи, когда пришлось перейти от православного «ромейского» сообщества, «румского миллета» к этнонации эллинов.

При попытках трансформировать государство и общество важен не столько вопрос о модели — полностью ли это отечественный «продукт» или в значительной степени «импортный». Всякий «рывок» по природе своей есть разрыв с предшествующим, разрыв определенной традиции. Сколь бы насущной ни ощущалась большинством необходимость перемен, конкретный проект, если он рождается внутри страны, всегда рождается в какой-то узкой элитной группе. Нет оснований говорить о связи идеи с почвой только потому, что по ней ходят ноги

родившего идею человека. Вопрос об органичности заранее решить нельзя, ответ выясняется только в ходе реализации проекта. Успешно прижившееся получает право считаться органичным, отторгнутое – нет.

Первый действительно актуальный вопрос по поводу «рывка»: величина и источник материального ресурса обеспечения (рабский труд, колонизованные территории, иностранные кредиты, государственные программы трудовой мобилизации населения и проч.). Второй вопрос: инстанция реального контроля и управления основными параметрами процесса (имперское или национальное, свое или чужое государство, надгосударственная организация, банки-кредиторы и проч.). Говоря о модернизации советских Закавказья и Средней Азии (где формально существовала своя «государственность» с ее атрибутами), поствоенной Западной Европы, посткоммунистической Восточной Европы или будущих восточноазиатских «тигров» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), мы видим разную роль внешнего центра (центров), но она все равно важнейшая. Соответственно, речь идет о его интересах в качестве центра огромной системы, которую можно назвать политической гиперсистемой, в отличие от макросистем, которые не ставят себе целью охват все новых и новых пространств. В концептуальном плане, если отвлечься от множества отличий и особенностей, главный интерес гиперсистемы состоит в расширении пространства интеграции или как минимум пространства контроля по ключевым параметрам. Сравнивая вклад ресурсов извне, мы можем различать на «временной периферии» разные категории стран – одни предназначены к политической интеграции в гиперсистему, другие – к контролируемой изоляции и ограниченному использованию, относительно третьих вопрос выбора между двумя опциями остается для внешнего центра пока еще открытым.

В любом случае цель никак не состоит в укреплении местного суверенитета, поскольку он вредит интересам центра хотя бы только непредсказуемостью суверенного субъекта. Недаром Тигран Саркисян, настойчиво пропагандируя сокращение функций (а тем самым и ответственности) суверенного государства, смещает фокус не только на микроуровень, в сторону «самореализующегося» субъекта, но одновременно и на «макроуровень», повторяя, что *«субъектами мира уже являются не государства, ими становятся цивилизации»* (если что-то и подходит хотя бы приблизительно под определение цивилизации как субъекта – это только гиперсистемы. – К.А.).

Наращение экономической, финансовой и прочей связности мира, естественно, ставит перед любым центром гиперсистемы по сути ту же задачу, которую ставило перед собой государство по отношению к большим сообществам. Государству предпочтительно было деполитизировать такие сообщества, размывая границы между ними, тем более что для этого возникли объективные предпосылки. Точно так же в условиях глобальных рынков и глобальных амбиций центров гиперсистем этим центрам важно десоверенизировать национальные государства, делая границы между ними прозрачными – опять-таки объективные предпосылки для этого есть.

Даже в случае формального успеха результат такого «рывка» имеет для страны гораздо больше минусов, чем плюсов: резкие диспропорции между развитием эко-

номики и политической системы, между применением высоких технологий и обеспечением безопасности государства. Если «экономическое чудо» неспособно само себя защитить, если оно держится на клановой психологии внутри и военно-политическом «зонтике» извне, его трудно считать образцом успеха. Удержание даже таких результатов ускоренного развития модернизации напрямую увязано с существованием гиперсистемы и ее центра. При схлопывании системы их в основном постигнет судьба карточного домика, из-под которого выдергивают скатерть.

Конечно, достаточно примеров провального в конечном итоге «рывка», основанного на использовании внутренних ресурсов и собственного контроля. Такой вариант никак не повышает вероятность успеха. Но нас в первую очередь интересует цель – в данном случае это как раз укрепление суверенитета и мощи государства. И вовсе не потому, что трансформацию изнутри затевают «хорошие парни», а извне – «плохие». Со стороны власти и/или других влиятельных элит внутренний проект обычно мотивирован ростом уязвимости государства, которую они непосредственно ощущают как собственную уязвимость перед внешними силами. (В Армении власти в действительности не нужны никакие «рывки вперед», здесь у нее совершенно другие тревоги – она осознанно ищет обеспечения своей легитимности извне и видит преодоление собственной уязвимости в обслуживании интересов внешних центров силы.)

При относительном успехе серии внутренних трансформаций так или иначе создается, развивается, набирает мощь и суверенность материальное «тело» государства, которое потом может быть национализировано, как после французской революции 1789 года была национализирована монархия Бурбонов. Здесь важно, что национализируется вся система целиком, пусть даже отдельные ее части оказываются поврежденными или сломанными в ходе национализации. Если же центр находится вовне – там же вовне находятся несущие конструкции системы и моторы развития. При желаемой или вынужденной эмансипации от центра окраине удастся «национализировать» только часть отдельных деталей развалившейся конструкции. Внешне благополучная эмансипация Чехии после распада империи Габсбургов, закончилась тем, что через два десятка лет после независимости чешское государство было в мгновение ока без проблем проглочено нацистской Германией. Про то, чем закончилась советская модернизация Армении, говорить излишне. Все «прелести» 1990-х годов в Армении объяснялись в первую очередь не тем, что власть «удивительным образом» оказалась в руках неподходящих людей, не переходом от социализма к капитализму (точнее от периферийного «социализма» к периферийному «капитализму»), а характером предшествующих десятилетий модернизации: гиперсистема, управление из внешнего центра. Даже такой результат модернизации, как человеческий ресурс, который мог бы оказаться в независимой Армении «в сухом остатке», тоже в немалой степени утек через границы.

Конечно, множество «больших сообществ», особенно этнонациональных и классовых, политически созрело/реанимировалось как раз в периоды модернизации империй

XIX-XX веков, однако это было не «заслугой» империй, а особенностью эпохи, ее доминирующих трендов, о чем еще будет сказано ниже. В нынешнюю эпоху и гиперсистемы работают по иному, и – самое главное – общество в «мире современности» переживает иную фазу развития.

Таким образом, суть вопроса ускоренного развития на «временной периферии» в двух противоположных целях «рывка» – ослабление или укрепление суверенности. При внутреннем проекте дефицит ресурсов, безусловно, требует более высокой мобилизации, поскольку именно трудовой ресурс способен восполнить даже значительный дефицит всех остальных. Власть (к примеру, в Северной Корее) может проводить такую мобилизацию самыми жестокими и бесчеловечными методами, может пренебрегать интересами населения. Она может попираť его свободу еще в большей степени, чем внешний центр силы, меньше учитывать местные социальные и культурные традиции. Это одна крайность, другая – самоустранение государственной власти от ответственности с предоставлением гражданам формальных прав и свобод.

Удается ли совместить борьбу за формирование материального «тела» страны, обеспечение суверенитета государства в мире и внутреннюю борьбу за суверенитет народа в государстве? Или эти задачи оказываются конфликтующими? Или два процесса разделяются во времени? В любом случае это дорога тяжелой борьбы с внешними и внутренними противниками, дорога жертв, лишений и т.п. В самом слове «суверенитет» весь этот путь через «кровь, пот и слезы» заложен с практической очевидностью.

Воля к суверенности

Здесь важно отметить, что именно воля к суверенности, ее приоритетная ценность отличают этнонациональное сообщество от прочих больших сообществ. Бессмысленна сама постановка вопроса о суверенитете по отношению к расовому, классовому, религиозному, профессиональному и прочим сообществам. Причина заключается в основополагающем принципе кровно-родственной связи. Именно он дает этнонациональному сообществу материальную, генетическую основу для психологического ощущения самоидентичности в веках и тысячелетиях, позволяя видеть такое сообщество через метафору «коллективной личности». Сейчас в науке принято отрицать реальность кровно-родственной связи между отдаленными друг от друга во времени поколениями этноса, ставить под сомнение многие эпизоды этнонациональной истории, предполагающие разного рода цепочки преемственности. И тем не менее вот что пишет Энтони Смит: *«Преемственность между нацией и ее этническим прошлым, которую поддерживают, невзирая на реальные трансформации, такие реконструкции прошлого, предполагает более глубокую потребность, стоящую над индивидами, поколениями и классами, потребность в коллективном бессмертии через последующие поколения (...). С помощью сообщества истории и судьбы воспоминания могут оставаться живыми и дела – сохранять свою славу. Поскольку только в цепи поколений тех, кто соединен исторической и квазиродственной связью, индивиды надеются достичь бессмертия в эры сугубо земных горизонтов.*

Гарантировать бессмертие невозможно, но к нему, безусловно, приближают преодоление уязвимости и распоряжение каждой «коллективной личности» собственной судьбой, то есть суверенитет. Такая цель по сути полярно противоположна целям любой гиперсистемы: интеграция и контроль. Враждебное сообщество, враждебное национальное государство стремятся лишить этнонацию важных ресурсов, а в предельном случае – уничтожить. Гиперсистема, в поле интересов которой оказывается этнонация, стремится (нередко через политику ускоренного развития) разрушить ее изнутри, в головах. Деполитизировать, оскопив «коллективную личность», лишив ее воли к суверенности. Советская «коренизация» (приоритет местных кадров, местных языков) была, как и НЭП, временным тактическим ходом большевиков для скорейшего внедрения новых порядков и новой идеологии. Впрочем, в гиперсистеме проекты развития этнонациональной культуры, как и проекты регионального экономического развития, часто идут рука об руку с проектами деполитизации и оскотления этнонации.

Всякая макроструктура управления, от государственной и церковной до партийной и профсоюзной, имеет естественную тенденцию в определенной степени обособливаться и частично переключать свою деятельность на собственный интерес. В этом смысле между «государственным интересом» национального государства и «национальным интересом» всегда есть некоторый «зазор», который может вырастать до огромных размеров. Этот «зазор» часто используется внешними силами для ослабления авторитета национальных элит и макроструктур управления (при наличии последних). Они стремятся представить суверенитет как корыстную, архаичную и нереалистичную «в наше время» цель «чуждых народу» элит или столь же чуждой ему государственной власти. Ради этой якобы ложной цели приносятся в жертву «подлинные интересы народа», который на самом деле вместе с другими хочет строить на земле коммунизм, глобальное демократическое общество или «империю Света и Добра». Ведь только так люди смогут прийти к «счастью»... С помощью набора образов «простого человеческого счастья» маниакальные «гиперцели» глобальной социальной инженерии пытаются сплавить все с тем же потребительским инстинктом в человеке. При этом рассчитывают контролировать разжигающую силу потребительства, направляя его против идеи национального суверенитета.

Устранение политики и идеологии

Однако такой сплав абсолютно противоположных по природе начал – потребительства и идей, предназначенных быть «знаменем» гиперсистемы, оправдать ее существование и ее экспансию – не может быть устойчивым. И здесь вступает в действие новый фактор – развитие производительных сил достигло такого уровня, что даже политические гиперсистемы с их ядерным оружием, миллионными армиями, спецслужбами, структурами управления и контроля над огромными пространствами и множеством граждан оказываются безнадежными «легковесами» по сравнению с совокупным потенциалом мирового предпринимательства (от ТНК до мелких «частников»), силами мировых финансовых и сырьевых рынков, которые все в

меньшей степени поддаются контролю политических акторов. Конечно, в рыночной экономике имеет место конкурентная борьба, векторы интересов разнонаправлены, и у нас, казалось бы, нет оснований объединять все компании в единого «актора», ставя его на одну доску к таким акторами как США или Китай. Однако у предпринимательского мира есть один фундаментальный общий интерес: он живет и развивается прежде всего за счет потребления. И культ индивидуального потребительства – его общая религия. Прозелитизм этого культа в конечном итоге ослабил не только всех акторов политического поля, но стал обесценивать само поле в целом.

Именно в этом смысле надо понимать слова Зигмунта Баумана: *«Плавка твердых тел» привела к прогрессирующему освобождению экономики от традиционных связей с политическими, этическими и культурными условиями. (...) «Твердые тела», чья очередь быть брошенными в плавильный тигель настала и которые уже находятся в процессе плавления в наше время – (...) есть связи, соединяющие индивидуальные действия в коллективные планы и действия – паттерны коммуникации и координации между индивидуальными действиями линиями поведения с одной стороны и политическими действиями коллективов людей - с другой (...) Любая плотная сеть социальных обязательств, и особенно основанная на территориальном принципе, является препятствием, которое необходимо убрать с пути»* («Текущая современность». Предисловие). Раньше это касалось больших сообществ, потом перешло на национальные государства, на очереди – гиперсистемы с их центрами силы.

Потребительство напрямую апеллирует к природным человеческим слабостям и в этом смысле едино по своему духу. Бессмысленно делить потребности и товары на «естественно необходимые» и «искусственные» - эта мнимая граница быстро меняется со временем. Страстное желание поменять «бентли» на «феррари» имеет ту же основу, что и желание сменить старые лапти на новые.

Не только финансово-промышленным корпорациям, которых иногда представляют в виде монстров, но почти всем, кто вовлечен в предпринимательскую активность (это миллионы людей, а не горстка баснословно богатых «мудрецов», якобы плетущих дьявольские заговоры против человечества) удобен человек как чистый потребитель. С сознанием, не отягощенным никакими «измами», идеологиями, убеждениями, которые потенциально всегда будут порождать конфликты. Такой вектор развития выгоден и компании «Apple», и бригаде из трех ребят, которые просто дают объявления и ставят оконные стеклопакеты. Многие из того, что даже в провинции пренебрежительно не станут называть предпринимательством, все же является таковым, и мизерные величины, суммируясь, дают огромную, которая действует в резонанс с совокупным потенциалом крупных компаний. Пусть даже такие «предприниматели» еле сводят концы с концами, пусть у них нет возможности ни лоббировать в политике свои интересы, ни продвигать какую-то свою линию в обществе. Но им тоже жизненно нужны потребители, которые завтра потребляют больше, чем вчера.

Для духа предпринимательства крайне выгоден абсолютно бесконфликтный мир, где он безраздельно го-

сподствует в единстве со второй необходимой половиной – духом потребительства. Ошибочно думать, что бедный человек или основное население бедных стран не участвуют в обществе потребления, не заинтересованы в нем. Так или иначе такие люди имеют представление о товарном изобилии, мечтают приобщиться к нему, потребляют все вместе огромный объем суррогатных, контрафактных товаров, имитирующих «фирменные». Короче, живут потребительскими ценностями. Колоссальные миграционные потоки связаны за редкими исключениями не с угрозой голодной смерти или политических преследований, а с желанием попасть в «общество потребления», хотя бы в качестве людей второго-третьего сорта.

Когда-то очень выгодными были военные заказы. Но с ростом уровня благосостояния среднего человека самым прибыльным делом оказалось обслуживать его запросы, формировать и удовлетворять его новые потребности – в мобильных телефонах, эпиляторах, «i-pad»-ах, пище без консервантов, в одежде, музыке, напитках, желании позагорать на пляже и т.д. Не только корпорациям важно, чтобы в любой, даже самой географически далекой стране на «временной периферии» человек жил ценностями «мира современности», то есть был потребителем с непрерывно расширяющимися и обновляющимися потребностями. К такому завоеванию периферии подключается множество людей на месте – производителей по лицензии, распространителей, дилеров, ремонтников, настройщиков, имитаторов поддельной продукции, монтажников наружной рекламы, специалистов, работающих по аутсорсингу и проч.

Индивидуализм настолько созвучен потребительству, а любые виды солидарности и обязательств настолько мешают ему, что на очереди встала уже и семья в ее современном минималистическом варианте. В свежей статье из британской «The Guardian» «Почему капитализм хочет, чтобы мы были одиночками?» Эван Моррисон пишет:

«С 60-х годов быть холостым считалось радикальным выбором, формой бунта против буржуазного капиталистического конформизма. Как говорит социолог Жан-Клод Кауфманн, переход от семейной жизни к образам жизни в одиночку был частью «непреодолимой движущей силы индивидуализма». Однако, эта свобода выглядит гораздо менее чарующей, если смотреть на нее через призму запланированных перемен в консьюмеризме.

Сегодня есть экономический смысл в том, чтобы убедить народ жить в одиночестве. Одиночки потребляют на 38% больше продуктов, на 42% больше упаковочного материала, на 55% больше электричества и на 61% больше газа на человека, чем семьи из четырех человек. Об этом говорится в исследовании, проведенном Цзяньго Лю из Мичиганского университета. Теперь в США согласно данным Population Reference Bureau в возрасте между 25 и 34 годами одинокие люди, никогда не вступавшие в брак, опережают людей в браке на 46%. Развод представляет собой растущий рынок: одна распавшаяся семья означает, что теперь два дома должны покупать - два автомобиля, две стиральные машины, два телевизора. Дни полной семьи как идеальной потребительской единицы сочтены.

Капитализм погружается в стагнацию, и корпорации осознали, что теперь есть два новых русла роста: во-первых, на развивающемся рынке одиночек, и, во-вторых, в потворстве разводам и концепции индивидуальной свободы. Это заметно в переменах в рекламе - целевой аудиторией для таких разных продуктов, как бургеры и отпуск, становятся одинокие, в особенности - одинокие женщины. Новая реклама Honda и Citibank противопоставляет совместной жизни процесс самопознания в одиночестве и отсрочку создания отношений. (...)

Теперь консьюмеризм требует от тебя одиночества, потому и продает его как нечто сексуальное.

В движении к бесконфликтному миру благополучных потребителей помогает глобальная информационная среда. Ее развитие обеспечивается прежде всего усилиями корпораций, как средства рекламы, продвижения товаров и услуг, пропаганды потребительства. Хотя на первом этапе велик был вклад военно-политических «центров силы», по-прежнему рассматривающих ее как средство контроля и управления, сбора информации и «промывания мозгов». В конечном счете любая «гиперсистема», даже самая идеологизированная, помогает движению к потребительскому миру без политики и идеологии своей растворяющей границы, унифицирующей политикой проникновения и контроля. Но этот союзник скоро станет лишним — логика освобождения от мобилизующих ценностей и размывания солидарности будет продолжать вести дальше, пусть и не всегда по кратчайшему прямому пути.

«Гиперсистема» все равно должна декларировать какую-то идеологию, какие-то ценности, она не может обосновывать подчинение центру силы, только потому, что он силен. А это так или иначе конфликтность, даже в так называемом «однополярном» мире. Неотъемлемая сторона «гиперсистемы» - военно-политическое могущество. Такое могущество, хотя бы в целях поддержания исправности «машин», должно периодически проявляться — и в виде «мягкой силы», и в виде прямых военных действий. А это опять-таки конфликтность, которая мешает потребителю потреблять все больше, разрушает инфраструктуру. Значит, и гиперсистема должна быть размыта в качестве самодовлеющего центра силы.

Сегодня иногда кажется, что такие центры силы поставили крупные корпорации на службу своей политике. Но важнейшей практической задачей государства, обеспечивающей ему успех на других фронтах, все больше видится поддержка развития «своих» корпораций. «Для современной промышленной политики (имеется в виду политика государства. — К.А.) экономически развитых стран характерно отсутствие жестких отраслевых приоритетов, что стало следствием прежде всего высокодиверсифицированной структуры бизнеса, - пишет руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН Владимир Кондратьев. - Поэтому в качестве главного адресата промышленной политики все чаще выступают сформировавшиеся в той или иной стране корпоративные структуры. Именно здесь во все возрастающей степени концентрируются ресурсы общенационального развития: профессиональные кадры (маркетологи,

топ-менеджеры), управленческая компетенция, передовые технологии и финансовые ресурсы». Поскольку государственная мощь оценивается прежде всего с точки зрения экономической и технологической конкурентоспособности, такому сращиванию интересов государства с интересами бизнеса сегодня не находят альтернативы. «Глобальная конкурентоспособность ассоциируется в первую очередь с деятельностью крупных, как правило, транснациональных корпораций», - пишет автор. В условиях, когда другие крупные корпорации и банки пользуются поддержкой «своих» государств, «твои» корпорации и банки без такой поддержки просто не выдержат конкуренции со всеми вытекающими последствиями для экономики страны. Это хорошая иллюстрация действия стихии предпринимательства-потребления, которая оттесняет на обочину или загоняет в подчиненное положение тех, кто не готов следовать в русле трендов, работающих на ее совокупный интерес.

В нынешнее кризисное время роль государства снова в некоторой степени возрастает по отношению к стихии рынка. Но какое это государство? Государство, поддерживающее и подпитывающее корпорации, чтобы использовать их для решения государственных политических задач? Или поддерживаемое и используемое корпорациями как институт формирования и реформирования необходимой для них среды деятельности и страхования корпораций от краха на средства налогоплательщиков?

Есть отчетливый симптом: уже сегодня ни действующие, ни потенциальные центры «гиперсистем» не могут предложить внятную и убедительную идеологию, какой раньше были династическая, религиозная, коммунистическая, демократическая. Неолиберальный и неоконсервативный варианты обоснования политики «Запада» переживают очевидный кризис. О глобальных идеологиях других центров силы говорить не приходится, в лучшем случае они исчерпываются лозунгами борьбы против «Запада» и его идей.

В любом случае желательно обойтись без конспирологии и демонизации - это только затрудняет понимание процесса, тренда. Увеличение прибылей, создание мира, где это можно делать наилучшим, беспрепятственным образом — это не «заговор», а естественный интерес финансово-промышленных корпораций и мира предпринимательства в целом. Полный контроль над миром во имя унифицирующих проектов социальной инженерии — естественный интерес центров силы «гиперсистем». Борьба «коллективной личности» за суверенитет, власть и ресурсы — естественный интерес этнонаций. До поры до времени было легко критиковать акторов последних двух типов: обращаясь в одном случае к опыту этнических преследований и «чисток», в другом - к опыту советского и американского глобальных проектов. Сейчас первые последствия движения к бесконфликтному и благополучному потребительству кое-где уже налицо, и мрачные перспективы процесса вырисовываются все более отчетливо. Невольно напрашивается вывод, что конфликтность и борьба на самых разных полях, в первую очередь на политическом, необходимы и человеку, и обществу, как средство против размывания солидарности и деградации «атомарной» личности. ☺

Продолжение следует

Подписка на журнал «АНИВ» 2012 г. (по России)

Чтобы оформить подписку на журнал «Анив» на 2012год (6 номеров), Вам необходимо:

- ⊕ Заполнить анкету:

Фамилия, Имя, Отчество.....

Индекс.....

Область/край.....

Город/населенный пункт.....

Улица.....

Дом..... Корпус..... Строение.....

Офис/квартира.....

Особые примечания.....

Телефон.....

E-mail.....

- ⊕ Оплатить подписку в размере **1080 р.** в любом банке России и прислать анкету и копию квитанции об оплате по почте: Москва, 119048, ул. Усачева, д. 10, на электронный адрес: podpiska-aniv@yandex.ru или по факсу +7-495-974-20-02

Платеж

Получатель: ООО «АНИВ-М»

КПП: 770401001 ИНН: 7704669288

Р/сч.: Р/с 40702810700310000530

в: ОАО «ОТП Банк»

БИК: 044525311 К/сч.: 30101810000000000311

Платеж: подписка на журнал «Анив», 2012 г.

Плательщик: _____

Адрес плательщика: _____

ИНН плательщика: _____ № л/сч. плательщика: _____

Сумма: **1080 р.** Сумма оплаты услуг банка: _____ руб. __ коп.

Подпись: _____ Дата: " __ " _____ 2012 г.

Квитанция

Получатель: ООО «АНИВ-М»

КПП: 770401001 ИНН: 7704669288

Р/сч.: Р/с 40702810700310000530

в: ОАО «ОТП Банк»

БИК: 044525311 К/сч.: 30101810000000000311

Платеж: подписка на журнал «Анив», 2012 г.

Плательщик: _____

Адрес плательщика: _____

ИНН плательщика: _____ № л/сч. плательщика: _____

Сумма: **1080 р.** Сумма оплаты услуг банка: _____ руб. __ коп.

Подпись: _____ Дата: " __ " _____ 2012 г.

По всем вопросам обращайтесь по телефону +7-495-974-20-01, добавочный 43-08

